Андрей Самохин

КИТАЙСКИЙ КРУГ РОССИИ

Андрей Самохин

КИТАЙСКИЙ КРУГ РОССИИ

ПОСЕВ

Обложка художника А. Русака

© Possev-Verlag, V. Gorachek KG 1981
Frankfurt a. M.
Printed in Germany

„И никто нам не поможет,
и не надо помогать".
Г. Иванов

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы стиснуты между древним Востоком и неоново-автомобильной Европой. Как пойдет судьба наша через 20-30 лет? Чем станем мы? Мостом, где встретятся два начала, или полем брани? Нам своя судьба интересна: России, народа ее.

Китай. Как мало мы знаем о нем. Но судьба России и судьба Китая ныне связаны, и как там дальше ни пойдет, что там ни случится – все молчат, боятся сказать, но знают – судьбы наших держав неотделимы. И нельзя сейчас не думать о нашем будущем, надо смотреть на эту проблему открытыми глазами.

В наш страшный и непонятный XX век мы будем жить с Китаем бок о бок на одной планете. Говорят – история поставила китайскую проблему. Нет, не история, а те, кто правил нами.

Для нас сегодня Китай – не очередная, пусть огромная, историческая задача, даже не период нашей истории. Нет – это вопрос дальнейшего существования России, вопрос ее жизни и смерти. И не о китайцах надо думать сейчас, а о нас. Нам нужно жить с ними вне зависимости от того, какой там строй.

Сказал Солженицын в своем „Письме вождям", что в войне с Китаем весь народ русский погибнет. Но нет неизбежности ни в войне, ни в мире.

Своему народу жизнь легче сделать, для своей страны, для процветания и могущества – вот основа

основ жизни государства. Но не тем, кто правит сегодня в нашей стране, решить китайскую проблему и обеспечить будущее России. Они и не хотят решать, да и не могут. (Они ничего не могут, даже накормить народ.)

Решить предстоит нам, и ни на кого не надеяться. Все придется делать самим, а для этого надо знать, как пришли мы в столкновение с Китаем, как перекрестились исторические пути двух держав. Знать факты подлинные, а не выдуманные и подстроенные под правду. Необходимо знать все обстоятельства.

История наша пошла на китайский круг.

Когда-то мы были маленьким государством, скорее княжеством, и трудно нам было, плохо. Степняки-половцы и всякие другие кочевники грабили нас, хазары сбирали с нас дань обильную. Однако, мы им, „неразумным хазарам", отплатили за их буйные набеги и разрушили их столицу, да и вообще сам-то каганат исчез почти без следа. Это был наш языческий круг.

А противников становилось больше и, самое главное, они были прекрасно организованы и вооружены. Пришедшие с Востока монголы воспользовались отсутствием у нас союзников и тем, что не существовало единства среди княжеств, из которых состояла тогда Россия, нанесли нам поражение и вошли мы в состав огромной Монгольской империи. Случилось это около середины XIII века, и здесь, можно сказать, княжеский круг истории кончается.

Похоже было, что России не подняться и не стать независимым государством. Так может оно и случилось бы, но по воле Господа пришло на Русь

Православие, которое объединило разрозненные и даже враждебные друг другу княжества и племена вокруг Москвы. Постепенно расшатали, разрушили мы монгольское владычество. Кончился монгольский круг русской истории.

Следующие два века (до самого конца XVII-го) заняла у нас борьба с остатками некогда могучей империи – ханствами Казанским и Астраханским. И все время – непрерывные набеги крымцев, избивавших нас беспощадно, терзавших русскую и украинскую землю вплоть до самого XVIII века. Между делом нас едва-едва не прикончила Польша: подстрекаемая Испанией и при помощи иезуитов организовала она на Руси такую смуту, что мы едва не канули в ней бесследно. Да помогло нам Православие и Матерь наша Православная Церковь! Призывал патриарх Гермоген „на кровь дерзнути", но изгнать захватчиков. Не мог сесть на русский престол польский король или какой-нибудь там принц из поляков. Почему? Да потому, что он был католик, а мы – православные. Но Польша под действием внутренних сил, а в основном в результате своей неразумной политики и раздоров между шляхтой, ослабла и начала распадаться.

Кроме Польши существовали еще и шведы и турки, проводившие антирусскую политику. Турция на нас натравливала Крым, а шведы не хотели пускать нас на берега Балтийского моря. Вот, в борьбе с тремя этими странами, не хотевшими пускать Россию в Европу, в конце XVIII века перестала существовать Польша, у Швеции же отобрали ее европейские владения, а позднее даже Финляндию. Но все это было позднее, а с реформ Петра и побед над Швецией в Северной войне начинается новый круг рус-

ской истории – Петровский, и кончается предшествующий – Московский.

Победы над Швецией, Турцией, Польшей и превратили Россию в Российскую империю. После победы над Наполеоном мы становимся уже совсем европейской державой. Постепенно покончили и с Турцией, исподволь ослабляя ее мощь.

Наступает новый круг – имперский, начиная с середины XIX века.

ОТНОШЕНИЯ С КИТАЕМ ДО 1917 ГОДА

Подстрекаемая неразумными политиками, расширяется Россия на Восток. Сегодня, когда советские средства массовой информации обвиняют китайцев в извращении политики России в XVI веке, следовало бы напомнить тем, кто сидит на „советском Олимпе", что в советских изданиях можно прочесть вот такое: „Достигли берега Тихого океана, но этих успехов, как видно, было мало московскому правительству. Вслед за этим идет и подготовка к захвату р. Амура" (В. П. Саввин. „Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем". – М. -Л., 1930, с. 24). Вдумайтесь в написанное советским автором: Московское правительство агрессивно и готовится захватить у китайцев им принадлежащую реку Амур! Зачем же обвинять китайскую прессу, достаточно покопаться в советских изданиях, там можно разыскать, что угодно.

Если им прикажут, советские писаки перекроят историю, – на бумаге, конечно, – так, как угодно тому, кто командует в настоящий момент. Вот как совсем недавно подавалась история джунгар (ойратов): „В 1758 г. казахский народ под руководством хана Аблая с помощью китайских войск нанес сокрушительный удар джунгарам и освободился от джунгарского ига" („Учебник истории СССР". – М., 1950, с. 55). Если добавить к этому, что Джунгарское ханство располагалось на большей территории нынешнего Синьцзяна, к которому советское

руководство проявляет столь повышенный интерес в последнее время, то все станет ясно. И вот, появляются ныне самые „подлинные" статьи, вроде одной из многих в „Вопросах истории" (1974, № 9), где некто Гуревич дает совершенно противоположную оценку той же самой истории Джунгарского ханства и поливает грязью тех же самых китайцев, освободивших казахов от джунгар. Вчерашние оценки пересматриваются и даже „разоблачаются". Так и с крупнейшим в СССР специалистом по Синьцзяну И. Я. Залаткиным и его монографией „История джунгарского ханства" (М., 1964): он пересматривает в этом труде все оценки истории Синьцзяна. Одним словом, если раньше китайские действия в Синьцзяне были положительным явлением, то теперь они рассматриваются как самые реакционные. Только вот издание 1936 г. той же самой книги И. Я. Залаткина, что-то ныне не выдают в советских библиотеках. Тут писать можно до бесконечности, а суть одна: „единожды солгавши, кто тебе поверит". Если уж помянуть старое, то можно напомнить, что именно Россия активно помогла подавить восстание в Синьцзяне, а затем вернула эти территории Китаю в 1881 году.

А уж если всю правду говорить о той поре, то это совсем нетрудно: когда пало непрочное Джунгарское ханство, Россия в это дело не вмешалась и правильно сделала, ибо дела у нас куда поважнее были, чем лезть в авантюры в бескрайних и бедных степях Центральной Азии. Тогда в России умная женщина командовала – Елизавета, дочь Петра Великого, и шла война в Европе. И хорошо поступила Россия, ибо у нас сто лет после этого не было никаких конфликтов с Китаем – мы сами по себе,

а они сами по себе. Торговля, правда, часто прерывалась между нашими двумя странами, но все-таки не воевали же. Недоразумения часто случались, из-за перебежчиков: не хочет, например, одна сторона выдавать перебежавшего к ней человека, а то и целое племя, – сейчас же „разрыв дипломатических отношений". Как видите, вопрос о „свободе передвижения", который сейчас обсуждают на всех международных конференциях, т. е. значит свободного выезда из страны, был весьма актуален даже триста лет назад.

Но, как бы там ни было, мы не воевали, и это самое главное. Не лилась кровь людская, как водица, не жгли дома, не тратились ресурсы и силы государства.

Вообще же необходимо заметить, что с 1818 г. до 1851 г. Россия и Китай в переговоры между собой не вступали.

Во взаимоотношениях с Китаем есть одна особенность. Полная катастрофа на Западе и поражения в Крымской войне в 1853-56 гг. совпали с резким усилением интереса правящих кругов России к Востоку в самом широком смысле слова: потерпев крушение в европейских делах, решили, под руководством графа Нессельроде, возместить потери в далекой Маньчжурии. Мы не станем даже кратко излагать историю всей этой огромной, бесполезной, да и просто преступной авантюры, навязанной нашему народу, но хотели бы лишь вспомнить забытые факты и события, которые столь актуальны в наше тяжелое время.

В те времена рубеж между двумя странами действительно находился без особого надзора и, видимо, следовало как-то разграничить два великих государ-

ства – Китай и Россию. Действия царского правительства совпали по времени с Тайпинским восстанием. Сопротивляемость Китая в связи с внутренними беспорядками понизилась, и начался настоящий дележ его территории. Хищники со всего мира, решив, что тигр подох или, по крайней мере, при издыхании, сбежались делить его шкуру. Однако, как мы видим ныне, они значительно поторопились.

Неприятно, но следует сказать, что царское правительство приняло участие в конфликте Китая с Англией на стороне последней. Впрочем, это участие было чисто символическим: адмирал Путятин на корабле „Америка" прибыл в Гонконг в 1858 г. и присоединился к флоту, действовавшему против пекинского правительства. Так в 1858 г. был заключен Айгунский мирный договор. Но только по Пекинскому мирному договору два года спустя Россия заняла одинаковое положение с другими иностранными державами в Китае и получила те огромные привилегии, которыми они пользовались задолго до этого времени. Китай превращался в колонию благодаря, – и не в последнюю очередь, – маньчжурской династии, которая использовала услуги иностранцев, чтобы удержаться у власти.

Необходимо отметить, что наше продвижение в Сибири, за Уральскими горами и выход к Тихому океану резко отличались от действий, предпринятых царским правительством в Маньчжурии и, частично, в Монголии. Следует помнить, что русские, преимущественно казаки, продвигались, начиная с похода Ермака в конце XVI века, в строго определенном направлении, тяготея к северу. Шли они верхами или на легких своих лодочках, используя систему водных путей и перенося утлые ладьи на руках.

Сопротивление было зачастую серьезным, но неорганизованным, ибо тогда на просторах Сибири не было настоящих государственных образований, которые могли бы задержать первопроходцев. Русские лишь подобрали бесхозное имущество быстро развалившейся огромной империи монголов. Казаки занимали пустующие земли или селились среди местных племен. Они были вольными людьми, уходившими от „строгостей" центральной власти, от ответственности за „лихие дела", но, главное, – бежавшими от проклятого крепостного права. Любопытно, что подобный процесс колонизации незанятых земель вдоль границы также имел место и в Китае, в самом конце XIX и начале XX вв., причем русский очевидец считал, что маньчжурская династия в известной мере копировала действия казаков, стараясь создать сильное крестьянское население вдоль границ с Россией (см. А. П. Болобан. „Колонизационные проблемы Китая, Маньчжурии и Монголии". – Харбин, 1910).

Когда мы говорим о продвижении России на Восток, необходимо привести и еще одно немаловажное обстоятельство: после нашествия монголо-татар русские оказались в положении их колонии. В то время, как европейцы стали создавать колонии в Азии и Африке, мы, русские, были колонизированы народом, пришедшим из глубин Азии. И здесь судьба России неповторима. Монгольское иго во многом объясняет стремление русских на Восток.

Безусловно, со всех точек зрения имело прямой смысл разрушить такие разбойничьи гнезда, какими были Казанское и Астраханское ханства, что и исполнено было в XVI веке. Неизбежным и правиль-

ным был также предпринятый Петром I прорыв на берега Балтийского моря. Непрерывные набеги крымских татар, грабеж ими русских земель на юге и агрессивная политика стоявшей за ними Турции, вынудили русское правительство к самым активным действиям. Крымское ханство исчезло, а мощь Турции была сокрушена уже в XIX веке.

Но действия царского правительства в конце XIX и начале XX вв. далеко выходят за рамки правомерных и законных действий, кои предпринимались и предпринимаются каждым правительством для защиты своих граждан и своей территории. Мы приведем здесь мнение русского автора начала века о действиях царского правительства в Китае: „Оккупацию Маньчжурии ни в коем случае нельзя считать продолжением естественного исторического хода событий... это даже не колонизация, а военная оккупация" (П. М. Головачев. „Россия на Дальнем Востоке". – СПб., 1904, с. 31).

Вообще, по мнению большинства мыслящих современников, нелепое, необузданное расползание нашего государства в Азии, и особенно в Китае, прямо опасно для нас. Действия же наши в Маньчжурии совершенно безумны: издевательства над местным населением, повальное пьянство, дикий разврат, организация публичных домов.

В целом вся эта безумная авантюра с „прорывом к Желтому морю", стоившая государству невероятных средств и усилий, не говоря о сотнях тысяч человеческих жизней, окончилась полным и совершенным крахом.

Почему Россия вступила на подобный путь? Почему она пошла на явно невыгодные территориальные захваты? Почему она изматывала свои силы во

внешнеполитических авантюрах, когда в стране нарастало движение против центральной власти, угрожавшее самому существованию державы? Ответы на эти вопросы кажутся весьма простыми и очевидными: империалистическая политика, необходимость противостоять происках Англии, Японии, США, захват колоний, и, наконец, самое главное – „политике России во все времена свойственны некоторые общие черты, среди которых... один из наиболее отличительных моментов – стремление к постоянному расширению своей территории, расширению не оправданному и не продиктованному экономическими или иными потребностями. Экспансия ради экспансии (G. F. Kennan. Russian Foreign Policy. – London, 1962, c. 595). Эти слова господина Кеннана – известного специалиста по Советскому Союзу – мы привели специально, ибо они хорошо выражают весьма широко распространенную на Западе точку зрения на русскую историю. Однако должно сказать, что подобные утверждения, хотя и выглядят довольно заманчиво, попахивают мистикой. Что за такое таинственное желание расширяться? Почему?

При всем нашем уважении к трудам столь известного специалиста по СССР, каким является г-н Кеннан, подобные рассуждения несправедливы. Не только Россия расширялась, расширялись и другие страны, игравшие в „имперскую игру". Вспомним Польшу – она тоже когда-то простиралась от моря и до моря: от Балтийского и до Черного, того самого, которое в старину называлось – русским. И Испания захватила в Европе Нидерланды, а за морем – огромные колонии; даже после развала своей империи в XIX веке она стремилась исхитриться и схватить свой кусок в раздираемой империалистами Африке. А непрестанное расширение своих владений Великобританией? А европей-

ские владения Швеции? Нет, процесс здесь тот же самый, что имел место в России. Так что насчет „неоправданного... расширения территории" – пустяки это. Очень даже оправданным это было на „диком Западе", а почему то же самое в Сибири оказывается неоправданным? Все это огромное пространство России (повторяю: России, а не империи) создано было по сути дела за сто с небольшим лет, считая от 1584 г. – бессмертного подвига Ермака и его крохотного отряда. А затем двинулись вслед первопроходцы, и им часто куда труднее было на сорокаградусном сибирском морозе, чем в прериях за фургонами шагать на дальний запад Америки.

Существует принципиальная разница между завоеванием империи в XIX веке и продвижением русских казаков по неизвестно кому принадлежащим землям в XVI и XVII вв. Завоевание Сибири происходило по частной инициативе и лишь в конце XVII века – при минимальной поддержке государства.

Рассмотрим часто приводимое сравнение историков, что действия Ермака, Хабарова, Кольцо, Атласова и др. „удивительно напоминают действия Кортеса или Писсаро". Все, кажется, похоже: маленький отряд мужественных людей против огромной сильной армии „местного населения", побеждающий, казалось бы, в совершенно безнадежном сражении с колоссальным воинством „дикарей". Похоже, да только внешне, а на самом деле все по-другому: не приходили инки или ацтеки в Испанию, туда мавры вторгались (вот здесь между испанской историей и историей России есть аналогия). А на Русь пришли татары и держали нас рабами более двух веков, а после их огромная империя стала распадаться, и не было там никаких государств как, скажем, империя инков. Поэтому подхватили мы, русские, ничейное имущество и сделали своей землей. (Для сравнения см. А. И. Садовников. „Наши землепроходцы". – М., 1874.)

На Руси существовало совершенно неповторимое явление, которое еще и по сию пору не изучено и непонятно историкам – казачество. Оно, а не тупая неповоротливая центральная власть из Москвы создало то, что и стало называться Россией. Вслед за казаком шел православный батюшка, а уже потом тянулись приказные дьяки, да воеводы, а

потом уже, после петровских реформ – чиновники-кровопийцы. Повторяю, не место да и не время здесь обо всем этом говорить, да невозможно не помянуть тех, кто создал Россию, ее влияние и мощь. Казачество существовало, оно не пало, не растворилось в массе, нет оно оставалось сильным, могущественным, несмотря на все реформы не всегда умных русских царей. Даже немецкая династия в России не тронула казачества – понимала в чем состоит сила России, а уничтожили его только коммунисты, с которыми с первого же дня коммунистической тирании казаки начали войну на смерть, когда поняли, какая против них идет чужая, смертная туча, желающая их сделать рабами-крепостными. Это как раз и было тем, против чего казаки боролись всю свою историю.

А насчет расширения, так все расширялись, и даже США, когда в Мексике земли взяли. И Германия вдруг решила расширяться на Восток в XX веке. Одним словом, надо некоторые вещи хорошо понимать. Разное было расширение. Одно дело Монголию прибрать к рукам; вот только зачем? В Эфиопии высадить целый экспедиционный корпус. Или прийти занять землю, на которой часто и не жил веками никто, построить дом, семейством обзавестить... ну да тут мы уж начнем совсем другую книгу писать. Однако, что несправедливо, то несправедливо.

„Русские двери" – Порт-Артур и Дальний – представляли собой тогда, перед русско-японской войной 1904-1905 гг., лишь конечные станции железной дороги, которая полностью проходила по территории собственно захваченной, а следовательно населенной народом не дружественным. Вся эта затея со строительством дороги, получившей название КВЖД, через территорию Китая стоила колоссальных средств и потребовала огромного напряжения сил всей страны. Среди инициаторов этого предприятия обычно называют среди прочих лиц и графа Витте, который старался получить разрешение от китайского правительства на постройку. Уже к

1901 г. дорога была завершена почти на всем своем протяжении. На ней нажили огромные суммы лица, среди которых раньше всего следует назвать „скромного" доктора Бадмаева – фигуру зловещую в русской истории и сегодня еще далеко не проясненную. Мы уделим ему внимание дальше, а сейчас скажем, что наравне с царским правительством, графом Витте, проходимцем Безобразовым и К°, он несет свою долю ответственности за дальневосточную авантюру, послужившую прологом к русской трагедии. Историки еще дадут беспристрастную и подлинную оценку этого персонажа последних лет царского времени.

Злосчастная железная дорога через Маньчжурию вызвала резкую критику прежде всего со стороны представителей так называемых „русских шовинистов", которые по современной легенде якобы страсть как рвались в Китай. Среди них следует назвать князя А. Д. Голицына, (П. М. Головачев. „Россия на Дальнем Востоке...", с. 54). Голицын выступал за прекращение „Маньчжурской панамы", на которую из казны деньги отпускались *дважды,* да и сама дорога строилась *дважды.* Кому она вообще принесла пользу эта злосчастная дорога? Только тем, кто на ней нажился – кучке разношерстных, разноплеменных авантюристов. Впрочем утверждают, что и тогдашнее маньчжурское правительство кое-что получило. Так английский специалист по китайским делам пишет: „С того времени, как русские начали строить железную дорогу, проходящую через Маньчжурию, до начала войны (имеется в виду русско-японская война 1904-1905 гг. – Автор.) они оставили в стране около 300 млн. золотых рублей. Почти вся эта сумма попала в руки китайского насе-

ления" (Th. Millard. The New Far East. – London, 1907, с. 88). Автор книги еще не знает, сколько денег оставило царское правительство в Маньчжурии во время оккупации, или при разработке золотых приисков и во время самой войны.

Чем кончилась эта грандиозная авантюра, растянувшаяся на 60 лет, если считать от 1894 г. и до 1954 г., когда советские войска покинули Порт-Артур (Люишунь), оставив на сопках Маньчжурии почти миллион своих товарищей, павших здесь за ничто? Ничего мы не получили, а сколько сил и труда вложили в „прорыв к Желтому морю"! И убрались советские войска из Порт-Артура по приказу Хрущева, того самого правителя нашего бедного отечества, который обострил и довел до крайности наш спор с Китаем, наобещал „горы златые" Японии (точнее не „златые", а курильские) и в конце концов исчез, главным образом, в результате своей авантюристической политики в отношении Китая. Уже само требование о возврате Порт-Артура было крайне недальновидным, ибо Китай в 1945 г. совсем не был похож на Китай 1905 г., и правители были обязаны заметить это, но опьяняющий запах близкой победы вскружил им головы.

Возвращаясь к началу века и печальным событиям, предшествовавшим русско-японской войне, необходимо отметить роль графа Витте. Ныне незаметно создается легенда об этом „разумном политическом деятеле", „честном человеке и патриоте России", как охарактеризовали его в одной из передач Би-Би-Си в ноябре 1977 г. Да и в Советском Союзе не забывают Витте: выпустили двухтомные мемуары, еще по приказу Хрущева. В общем, создается

мнение, что Витте – честный человек и один из немногих настоящих политиков предреволюционной поры. Далеко это не так. Мы расскажем о связях Витте с доктором Бадмаевым, но разве не Витте рвался в Маньчжурию? Разве не он главный виновник порт-артурской авантюры? Даже в его собственном архиве есть материалы, уличающие его в стремлении захватить Маньчжурию, но не сразу, а исподволь, постепенно, сообразуясь с обстановкой. (см. „Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа Витте", под ред. Грановского. – М., 1916, сс. 338-339).

Современники, хорошо знавшие Витте, тоже дают ему самую отрицательную характеристику (мы, разумеется, имеем в виду его политическую деятельность). Так А. Е. Богданович, прекрасно знавшая всю подноготную российского двора, все скрытые стороны его жизни, автор знаменитого „Дневника" („Три последних императора". – М.-Л., 1926), из которого многие историки черпали и черпают, иногда без указания источника, „свою" самую достоверную информацию, прямо заявляет: „Много вреда нанес Витте России" (с. 454). В дневнике Богданович есть и оценки современников, обвиняющих Витте в поражении России в русско-японском конфликте. Долгие годы вела свои записи эта умнейшая женщина, и они представляют интереснейший документ, составленный человеком, прекрасно разбиравшимся в клубке интриг и заговоров, предшествующих революции.

Но настоящая катастрофа – захват поста министра иностранных дел В. Н. Ламздорфом. Он непосредственно входил в группу Витте и имел свои „глубокие" интересы в русско-китайском банке,

созданном Витте и группой международных банкиров. Они оба хотели, ни много ни мало, чтобы было признано „преобладающее влияние России в Маньчжурии". А зачем, спрашивается? Ведь не удержать, значит – колонизация. Именно против этого возражали все национально мыслившие русские люди. Тем более совершенно не нужна была эта колонизация другим народам России. Более того, один из величайших умов и великий патриот России Д. И. Менделеев указывал на необходимость дружбы с Китаем: „Войны я не одобрял и не одобряю, захвата Китая не вызывал и осуждать не переставал, посылку нашего флота к Цусиме считал и продолжаю считать совершенным недоразумением, понимая его неподготовленность и плохие распорядки, но, как русский, уверенность в силы своей страны питал, питаю и буду питать, и отпор нападающим – да до конца – советовать не перестану, хотя все время пишу о том, что сперва все же свой домашний быт устроить" (Д. Менделеев. „Дополнение к познанию России". – СПб., 1907, с. 65-66). В этих словах великого русского ученого – целая программа отношений между нашими государствами, построенная на принципах невмешательства, взаимоуважения и территориальной целостности.

Но куда там, не слушали его те, кто добывал злато из крови народной. И даже не русские, а французские банкиры охотно поддержали предприятие Витте в Маньчжурии; сами-то они, конечно, воевать не собирались. Распорядителем банка, основанного в целях эксплуатации Маньчжурии был сам Витте в компании с Ротштейном, Э. Нецлиным и др. Любопытно, что в самых последних работах советских авторов явно сквозит желание оправдать эту группу

авантюристов. Например, коллективный труд под ред. И. И. Ростунова („История русско-японской войны". – М., 1977): там утверждается, что, де, виновата во всем „клика Безобразова", а Ламздорф и Витте хотели оттянуть войну. Именно Витте настаивал на уступке России Ляодунского полуострова, что позднее и повело к нашим бедам. Группа Безобразова действительно вытеснила в борьбе за власть Витте, но только перед самой войной. Собственно разница между Витте и Ламздорфом и Безобразовым с его группой и была в том, что одни были готовы воевать хоть завтра, а другие хотели подождать, выбрать момент.

И здесь же, между прочим как будто, приводится высказывание какого-то почтенного джентльмена о необычайных свойствах русского крестьянина, который, мол, прекрасно уживается рядом с любым корейцем или китайцем (там же, с. 37).

Но даже А. М. Безобразов действовал не самостоятельно, ему удалось связаться с тогдашним министром внутренних дел В. К. Плеве и, видимо, дать ему колоссальную взятку. Тогда тот сразу же превратился в ярого сторонника „Безобразовской клики". Достаточно послушать, как Плеве давал руководящие указания русским и России, как ей следует проводить свою политику: „Не дипломатия сделала Россию, а штыки, и штыками, а не дипломатическими перьями нужно решать вопросы с Китаем и Японией" (Сб. „1905 г.", т. I. – М., 1928, с. 583). Действовать штыками предоставлялось нам, русским, не собирались же сам Плеве или французские банкиры ходить в штыковые атаки!

Кроме того, Плеве просто лжет, ибо тонкая и хитрая русская дипломатия во многом содействовала

успехам нашего государства, начиная со времен борьбы с Казанским и Астраханским ханствами.

И не существовало никакой разницы между различными группами на вершине власти России, ибо все они думали исключительно о личной выгоде. Не нашлось ни одного настоящего патриота, который бы сказал: „Хватит, господа авантюристы без роду и племени! Куда вы тянете Россию? К войне, к гибели? Прочь, убирайтесь!" Вне сомнения, в России тех лет существовали силы, выступавшие за мир и дружбу прежде всего с Китаем и Японией, но не имели они в руках власти и им не доставало единства. Думаете мы здесь нашли хоть крупицу чего то нового? Отнюдь нет, все это известно, достаточно посмотреть, например книгу П. И. Торгашева „Авантюры на Дальнем Востоке" (М., 1907); становится ясным, кто и зачем тянет Россию к войнам. Или выше нами цитировавшуюся книгу П. Головачева... Впрочем, был один действительно крупный политический деятель, пытавшийся проводить национальную политику – П. А. Столыпин. Он хотел только десяти-пятнадцати лет сроку и намеревался превратить нашу державу в страну изобилия. Его убили в 1911 г. за 6 лет до революции.

Галерею же лиц, причастных к преступной и вредной для государства политике на Дальнем Востоке, можно завершить еще одной фигурой – Извольским. Кстати, этот Извольский в бытность свою министром иностранных дел требовал „более смелой политики России на Ближнем Востоке", причем выдвигал это требование в самое неблагоприятное время – после неудачной русско-японской войны 1904-1905 гг. Сей слуга Православной России, оказалось, исповедовал по крайней мере две религии

(Соловьев. „Воспоминания дипломата". – М., 1960, с. 181). Осаживал забывшегося министра иностранных дел сам Столыпин. Сместили Извольского только в 1910 г, за полной непригодностью, но вреда, причем порою совершенно умышленно, он принес предостаточно. Вот с такими руководителями и вползла Российская империя, а лучше сказать – втянули ее в жаркий август 1914 г., навстречу уже совсем близкой гибели.

Почему мы еще раз напомнили иногда сознательно затушеванные факты, события, персонажи? Да потому, что так называемую „русскую великодержавную политику" не только русские проводили. Были и они, конечно, партия „стародуров" – подай им проливы в Черном море и всенепременно Константинополь, – но не им было вертеть руль государственного корабля России, а „международной банде авантюристов" (выражение это принадлежит Ф. Энгельсу), на протяжении десятков лет контролировавшей внешнюю политику России. В майском номере журнала „Большевик" за 1941 г. вдруг появилась критическая статья об одной из работ Энгельса, которую Сталин не согласился опубликовать в СССР еще в 1934 г. В статье якобы были места, оскорбительные для национальных чувств русских (ж. „Большевик", № 9, 1941, сс. 2-6). Убить миллионы русских крестьян – это ничего, а вот статью, содержащую критику в адрес России, никак нельзя опубликовать!

Время, когда вспоминали о национальных чувствах русского народа, выбрано было вполне подходящее: военный атташе СССР в Берлине Воронцов уже два месяца как доложил, что война начнется в мае, самое позднее – в июне. И хотя „всесоюзный староста", выступая на закрытых собраниях в военных академиях заявлял, что по всей видимости немцы на нас нападут и очень хорошо сделают, мы их расколотим в два счета и тогда..., что будет тогда, тов. Калинин не уточнял, но о русском народе сразу как-то вспомнили и тиснули статейку. Вот, мол, как мы твою честь бережем, даже Энгельсу не позволим слово против сказать! Все это было, разумеется, дешевой постановкой. Уже в 30-е

годы были опубликованы самые уничижительные отзывы Маркса о России, ее народах, ее политике (см., например, Собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, ч. II, 1930, сс. 207-208, 220, 248 и др.).

В чем же суть этой работы Энгельса? А вот в чем: он указывает, что необычайно талантливые иностранцы заправляли в России – и в особенности ее дипломатией. Энгельс считает, что именно это „иностранное сборище авантюристов" подняло Россию на вершину ее могущества в XIX веке. Подкуп, убийство, клевета – вот основные орудия этой шайки авантюристов. Ф. Энгельс призывал в письмах к Бебелю „... вперед на русских и Россию и ее союзников" (ж. „Большевик", № 9, 1941, с. 5).

Одним словом, они проводили „имперскую политику", они гнали на убой русский народ во имя своей власти и своих барышей в чужой им стране. Вот где кроется, может быть, главная причина наших бед, цепью приведших к катастрофе. Но весь ужас в том, что и ныне ситуация не только не изменилась, напротив, стала еще хуже.

СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ

Князь В. П. Кочубей – большой государственный человек России – подавал „по начальству", то есть самому императору Александру I, в 1802 г. записку, где прямо говорил, что Россия ныне так велика и обильна, что нужды в расширении ее границ нет, а теперь, де, пора и на внутренние дела и неурядицы наши внимание обратить. С той самой поры прошло вот уже скоро два века. Исчезли цари, не внявшие совету кн. Кочубея, их сменили советские владыки, а советская империя продолжает расширяться. Лучше сказать, ее пытаются расширять с тупым упорством, а между тем времена не благоприятствуют империям. Все эти два века продолжались – распадение империй и расцвет национальных государств. Процесс этот начался в ряде мест и приобрел остроту еще в начале XX века. Если мы вспомним не такое уж и далекое прошлое, то ведь большинство европейских стран до 1918 года было поделено между тремя империями – турецкой, российской, австро-венгерской („этот Ахиллес, у которого повсюду пята").

Турецкая империя разложилась постепенно, от нее отпадали огромные районы, обретавшие независимость в жестокой и долгой борьбе. Так еще в начале прошлого века стало независимым греческое государство. В 1918 году эта империя прекратила свое существование.

Австро-венгерская империя начала свой путь подобно турецкой и распалась одновременно.

Что касается советской империи, то в ходе гражданской войны, она понесла существенные потери. Отделилась Польша и пришлось предоставить независимость Финляндии. Добились независимости и прибалтийские государства.

Правда, никогда не стоит идеализировать что-либо связанное с гражданской войной в России: Латвия действительно стала независимой, однако, именно так называемые латышские красные стрелки – воинские формирования, состоявшие исключительно из латышей, – спасли правительство Ленина и Троцкого, когда 6 июля большевики предприняли захват власти, ликвидировав входивших в тогдашнее правительство России левых эсеров. Эсеры оказали тогда отчаянное сопротивление, перехватили инициативу, причем к ним примкнули части, состоявшие преимущественно из русских (отряд Попова), и только энергичное вмешательство латышских частей, а также отряда ВЧК решило исход боя в пользу большевиков.

Отличались на полях сражения с врагами советского правительства и эстонская дивизия, и татарские конные корпуса, и множество других национальных формирований, которые не за страх, а за совесть служили советским руководителям. Это и понятно: многие из руководителей национальных меньшинств верили, что уж теперь-то добудут себе национальную независимость. Думается, что национальный вопрос был одной из основных причин, вызвавших революцию в России и питавших ее своими „соками". Да и все вообще империи падали не в последнюю очередь из-за борьбы племен и народов, в них входивших и желавших обрести независимость.

Является ли советская империя классической, подобной исчезнувшим в истории тираническим империям прошлого? Да, безусловно перед нами – классическая империя, и в известной мере это облегчает задачу предсказания ее поведения в будущем. У советских руководителей нет вне их страны сил, на которые они действительно могли бы рассчитывать до конца. Всем прекрасно известно, как они обращаются со своими вчерашними союзниками, и здесь дело отнюдь не в строптивости „братьев по классу"; просто для советского руководства на следующий же день оказывается более выгодным поддерживать своих вчерашних врагов или наоборот. Подобно тому, как они предали своих „друзей" курдов, они предадут тех, кто служит их интересам в данное время.

Курдов они обучали, оснащали, давали им деньги и, наконец, уже в 50-х годах, стали потихоньку переправлять на арабский Восток, рассчитывая, что те станут их послушным орудием в борьбе за гегемонию в этом районе мира. Но когда стало очевидным, что для своих целей им выгоднее опираться на некоторые арабские режимы, то без малейшего колебания они предоставили для войны против своих вчерашних „друзей" и „борцов за свободу и независимость" курдского народа самое разрушительное оружие.

С той же быстротой они бросили на произвол судьбы марксистские группы в Аргентине, которым незадолго перед этим, в самом начале 70-х годов, приказали резко усилить активность, а теперь готовы пойти на любые сделки с теми, кто борется с их вчерашними агентами.

Точно так же ведут они „кошачью игру" с палестинцами, соблюдая лишь свой „интерес", и так же предадут их, если окажется что для них выгоднее прийти к любому компромиссу с США или Израилем. Советским лидерам наплевать на арабов. Впрочем, точно так же им наплевать на испанских коммунистов. Им безразличны все „высокие идеалы", за которые они якобы непрестанно борются, им небезразлично лишь одно – их собственная власть.

Когда говорят об „империалистической политике советского руководства", то называют три основные причины, толкающие его на дикие авантюры по всему миру: первое – необходимость иметь много опорных пунктов, баз, аэродромов для будущей войны; второе – стремление ослабить влияние США; третье – противостоять усиливающемуся влиянию Китая. Возможно, так оно и есть, но, видимо, существует и еще одна причина, та самая, что двигала всеми тиранами, которые превращали войну в свое основное занятие, та самая, которая заставляет империи расширяться любой ценой, даже вопреки безопасности самих правителей: здесь кроется страх остаться один на один со своим народом, которым они правят, и, может быть, желание перенести гнев и нарастающее недовольство на другого противника, внешнего. Вот ведь испанская империя, уже находясь в упадке и потеряв значительные свои территории в 1860 г., в преддверии разгрома 1898 г. (в войне с США) изловчилась и захватила еще области в Африке – о. Фердинанд-По и Рио-Муни.

А печальной памяти крайне слабая, раздираемая национальными конфликтами австро-венгерская

монархия все же пошла на аннексию Боснии и Герцеговины в 1908 г. Но разве спасло это дунайскую империю? Считают, что 1909 г. явился годом ее наивысшего могущества: Австро-Венгрия неоднократно бряцала оружием и подводила Европу к военной катастрофе. Затем она рухнула в результате прямого военного поражения.

Хотим ли мы сказать, что советская империя готова рухнуть? Да вот уже 60 лет как она вот-вот рухнет, но однако, не рушится. Не будем заблуждаться, существовали империи, стоявшие не раз и не два на краю гибели и распада, но не пали.

Империям помогали выжить. Так было однажды с Турцией, когда ее династию спасла от гибели та самая Россия, которая с ней воевала в начале 30-х годов прошлого века. Или взять опять-таки маньчжур: им удалось захватить в 1683 г. остров Формозу (ныне о. Тайвань) только благодаря поддержке голландского военно-морского флота. А на протяжении всего XIX века, особенно второй половины его, тоже помогали иностранцы, – те самые иностранцы, от которых наглухо закрывался Китай, – выжить династии, удержаться в огне многочисленных восстаний (особенно 1860-62 гг.). Существуют силы, которые могут оказать поддержку и Советской империи.

Втягивание территорий, бездумное, ничем не мотивированное расширение всегда приводило к краху державы, становившиеся на подобный путь. В конце концов, новые территориальные приобретения превращались в обузу, а многочисленное население их – в нахлебников, которых приходилось кормить или заставлять умирать с голоду, как было в прошлом веке в Индии в период британского вла-

дычества. Но в отличие от Великобритании, чье население богатело за счет колоний, Россия лишь разорялась и создавала себе новые трудности. Единственная русская „заморская" территория, которая сулила некоторую выгоду и имела весьма малочисленное население (немаловажный фактор), – Аляска – была продана, а точнее подарена США еще в прошлом веке. „Империя идиотов". Кто это сказал?

И сегодня, среди тех кто мужественно и бескомпромиссно ведет борьбу против тирании в нашей стране, есть люди, упрямо повторяющие: „Свобода само собой, а восточный вопрос – само собой. Драться все равно придется. Ничего, одолеем!" Да, мы встанем с оружием в руках, пойдем на поле брани, но кто из нас вернется оттуда? Не останется ли там – на сопках Маньчжурии и в бескрайних монгольских степях – весь народ наш, до едина? „Дай ответ? не дает ответа...".

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В СССР

Существует один, самый, с нашей точки зрения, важный фактор в национальной политике советского руководства. На Западе важность его недопонимается. А вот китайцы его хорошо себе представляют.

Дело в том, что действительная численность той или иной национальности чаще всего не соответствует цифрам, которые приводятся в советских справочниках. Часто в западной прессе или по западному радио сообщается, что численность русского населения неуклонно снижается и „скоро составит менее половины населения СССР". Уже давно русское (действительно русское) население СССР составляет менее половины, а ныне спустилось до 46%. В 1976 г. русское население империи составляло не более 117 млн. чел. По официальным данным русские составляли в 1939 г. – 58,4%, в 1959 г. – 54,7%, в 1973 г. – 52% (см. „Население СССР". Справочник. – М., 1974). Однако настоящая численность русского населения завышена на 12 млн. человек.

Этот факт тщательно скрывается. Причем не всегда цифры фальсифицируются непосредственно „наверху"; дело обстоит несколько по-иному, ибо в СССР очень часто человек в действительности не принадлежит к той национальности на которую он „записан". Ведь во многих случаях, например, если из родителей один грек, а другой – бурят, можно „записаться" или на грека, или на бурята в момент

получения паспорта. Есть и другие положения, при которых возможно выбрать себе национальность. Естественно, что существует много ситуаций, когда представители той или другой нации всячески стремились скрыть свою национальность и записаться на другую, – взять хотя бы крымских татар. Проделывали это и представители некоторых кавказских народностей, которые также подвергались общей депортации сразу же после окончания второй мировой войны. И им это часто удавалось, – ибо трудно, даже почти совсем невозможно, для жителя, скажем, Сибири или Казахстана отличить балкарца от ингуша или лезгина. А бежавшие из деревень русские крестьяне пытались скрыть свое социальное происхождение. Словом „прислониться" к другой нации – по каким-то тебе одному известным причинам – возможность есть.

Резко занижена по той же самой причине и численность еврейского населения в СССР, хотя в этом вопросе действовало множество причин, о которых здесь нет смысла говорить. Но несомненно, что огромное число людей изменило свою национальность в первые послевоенные годы с целью избежать репрессий, поэтому в действительности миллионы людей недолюбливают или просто ненавидят ту национальность, на которую они „записаны" или их „записали". Поэтому можно смело сказать, что общая численность нерусских национальностей превышает в настоящее время численность русских. Рождаемость же в РСФСР у русских также падает, и это очень трудно скрыть.

Но глубоко наивны те, кто думает, что, мол, советские владыки надеются на русских, им доверяют и их не боятся. Советские владыки доверяют рус-

ским не больше, чем, например, литовцам, а боятся их несравненно больше, чем, например, армян. Их принцип один, и он метко выражен в словах одного старого украинца: „Мешают народ, чтобы забыли мать родную, а помнили партию". Именно здесь скрыт смысл советской, не только национальной, но и вообще всей внутренней политики: мешать, мешать, мешать всех и вся. Белорусов, украинцев, русских шлют в Прибалтику, эстонцев – в сибирские города. Украинец может стоять в очереди на квартиру в Киеве десять или пятнадцать лет, но если он приедет в Алма-Ату, то квартиру ему дадут через два года. Узбеков посылают служить в ленинградскую милицию, жителей новгородской области – в охранные войска в Туркмению. Только бы не сговорились, только бы не поняли друг друга. Так те, кто расстреливал русских рабочих в 1962 году в Новочеркасске, были выходцами из Средней Азии. Всячески поощряются и смешанные браки. Для советских руководителей понятие „советский народ – новая историческая общность людей", – отнюдь не пустые слова или очередной лозунг. Нет, это стержень, основа внутренней политики, хотя она и не выставляется напоказ, а поэтому многими и недопонимается.

Той же самой цели служат так называемые стройки коммунизма – огромные электростанции на сибирских реках, в особенности Братская ГЭС. Для этого же задуман весь комплекс Камского автозавода. И, наконец, „вершина" экономической мысли нынешнего советского руководства – БАМ, железная дорога, параллельная транссибирской магистрали.

Советское руководство отторгает для строительства или военных целей колоссальные куски территорий тех или иных национальных округов и автономных республик РСФСР, но никогда не заплатило и гроша местному населению за его земли.

Опыт второй мировой войны научил советское руководство не создавать национальных войсковых частей: они сдавались в плен первыми. Именно в тот период и стали очень внимательно следить за национальным составом частей и соединений. Совершенно перемешиваются по национальному составу командиры и политработники. Например, к командиру украинцу замполитом ставят еврея, к русскому — грузина и т. д. Что до настроений „народа" и „народов", то на сторону противника переходили миллионы людей, целые народы. История советско-германской войны хорошо известна и нет смысла повторять всем хорошо известные факты.

Настроение населения советскому руководству сегодня известно. Любое национальное движение, будь оно русским или казахским, беспощадно пресекается, хотя это становится все труднее. Все передачи китайского радио на Среднюю Азию глушатся.

Подобно тому, как среди ближайшего окружения царя перед революцией 1917 г. были люди, которые искренне мечтали о гибели российской империи и создании „своих" независимых государств, точно так же и сегодня, среди „вернейших ленинцев и кристальных коммунистов", сидящих в ЦК КПСС, много тех, кто ждет момента, когда „светлое здание развитого социализма" с грохотом обрушится и настанет день освобождения.

В предреволюционной России таким человеком, например, был генерал Маннергейм, ставший затем

руководителем крохотной финской армии, нанесшей советским войскам колоссальные потери. Он, приближенный императора и его доверенное лицо, стал затем одним из наиболее важных защитников независимости Финляндии.

Одним из таких „скрытых имамов" советской эпохи был М. Султан-Галиев, основатель и руководитель коммунистической партии Татарии. Поддержка советской власти со стороны татарского населения сыграла весьма серьезную роль в спасении советского режима в период гражданской войны. Мусульманские части храбро дрались против наступавших армий Колчака. Однако единственное, чего желал этот татарский руководитель, как, впрочем, и большинство его товарищей, – это создания собственного государства, причем даже путем объединения с башкирской республикой. Этот план был категорически отвергнут еще при Ленине. Султан-Галиев лишился власти и влияния. Видимо, в первый раз он был арестован в 1923 г., а окончательно исчез в 1929 г. Он был одним из самых первых крупных коммунистических вождей, уничтоженных Сталиным.

В современную эпоху можно назвать П. Е. Шелеста, члена Политбюро и руководителя компартии Украины. К 1972 г. он считался № 5 в советской партийной „табели о рангах". В 1973 г. его „разоблачили", выгнали из Политбюро, отправили на пенсию. Обвинения состояли в том, что он, глава коммунистов Украины, „попустительствовал росту национализма в республике" и опубликовал книгу, где „не показал помощь Украине в развитии ее экономики со стороны братских республик всей советской страны". Один из самых важных моментов, вы-

звавших против него гнев высшего руководства, – идеализация казачества. Его, „верного ленинца", одного из руководителей советской империи ошельмовали за „национализм" в доброй дюжине книг и в журнальных статьях (см., например, И. И. Грошев, „Борьба против национализма". – М., 1974, или „Коммунист Украины", № 4, 1973, с. 82).

И еще об одной личности стоит помянуть, раз вопрос зашел о „буржуазном национализме", – о А. Ю. Снечкусе – многолетнем коммунистическом наместнике Литвы. Снечкуса прекрасно знал Сталин и полностью доверял ему, но предложение Сталина „воссоединить Литву с Восточной Пруссией" он осторожно, но решительно отклонил. Отклонил именно потому, что население Восточной Пруссии, после изгнания оттуда немецкого населения, состояло исключительно из русских, с некоторой примесью украинского элемента, и Литва оказывалась в таком случае под угрозой быстрой ассимиляции. Даже в условиях жесточайшего послевоенного террора, Снечкус сумел проводить свою национальную линию. Зов его рода, зов предков не замолк. Он остался литовцем.

Во всех без исключения союзных республиках существует ныне многочисленная национальная интеллигенция. Советские платные докладчики, лекторы, пропагандисты всех уровней постоянно твердят о роли советского государства в создании национальных кадров, преподнося это, как величайшее благодеяние советской власти. Спору нет, за последнее время центральное руководство во многом пошло навстречу национальным республикам, продолжая вместе с тем, во всех без исключения республиках и, в первую очередь, среди русского

населения России, свою всегдашнюю политику перемешивания всех со всеми. Владыки советской империи знают кое-что об „американской политике плавильного котла наций", вот и применяют ее в надежде скрепить шатающееся здание „интернационального государства".

Советское руководство противоречиво. Оно фактически допускает частное предпринимательство в Грузии, но одновременно ведет борьбу с национально-освободительным движением в Армении. Оно запрещает любые публикации русских мыслителей, таких как К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, В. В. Розанов, и в то же самое время старается разжечь у русских национальную неприязнь к китайцам („новым монголам..., у которых в колчанах качаются атомные бомбы", по определению Евтушенко).

Что бы ни говорилось о борьбе за гражданские права, о „московской оппозиции", выступлении всех слоев советского общества – стержнем нарастающей борьбы против советской диктатуры являются национальные движения среди всех национальных групп и, в первую очередь, среди русских. Причем в союзных республиках борьба усилилась именно после 1961 г., когда конфликт с Китаем стал очевидным и открытым. Достаточно вспомнить: 1962 г. – Украина, волнения в Киеве; 1956 г. – Азербайджан; 1967 г. – Чимкент, в Казахстане.

Подобное происходило и в Чехословакии, но здесь в условиях „пражской весны" все уже могло являться открыто. Например, газета „Млада фронт" (№ 337 за 1968 г.) поместила обширные материалы о председателе Мао Цзэдуне. Газета самым положительным образом отзывалась о его политических и

государственных трудах на благо своего великого народа. Его называли философом и поэтом, „который на многие годы оказал влияние на облик нашего мира". В газете давались высказывания председателя Мао и приводилось его стихотворение. Такие материалы публиковались во множестве всеми главными органами информации.

Национальные республики и, уж конечно, все страны Восточной Европы, находящиеся под советским господством, прекрасно понимают, что конфликт советского руководства с Китаем дает им неповторимый шанс обрести независимость, избавиться от диктата, вырваться наконец из ярма. Тем более они полагают, что окажутся далеко от зоны будущего конфликта. Несомненно, если война окажется неудачной или даже просто затяжной, их расчеты себя оправдают.

Национальные меньшинства в царской России использовали марксизм как оружие в борьбе за обретение независимости. Конечно, они рассматривали все эти доктрины о построении „царствия небесного на земле" не как руководство для будущего, а как способ избавиться от опеки центра, обрести свою государственность. Ничего хитрого в их действиях не усматривается, все было известно заранее, задолго до начала революции. Сто с лишком лет назад Ткачев, один из подлинных создателей и самых первых идеологов марксизма-ленинизма, которого справедливо называют „предтечей большевизма", писал: „Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции и он должен быть принесен в жертву последнему". И далее, уже совсем имея ввиду таких, как Шелест, Султан-Галиев и др., он пишет (кстати, говоря пря-

мо об „украинских националистах"), что они не хотят отказаться от своей национальности, а хотят, в конечном итоге, принести в жертву национальности социализм. „Такова их сокровенная, тайная цель" (П. Н. Ткачев, Собр. соч., т. 3. – М., 1934, с. 422). Далеко заглянул Ткачев, прямо в сегодняшний день.

Принудительное объединение самых различных национальностей в одном советском котле ничего не сделало для укрепления империи. Не помогла советским правителям и их национальная политика. Они сгоняли с земли целые народы, уничтожали их, как русское крестьянство или казачество, или как чеченцев или немцев, корейцев и т. д. Старая имперская политика – еще Сарагон II, царь ассирийский, делал то же самое. Александр Македонский „гонял народы, покоренные им, как стада овец". Та же тактика – перемешивание народностей в попытках создать единую, однообразную империю. Но все оказалось тщетным. Все империи падали.

И, как справедливо указывает специалист по советским делам, проф. Иерусалимского университета Агурский, всю основную тяжесть подобной неразумной, преступной, антинациональной политики несет русский народ. Уничтожается национальная русская культура, русские прежде всего страдают физически и морально. (Изложение точки зрения проф. Агурского дано в передаче радиостанции „Немецкая волна" от 20. 01. 1976.)

Экономическое положение огромной и сказочно богатой державы весьма неустойчиво. Советское руководство довело страну до того, что только постоянные поставки американской, канадской, австралийской пшеницы спасают империю от настоя-

щего голода. Выручают „империалисты", хоть хлеб пока есть, – но нет мяса. Причем совсем плохо обстоят дела в русских областях и районах, где преобладает именно русское население. Положение с продуктами в Эстонии, Латвии, Литве несравненно лучше, чем в остальных частях империи. Даже на Украине и на Кавказе местному руководству удается как-то изворачиваться и обеспечивать население продовольствием. Особенно плохо положение в Волго-Вятском районе с общей численностью населения в 8,5 млн. человек. Мясо вне городов достать трудно, но и в городе приходится стоять в очередях за самым необходимым. Но еще хуже обстановка в Поволжском районе РСФСР (кроме северных районов империи это, пожалуй, самая голодная часть страны). Он включает в себя три так называемые автономные республики – Башкирскую, Калмыцкую, Татарскую – и шесть больших областей. До революции это был один из районов страны, где процветало животноводство. Здесь численность населения намного выше и составляет в настоящее время 18,5 млн. человек. Самое удивительное, что именно названные нами районы числятся в стране, как самые урожайные, давшие республике за 1976 г. до 28 млн. тонн зерновых культур. Миллионы и миллионы русских недоедают, питаются хуже, чем в любой другой национальной республике. Поспорить с русскими в этом отношении могут только белорусы и то лишь те, кто живет не в Минске (там снабжение еще как-то справляется с обеспечением жителей продуктами). Очевидно, без помощи извне советская система уже существовать не в состоянии. Любой неурожайный год приводит колоссальную империю буквально на грань катастрофы.

Жизненный уровень русских ниже, чем в Средней Азии, на Кавказе или тем более в прибалтийских государствах. О русской деревне я и не говорю, ее бедственное состояние известно. Между тем, именно в РСФСР сосредоточена большая часть полезных ископаемых и в особенности нефти и других ценнейших минералов, почти все лесные запасы державы и многое другое, что мы столь охотно раздаем.

Ни один народ не может чувствовать себя счастливым в империи, но русским и белорусам хуже других, да они и беднее всех других, а живем мы, русские, буквально на золоте.

ПЛАН БАДМАЕВА

Существовало много планов и проектов насчет того, как разделить землю Китая. В Новое Время осуществить „раскрой" пытались еще португальцы. Очевидно, каждая из „великих держав", имевших дело с Китаем, составляла свои собственные планы на сей предмет. Но действительно проводить их в жизнь начали в прошлом веке, когда Китай, ослабший под чужеземной маньчжурской властью, не мог оказать сильного сопротивления захватчикам. Англия, Франция, Япония и Российская империя принимали самое живое участие в разделе.

Однако ныне нас, русских, да и китайцев, прежде всего интересует то, что происходило между нашими державами и что произойдет в будущем.

Маньчжурская династия быстро двигалась к своему концу, и тогдашние империалисты Европы и Азии готовились приступить к долгожданному дележу маньчжурского наследства. В разных странах уже прикидывали и рядили – во сколько дивизий и миллионов золотом может обойтись приобретение столь обширных колоний. Детальный, четко изложенный, документально подтвержденный план раздела и уничтожения Китая был создан видимо в 1891-92 гг. прошлого века.

Автором этого плана был не русский, по всей видимости, и не христианин, уроженец нынешнего Агинского национального округа, бурят П. А. Бадмаев. Он и в Советском Союзе сегодня очень известен среди читающей публики, правда преимущест-

венно как врач-чудодей, излечивавший все болезни с помощью тайной тибетской медицины, Как мы убедимся далее, он не только пользовал страдавших от половой неврастении представителей петербургского высшего и „среднего" света, но и по совместительству составлял грандиозные геополитические проекты и даже принимал активнейшее участие в их осуществлении. Был он богатейшим человеком в тогдашней России, вместе с Поляковым, Рябушинским и другими входил в первую пятерку. Хотя и держался в тени, на сцену вперед никогда не лез. Существуют сильнейшие подозрения, что работал он на кого-то третьего (по современной советской терминологии — на зарубежную разведку). Известно это из источника, близкого роду Бадмаевых. Тот же источник утверждал, что одним из тех, кто более всего содействовал возвышению Распутина, был именно Бадмаев. На своей квартире, на Литейном проспекте в Петербурге, показывал Бадмаев кое-что из своей тайной премудрости, учил сибирского конокрада, наставлял, что ему делать и как себя вести в царских покоях. Сам же тибетский врач ездил во дворец запросто. Царские покои были для него открыты. Эта информация не столь уж новая, ее просто замалчивают в СССР, и совершенно намеренно.

Однако уже в 1925 г. вышла книга „За кулисами царизма", архив тибетского врача Бадмаева П. А. под редакцией и со вступительной статьей В. П. Семенникова (Л.: ГИЗ, 1925). В ней и публикуются (отнюдь не все) документы, письма, записки, освещающие взаимоотношения Бадмаева с правящими кругами России и самим царем. Из них становится совершенно очевидно, какую огромную роль играл

Бадмаев при дворе. На квартире Бадмаева устраивались пробы различным претендентам на министерские посты („За кулисами...", с. X). Автор вступительной статьи, сам лично разбиравший архив Бадмаева, указывает, что Бадмаев был видным персонажем клики Распутина. Однако есть все основания полагать, что он не только был членом Распутинского кружка, но возглавлял, а может быть и создал, и клику, да и самого Распутина. Особенно справедливым кажется это предположение, если учесть колоссальные капиталы Бадмаева, значение которых неоднократно подчеркивает В. П. Семенников („За кулисами...", с. XII).

Основной „специальностью" Бадмаева были железные дороги. Их он готов был строить где угодно. Связавшись с другим крупным авантюристом Г. А. Манташевым и своим ставленником генералом Курловым, он пытался получить концессию на строительство железной дороги от Семипалатинска до местечка Улан-даба в Монголии. Они собирались поставлять мясо и молоко по этой железной дороге. Эту затею – снабжаться мясом за счет Азии – лет за десять до того, как Бадмаев и Ко. пытались ее осуществить, высмеял русский автор П. М. Головачев („Россия на Дальнем Востоке". – СПб., 1904, с. 54). Тем не менее, часть денег Бадмаеву удалось положить себе в карман.

Мы не собираемся касаться всех аспектов многогранной деятельности тибетского врачевателя и останавливаемся на его личности только, чтобы показать вес и силу Бадмаева при дворе. Бадмаев, когда считал нужным, просил и получал аудиенцию. Вот он просит, так сказать, у царя личного свидания.

„Повели мне, дорогой царь, лично явиться и картинно, конкретно представить Тебе будущность России и китайского Востока на границах нашего отечества" (ж. „Красный архив", № 6, 1929, с. 49). Обратите внимание, не по форме прошение на высочайшее имя, а „лично... явиться", как равный равному.

Бадмаев-то и по-русски грамотно не мог. „Картинно представить...". Вот именно, представить! Письмо, приведенное выше, датировано 5 января 1914 г. (23. 12. 1913). Так вот, что это была за личность, составившая первый подробный, аргументированный план раздела Китая. Мало сказать раздела, так еще и присоединения к Российской империи ни более ни менее как всей Поднебесной империи!

Советский историк Яковлев написал любопытную книгу „1 августа 1914 г.", задуманную им, как полемический ответ А. И. Солженицыну. Обратите внимание на заглавие. Но молчит он о Бадмаеве, как молчат все источники после определенного срока — 1931 г. Конечно, как о враче о нем легенды ходят, и в лекциях очень хорошо о Бадмаеве отзываются, но вот о его государственной деятельности куда меньше известно, а почему? А меж тем чья-то опытная рука создает о нем легенды на неофициальном, но одобряемом уровне. „Вот был гений, так гений! И врач, и чудодей, всю премудрость превзошел. Тибет хотел прямо в состав России ввести. Патриот такой, знаете!" Этот слушок распространяется, несомненно, не сам по себе. Правда, действие его исключительно ограничено кругами высшей советской элиты, „самыми центровыми образованными". Там чему хочешь поверят.

Бадмаев сочинил и выпустил свою книгу уже в в 1900 году, как раз на рубеже века. Называется она – „Россия и Китай". В ней довольно открыто, но не в лоб, предлагает возложить тяжкое бремя завоевания Востока (под этим мыслится исключительно Китай) на Россию. В книге можно выделить три главных направления: слабость китайцев; необычайную способность монголов править всеми; необходимость завоевания Китая.

И, уж конечно, не забыл он и своей „любви" – железной дороги: через каждую страницу – призывы строить, строить, строить.

Бадмаев относится к китайцам с большим презрением, заявляя, что ими всегда правили инородцы (сс. 27-28). Он забывает, видимо, откуда родом династия, правившая в России в его время.

Свои основополагающие идеи он постоянно повторяет: имя „Белого Царя известно в Китае" (с. 21), надо дейстовать – обратить китайцев в христианство, и прочий вздор на фоне повторяющихся замечаний о способностях монголов.

Или вот перл: „Китайцы охотно мирились со своими непрошенными завоевателями" (с. 71). Он прямо оскорбляет народ, а монгольского правителя Китая Хубилая превозносит до небес.

Говорит он и о необходимости раздачи ружей (имеется в виду монгольское население северного Китая). И через страницу – призывы строить железную дорогу, концессии, банки и т. д. И о финансировании он не забывает. В общем, отводит железной дороге места предостаточно (сс. 48-55).

Уже тогда находились русские, прекрасно понимавшие, кто такой Бадмаев, и пытавшиеся дать отпор попыткам имперского чрезмерного расшире-

рения, платить за которое должен будет, разумеется, народ. И тибетский лейб-медик пытается дискредитировать русских патриотов, которые ему явно мешают. Он пишет: „Эти псевдопатриоты сумели внушить легкомысленную идею об отсутствии русской национальной политики" (с. 18). Видимо в тот период сопротивление имперским авантюрам в Китае сильно возросло, и Бадмаеев и другие вынуждены были переходить временами в оборону.

Доклад Бадмаева „на высочайшее имя" отличается от его книги. В книге он туманно призывает не бросать Китай на произвол судьбы, а в устном докладе царю (Александру III), на котором присутствовал и Витте, он прямо излагал планы захвата страны.

Думаешь над нашей историей и вот, что непонятно: почему Россия действительно позволяла править у себя чужеземцам, и ведь долгие годы? Угодно судьбе так было, что и в Китае тоже долгие столетия правили чужеземцы, властвовали над могучим и талантливым народом. Все, как в России. Есть нечто общее в наших судьбах.

Бадмаев сам мало значил, несмотря на все свои способности. Особенно справедливо это для начального периода его деятельности. Но рядом с ним мы всегда видим графа Витте. Он ходатайствовал за Бадмаева, а позже и за Распутина, добивался постройки железной дороги (по прямому подстрекательству Бадмаева) через Маньчжурию. На этом нажились с десяток банков и международных компаний. России же не принесло абсолютно ничего. Из-за этой железной дороги втянулись и в войну с японцами (Богданович... с. 474).

И еще одно замечание: Столыпин был убит в 1911 году, после того, как он приказал Распутину и кое-кому из его банды убраться из Петербурга. Распутин не посмел ослушаться приказа и покинул царский двор (Родзянко. „Воспоминания". – Ленинград, 1926, сс. 29-31). Здесь интересно, что в окружении Столыпина были люди, явно выступав-

шие против „китайской авантюры", да и сам Столыпин в конце своей деятельности относился к попыткам установить контроль над Монголией прохладно. Но пока прямой связи между Бадмаевым и убийством Столыпина нащупать не удается, а имеющиеся источники либо ненадежны, либо недоступны. Вот когда откроются архивы, тогда наступит „утро историков" и много нового и страшного узнаем мы о той решающей поре истории, когда судьбой нашей страны распоряжались преступники и авантюристы.

Семенников пишет: „У Бадмаева созрел грандиозный план присоединения к России Китая, Монголии и Тибета", очевидно в 1893 г., но может быть и раньше, „или хотя бы его части". („За кулисами царизма...", с. XVII). Возможно, что сама записка составлена и раньше, во всяком случае Бадмаев сумел доложить ее еще Александру III, то есть до 1895 г.

Бадмаев утверждал, что вскорости маньчжурская династия должна пасть. Необходимо приготовиться к принятию ее наследства. Следует организовать специальные отряды для подготовки восстания против китайской монархии. Особенно настаивает он на широком вооружении монгол. Одним словом, в момент смуты и беспорядков присоединить к России весь Китай (там же, с. XVII).

Бадмаев свой план доложил, при докладе присутствовал сам граф Витте. Семенников пишет: „Витте вполне поддержал план Бадмаева". В конце доклада Витте сказал, что если император пожелает, то министерство финансов средства найдет. Александр III до конца не поверил.

Необходимо сказать, что Бадмаев в своих писаниях переходил все границы. Он просто занимался дезинформацией, утверждая, что имя „Белого

Царя" пользуется в Китае огромной популярностью, что было сущим вздором. Витте по неизвестной причине изменил свое мнение и не очень хотел выдавать деньги. Но Александр III тоже передумал, перестал сомневаться и приказал дать требуемые Бадмаевым суммы. Деньги тибетский доктор получил, хоть и по частям („За кулисами..." с. XXI).

Полученные средства он частично положил в карман, поделившись с кем следовало, и не в последнюю очередь с Витте, хотя у них и возникли какие-то трения. Частью эти суммы были использованы на поставки оружия в Монголию. Бадмаев финансировал и вооружал группы монгол, боровшихся с маньчжурской династией, созданные и посланные в различные части Китая с его прямым участием. В Тибет был послан с секретной миссией знаменитый Г. Ц. Цыбиков, но о нем мы расскажем ниже. Еще до него отправились в далекий путь доверенные лица Бадмаева – буряты Шинмитов и Ванчинов. Они побывали в Тибете. Семенников показывает, что Бадмаев постоянно сообщал Витте о возвращении из Лхассы своих агентов. Англичане прилагали все усилия к тому, чтобы укрепиться в Тибете, а царское правительство стремилось вытеснить их оттуда, и не в последнюю очередь благодаря „руководящим указаниям Бадмаева" (там же, с. XXII). Последний писал: „Тибет, как самое высокое плоскогорье в Азии, господствующее над азиатским материком, непременно должно находиться в руках России" („За кулисами...", с. XXIV). Исходя из изучения архивов Бадмаева, Семенников считает, что Витте поддерживал авантюрные планы Бадмаева.

В соответствии со своим планом захвата всего Китая Бадмаев, например, советовал лишить Япо-

нию всех ее территориальных притязаний на материке (после японо-китайской войны 1895 г.), а отдать ей остатки китайского флота и контрибуцию. Именно так и было сделано, и Японии пришлось смириться. В этот период роль Бадмаева огромна. Он и на Витте оказывал влияние (там же, с. XXV).

По предложению Бадмаева был заброшен для смуты в Тибет перед самым началом русско-японской войны казачий подъесаул Уланов. Однако его миссия оказалась неудачной, не успел он ничего сделать.

Тогда, в 1904 г., не получилось ничего у Николая II, пытавшегося по прямому совету Бадмаева вызвать осложнения в Лхассе. Этим было только затруднено положение России накануне войны и отвлечены силы страны на совершенно бесплодные попытки. Бадмаев настаивал на поездке Николая II по всем буддийским странам, а затем уверял, что его приезд расшевелил весь буддийский мир. Конечно, Бадмаев обстановку знал прекрасно и многое предвидел, например, боксерское восстание, падение (он даже год указывал) маньчжурской династии. Но обманывал и втягивал он Россию в авантюры совершенно сознательно. Все, к чему стремился Бадмаев на всех этапах своей деятельности, – это получение субсидий. Деньги – единственный и подлинный интерес этого „радетеля за Российскую монархию" („За кулисами...", с. XXVII).

В целом, оценивая деятельность Бадмаева, следует сказать, что его идея – попытка ввести Китай с 400-миллионным населением в состав империи – была верной гибелью для империи, и те, кто помогали или просто даже соглашались с ним, были или круглыми идиотами, или смертельными врагами

той самой страны, интересы которой они обязаны были охранять. И для нас не столь уж важно, был ли Бадмаев орудием в чужих руках или нет.

Мы уже говорили, что для Бадмаева характерно презрительное, высокомерное отношение к китайцам. Китайцы-де никогда не могли править собой сами. Китаем всегда правили лица монгольской крови (там же, с. 54). Здесь его точку зрения разделяют и некоторые советские историки-интернационалисты, например небезызвестный М. Н. Покровский (он все с Христом боролся). Сей ученый-марксист писал: „Глубоко аполитичная, эта масса была совершенно равнодушна к тому, кто ей управляет" (Покровский М. Н. „Дипломатия и войны царской России в XIX столетии". – М., 1924, с. 374).

Вообще же, Бадмаев всячески выдвигает монголов на „передний план человеческой истории", всячески превозносит их заслуги. Особенно он подчеркивает тот момент, что китайцы, несмотря на свое огромное численное превосходство, не смогли ассимилировать монгольские и маньчжурские племена. Как мы ныне знаем, все это не так, и в целом рассуждения о характере народов, в том числе и китайского, проверки временем не выдерживают.

Конкретно же план Бадмаева распадается на две части: собственно военные завоевания Китая и экомическое проникновение в Китай. Бадмаев заявляет: „Вся торговля Китая попадет в наши руки" („За кулисами...", с. 52). Неужели можно поверить, что китайцы кому-то уступят в способности к торговле! Еще русский исследователь XIX века высмеивал всякие попытки конкурировать в торговле с китайцами (см., например, Х. Трусевич „Посоль-

ские и торговые отношения с Китаем до XIX в.". – М., 1882, сс. 230-231). Сейчас в ряде стран Азии торговля в значительной мере находится в руках китайцев, по крайней мере они оказывают на финансово-торговую жизнь ряда стран значительное влияние. А Бадмаев и его покровители хотели в Китае занять место китайцев. И, уж конечно, для цели захвата русскими торговли в Китае Бадмаев предлагает строить... железную дорогу. Строить железную дорогу – отнюдь не идея-фикс доктора, он всегда думает о наживе.

Это, так сказать, экономическое обоснование. Чисто политическое и военное описание захвата Китая необычайно просто: весь Китай, и в первую очередь Монголия, присоединяется к империи; для этой цели необходимо построить железную дорогу. Затем в действие вступают огромные корпуса конницы, преимущественно казачьей. (Любопытно, что Троцкий также предлагал завоевать Индию и Китай с помощью многочисленных конных соединений в 1921-22 гг., когда стало ясно, что на Западе путь для „мировой революции" закрыт. Похоже, что он имел под рукой сочинения, к тому времени уже покойного, доктора.)

Однако вернемся к проекту Дамаева. Он всячески подчеркивает необходимость, прежде всего, захватить г. Лан-чжоу-фу в провинции Гань-су (тогдашней), расположенной на линии китайской стены. („За кулисами...", с. 51). Именно из этой точки начал завоевание Китая Чингиз-хан. (Последнего Бадмаев всячески превозносит; вообще он постоянно восхваляет деяния монгольских племен, забывая о том, что натворили монголы на Руси. Впрочем, об этом, очевидно, не помнили и те, к кому обращал

свои сочинения Бадмаев.) („За кулисами...", с. 60). Вообще, создается такое впечатление, что этот город имеет для Бадмаева не только стратегическое, но и какое-то иное, словно мистическое, значение. Ланчжоу-фу – ключ к Тибету, Китаю, Монголии. Спору нет, этот город расположен в весьма важной зоне. Собственно говоря, он находится в застенном Китае, если следовать старой терминологии.

Город сей весьма важен с военной точки зрения, он как бы открывает путь в наиболее населенную и важную в экономическом отношении часть нынешнего Китая; так было и 70 лет назад. Для прохода в Тибет город представляет значение и ныне. Сейчас от него идет железнодорожная ветка на г. Сиань и г. Чженчжоу. Во всяком случае, советские стратеги имели его в виду в 1944 г., когда планировали наступление из Синьцзян-Уйгурского автономного района. Там тогда началось движение за отделение от Китая, организованное не без советской помощи. В случае удачи планировалось наступление через территорию будущей „независимой уйгурской республики". Об этом мы вспомним несколько ниже.

Еще раз повторим: Бадмаев, будучи выходцем из этого – как бы по-научному выразиться – региона Азии, ситуацию понимал, тем более, что он вообще отличался знанием тайной кухни дипломатии начала века. Представлял он и огромную жизненную важность для будущего России ее отношений с Китаем, особенно после того, как он освободится от маньчжурской династии. Бадмаев произносит в своей записке истину: „Монголия, Тибет и Китай составляют будущность России во всех отношениях" („За кулисами...", с. 56). Это бесспорно. Понимать-то он понимал, а решить хотел вопрос, как решали

его все империи в истории человечества: свалить опасного соседа и разделать его, а буде дело хорошо пойдет, то присоединить к империи. Нет, с Китаем так не получилось, да и не получится. Необходимо вспомнить только, что Китай пережил и перемолол на своем „веку" не одну цивилизацию, а не то что там империю, срок жизни которой так иногда быстротечен. Китай даже и не страна, а культура, цивилизация (как считали Данилевский и Тойнби), время возникновения которой уходит корнями ко времени начала строительства египетских пирамид. Ни одно из европейских правительств, да и японское тоже, не понимали этого и действовали методой старой – навалимся, сокрушим, поделим. Получилась чепуха.

Бадмаев, конечно, понимал, что от него хотят и учитывал вкусы заказчиков, хотя и свои цели скрытые соблюдал ревностно. И, пользуясь авторитетом и влиянием, внушал заказчикам всякий вздор. О Бадмаеве еще расскажут чуть побольше, чем о Распутине написано, когда станут наконец доступны для историков все документы той поворотной, судьбоносной для нашей Родины поры. Еще только хотелось бы сказать, что во всех авантюрах и происках Бадмаева рядом с тибетским доктором всегда, подчеркиваю, всегда видна фигура „мудрого политического" деятеля – графа Витте.

ПЛАН ЦЫБИКОВА

Перейдем к другому, еще более интересному и реалистичному плану – плану Цыбикова. О нем мы уже кратко упоминали. Следует отметить, что автору не удалось найти ни единого упоминания об этом плане в западной исторической литературе (о советской и говорить не приходится), хотя сам Цыбиков известен достаточно и когда-то его книги пользовались широкой популярностью. Говорится о нем и в советской исторической литературе, но вот о том, что он предлагал план расчленения Китая, об этом история умолчала. Повторяю, автору не известно ни одной публикации, посвященной этому плану, и он основывает свое изложение на архивном документе, собственно на самом тексте записки (без первого листа), находящейся в Центр. гос. воен. -ист. архиве (ЦГВИА, Лен. отд., ф. 421, ед. хран. 166, лл. 2-14).

Цыбиков, конечно, знал Бадмаева. Оба были бурятами. Именно по протекции доктора он и оказался в столице.

Двадцатишестилетний Г. Ц. Цыбиков, ставший русским разведчиком, ранним ноябрьским утром 1899 г. в одеянии ламы-паломника отправился в далекий путь, в столицу Тибета – Лхассу. Нужно заметить, что проникнуть в Тибет до Цыбикова пытались многие посланцы царского правительства, но это не удалось ни грубоватому и напористому Пржевальскому, ни хитрому и осторожному Козлову. Заметим кстати, что Цыбиков был оснащен самой современной тогда аппаратурой. Он нес

под рубищем паломника портативный фотоаппарат и сделал множество уникальных снимков, которые представляют интерес и по сей день. Делать снимки приходилось украдкой, информация, добытая Цыбиковым, оказалась исключительно интересной и важной.

План появился в результате этого путешествия „не по торговым делам". Однако изложил Цыбиков эти свои соображения несколько позднее, во всяком случае его „Записку..." (назовем ее так) с уверенностью можно датировать 1912 годом. Еще раз скажем, что план Цыбикова более деловой, более сжато изложен и куда более реалистичен, чем план его патрона. Первая часть „Записки..." отведена общему положению в стране („Записка...", лл. 2-4). Затем начинается основная часть, где Цыбиков заявляет, что угроза России с Востока необычайно велика, причем не столько со стороны Китая, который еще длительное время будет неспособен на прямую борьбу с российской империей, а со стороны Японии, которая постарается использовать все ресурсы Китая, как экономические, так и людские, и бросить их против России. Япония хочет прибрать к рукам Поднебесную Империю, используя царящий в ней хаос („Записка...", лл. 5-6). Необходимо сокрушить Китай и нарушить планы Японии, иначе рано или поздно России не сдобровать. Бороться с объединенными Китаем и Японией в настоящее время Россия не в состоянии.

Потом идет самая существенная часть „Записки...", где Цыбиков предупреждает, что очень скоро, через 20 или 40 лет, Китай, даже сокрушенный, может стать угрозой для державы, поэтому с ним необходимо покончить, а для этого существует

только один путь (Цыбиков неоднократно подчеркивает эту мысль в документе.) И далее – изложение самого Плана.

План Цыбикова состоит в том, что следует расчленить Китай, создать на его территории ряд независимых, сильных государств. С помощью России они сумеют противостоять попыткам Китая ввести их вновь в состав империи („Записка...", л. 6). Расчленение Китая происходит следующим путем. Создается независимая Монголия с обязательным включением в нее и Внутренней Монголии, т. е. того района, который ныне так называется на карте Китая. Затем воссоздается независимое государство Тибет, а также уйгурское государство в районе расположения (приблизительно) ликвидированного маньчжурской династией Джунгарского ханства. Только так возможно покончить с Китаем навсегда, иначе очень быстро Китай, освободившись от маньчжурского ига, будет способен восстановить свое могущество, используя западную науку и технику. Здесь же Цыбиков указывает, что ни при каких обстоятельствах Китай не усвоит западный образ жизни, а лишь возьмет от Запада нужные ему науку и технику. В своей записке Цыбиков, иногда слово в слово, повторяет положения знаменитого специалиста по Китаю С. М. Георгиевского. Похоже, что он хорошо знаком с трудом Георгиевского, только сделал из него совсем другие выводы.

Итак, еще раз повторим основные положения „Записки...":

1) Создание „независимого" монгольского государства, куда он предлагает включить и весь современный автономный район Внутренней Монголии и некоторые районы Синьцзян-Уйгурской области.

(Советская Монголия входит в это объединение в первую очередь.) Следовательно, создание своего рода „Великой Монголии", огромной по территории и достаточно значительной по численности населения.

2) Создание мусульманского государства, восстановление Джунгарского ханства (возможно, какой-то новый вариант этого государственного объединения, исчезнувшего в 1758 г.).

3) Тибет планируется как независимое и достаточно сильное государство. Цыбиков указывает на необходимость перекройки границ Тибета и Синьцзяна, в особенности за счет самого Китая.

4) И, наконец, собственно сам Китай, граница которого должна проходить по Великой стене. Причем город Лан-чжоу Цыбиков, как и Бадмаев, оставляет вне территории „застенного Китая". Цыбиков почти дословно повторяет доводы тибетского доктора о необходимости захвата этого города в первую очередь и удержания его любой ценой. Лан-чжоу — ключ Китая. Кто владеет ключом, всегда легко войдет в Поднебесную.

О Маньчжурии Цыбиков распространяется мало и эта часть наиболее туманная в его „Записке...". Однако он указывает на неизбежность столкновения с Японией из-за Маньчжурии („Записка...", л. 6-8).

План Цыбикова, появившийся через 20 лет после „плана Бадмаева", несомненно инспирирован лейбмедиком, хотя полностью от него отличается. Говорят, что в ленинском архиве существует специальное послание Бадмаева к Ленину о необходимости самого скорейшего отделения от Китая Внешней Монголии. Оно датируется 1918 г., но автор никогда не видел его, а лишь слышал о том, что Бадмаев

активно пытался вмешаться в советскую политику в отношении Монголии. Однако здесь его влияние было вряд ли значительным. В 1919 г. он исчезает. Вероятно, он все же умер своей смертью, а не был „ликвидирован".

Осуществление этих планов, даже частичное, казалось должно было одним ударом превратить Китай во второразрядную страну, вывести его из строя мировых держав практически на необозримый исторический период. Китай более не мог бы тягаться с Россией. Что же до Англии и ее происков, то Цыбиков советует не бояться ни одной западной державы в Китае, ибо их влияние временно, преходяще и очень скоро исчезнет. Европейцы уйдут из Китая, а угроза России останется, если не принять этот план. Положение Японии также осложнится, если удалось бы хотя частично начать осуществление этого плана.

Разумеется, Бадмаев был авантюристом и чьим-то агентом, но у него был и свой собственный, скрытый план. Он и Цыбиков были по национальности бурятами, и очевидно хотели создать в той или иной форме полностью независимое государство, население которого в „подавляющем большинстве состояло бы из монгольских племен" (чья-то приписка на листе „Записки...", л. 6). И прежде всего с этой целью они и стремились столкнуть в смертельной борьбе Китай и Россию.

В целом, в документе мало эмоций. Цыбиков считает, что пришло время действовать. Изложение ведется сухо, по-деловому, с откровенностью разведчика, пишущего отчет о проделанной работе.

По крайней мере в одной части план Цыбикова пытались осуществить – в отношении Монголии –

еще при царе. Однако отделена Монголия от Китая была все же после 1917 года, и об этом забывать не следует. До 1917 года в России не было единого мнения по вопросу о присоединении Монголии к России или о создании „самостоятельного" монгольского государства. Более того, в ту пору существовало в нашей стране целое течение, самым решительным образом выступавшее против любого вмешательства во внутренние дела Китая со стороны России. Среди таких людей были писатели и ученые, военные и придворные. Всех их объединяло одно — они были подлинными патриотами своего отечества. Мы говорили о тех причинах, по которым им не удалось повернуть политику в национальное русло, но тогда они, по крайней мере, имели право свободно защищать свои взгляды открыто. Они могли хоть в какой-то мере влиять на политику правительства.

МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Итак, зачем и кому понадобилась Монголия? Бадмаев и Цыбиков стремились создать национальный очаг для монголов. Были идиоты, всерьез намеревавшиеся снабжать Россию мясом за счет „привольных степей Монголии" (П. М. Головачев „Россия на Дальнем Востоке". – СПб., 1904). Мы уже говорили о Головачеве, прекрасном знатоке дальневосточных проблем, но есть необходимость вернуться к его труду еще раз. Он вполне правомерно спрашивает: „Почему бы не поднять падающее русское скотоводство в других степях?" (там же, с. 59). Зачем лезть в чужую страну? У себя необходимо порядок навести, о сельском хозяйстве позаботиться. Вот главное и бесспорное возражение всех тех, кто сохранил разум и действительно отстаивал национальные интересы России.

Царское правительство, подталкиваемое „верноподданническими записками" Бадмаева, приступило к организации на территории Монголии вооруженных отрядов, очевидно, еще в самом начале века. Бадмаев принимал самое активное участие в их вооружении и направлял их действия против центрального правительства („За кулисами...", с. XXIV). Но важные события разыгрались только после падения маньчжурской династии.

Монголы воспользовались революцией в Китае в 1911 г. Летом 1911 г. в Урге (ныне Улан-Батор) состоялось тайное совещание наиболее влиятельных феодалов и духовных лиц. Они решили направить гонцов в Петербург, к царю. Однако царское прави-

тельство отказалось признать независимость Монголии, оно скорее стремилось получить различные привилегии в стране, но прямых переговоров о включении в состав империи не было, хотя вопрос этот, конечно, стоял. Не было решено ничего определенного и в отношении независимости Монголии от Китая. Впрочем, это и понятно: еще чувствовалось влияние Столыпина, единственного политического деятеля, который был против дальневосточных авантюр.

Но в ноябре 1911 г. монголы освободились от власти маньчжурской династии (династии Цин) и образовали свое государство. Во главе правительства встал духовный руководитель буддистов богдо-гэгэн. На протяжении трех лет, Монголия пыталась добиться признания суверенитета со стороны других держав и Российской империи, однако достичь своей цели монгольским феодалам не удалось. Монголия осталась в составе Китая, – хотя в октябре 1912 года царское правительство и признало независимость Монголии, но не надолго; видимо, в Петербурге убедились в полной нежизнеспособности новоиспеченного государства. Тем не менее, по соглашению от 5 ноября 1913 года Россия добилась от Китая признания национальной автономии Монголии. Монголия осталась в составе Китая со статусом автономной территории, что и было закреплено и юридически оформлено Кяхтинским договором 1915 года.

Справедливо, что царское правительство очень свободно чувствовало себя в Монголии и инспирировало заговоры против китайского правительства, но еще раз повторяю: при дворе существовала сильнейшая оппозиция, требовавшая прекращения экс-

пансии на Дальнем Востоке, в том числе и в Монголии. Действительно же вышла Монголия из состава Китая только после прихода к власти Троцкого и Ленина. Произошло это в 1921 году.

Выйдя из состава Китая, Монголия, разумеется, не превратилась в независимое государство – для этого не было ни малейших предпосылок. Советское правительство обратилось к монголам с высокопарной декларацией (авг. 1919 г.), где между прочим говорилось: „В отмену соглашения 1913 г. Монголия, как независимая страна, имеет право существовать без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда" (В. П. Саввин „Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем". – М.-Л., 1930, с. 87). Во всех обращениях к „монгольским братьям" говорилось, что войска советской страны находятся на территории „братской Монголии" временно и уйдут, как только ликвидируют „контрреволюционные банды" барона Унгерна, Семенова и других генералов. По „просьбе монгольских трудящихся" вывод „войск освободителей" был несколько задержан в 1921 г., затем... а затем они задержались и по сию пору, вот уже скоро шесть десятков лет. Остальное было, что называется, делом техники.

Монголия быстро превратилась в 17-ую республику СССР, стала совсем „братской". Ездить туда можно было без виз, как, скажем, из Москвы на Украину. Заключенных везли туда тоже очень просто, как, скажем, из Ленинграда на Колыму – без границ и остановок. Причем, заключенные в Монголии находились вплоть до той поры, пока их не стали фотографировать с американских спутников. Тогда заключенных убрали, а еще ранее Монголию

приняли в ООН. Но до того, как зэков убрали, они успели своими руками создать мощную систему обороны в монгольских степях, построить великолепные дороги, базы, склады и казармы. Не ойраты все это строили, а именно заключенные. И сколько их там погибло на открытой всем ветрам монгольской равнине – Бог весть. Одним словом, в Монголии существовала мощная система лагерей. (Автор слышал передачу японского радио на русском языке, где утверждалось, что численность заключенных в 1954 г. на территории Монголии достигала 600 тыс. чел.)

Сколько стоила нам Монголия – никто не знает. Известно только, что ежедневные расходы на Кубу и Монголию составляют 2,5 млн. долларов (это лишь прямые расходы, не считая военных). И так из года в год. Советские руководители не сумели „поднять животноводство" за счет монгольских степей, и висит Монголия тяжким бременем на шее у всех народов СССР, а больше всего на нашей, русской шее.

А самим монголам что это принесло? Стали свободными? Нет! Они столь несчастны, как и каждый человек в СССР. Сделана была даже попытка лишить их языка. В 1945 году отменили их старый монгольский алфавит и ввели новый, на основе кириллицы, совершенно чуждый всему образу и духу монгольского языка! Западные руководители в Ялте в 1945 году послушно подтвердили все, что предложил Сталин, в том числе и в вопросе Монголии, и по сию пору она остается частью советской империи.

Китай пытался получить Монголию обратно сразу же после прихода к власти КПК, но эти требования

возврата территории получили известную огласку только в 1954 г. во время визита Хрущева в Китай. До того вопрос касался преимущественно Люишуня (Порт-Артур) и Даляня (Дальний). Эти стратегически важные военные базы Хрущев вернул, но вопрос о возврате Монголии обсуждать отказался. Советским руководителям Монголия представлялась исключительно важной со стратегической, военной точки зрения, как район сосредоточения войск для наступления на весь азиатский континент (точнее на то, что еще оставалось вне сферы их влияния).

Солсбери, автор весьма известной книги „Война между Китаем и Россией", вышедшей на Западе в 1969 г., называет Монголию „сердцем огромного континента". Сравнение отличное, но не более. Монголия – чужое сердце. Сердце России не там, мы забыли, совсем забыли о нашем сердце. Оно едва бьется, слабое, больное (если уж использовать выражения, почерпнутые из англо-саксонской геополитической теории). Впрочем, давно известно, что каждый народ, живущий на своей земле, имеет на ней свое сердце – кусок земли самый важный, самый близкий, откуда народ вышел и создал свою страну, свое государство, свое отечество.

Китайцы прекрасно понимали, что Монголии им не видать, а поэтому решили действовать, так сказать, явочным порядком. К 1959 году в Монголии скопилось много китайских рабочих, присланных для оказании помощи. Как мы помним, к этому времени заключенных стали убирать. А рабочие руки требовались, и весьма, да еще и дешевые. Численность собственно монголов очень невелика, тогда она не превышала 500 тысяч человек, причем, насе-

ление явно сочувствовало китайцам. Советское руководство встревожилось. Видимо, более всего оно боялось ассимиляционных процессов и действовало очень быстро – китайцев изгнали. Поэтому Солсбери, очевидно, прав, когда говорит, что конфликт возник в Монголии в 1959 г. Лучше сказать, он обострился из-за Монголии, а существовал он всегда.

Впрочем, сейчас важнее другое – население Монголии, его численность и национальный состав. Мы имеем в виду собственно Монгольскую народную республику (МНР). И здесь – ответ на главный вопрос, касающийся МНР. Численность населения Монголии сразу после 1917 г. составляла почти 2 млн. чел. (Справочник „Народы Азии". – М., 1924, с. 66). Мы имеем в виду территорию МНР, т. е. советской Монголии. Ныне же на этой же приблизительно территории проживает 1 млн. 339 тыс. человек. Площадь Монголии ныне – 1 млн. 565 тыс. кв. км (Справочник „Народонаселение стран мира". – М., 1974, с. 469). Исчисление до 1917 г. и в послереволюционные годы, очевидно, производилось на площади в 1 млн. 400 тыс. кв. км. А естественный прирост, столь высокий именно в Азии? За полвека, население Монголии, видимо, уменьшилось наполовину.

Куда же девалось население „братской страны"? Ответ простой. Монголы оказали советским колонизаторам отчаянное сопротивление. С жесточайшим упорством они вели безнадежную борьбу вплоть до середины тридцатых годов. Об этом мало известно даже в Китае, а в СССР – ничего. Поняв, что советские войска не одолеть, монголы начали уходить.

Это постоянная вещь: когда нельзя выступить открыто, то можно проголосовать ногами.

Монголы бежали целыми семьями (кто мог, конечно), но тогда осуществить это было много легче – границы еще не охранялись вертолетами, и на рубежной черте не устанавливали автоматические электронные самострелы. На место сбежавших везли из СССР, особенно из Бурятии, других, кто мог работать в степи, и селили, всячески поощряя смешанные браки. Вот почему никто точно не знает, сколько же коренного монгольского населения ныне в стране. На советские цифры нельзя полагаться. По этим данным собственно монголов, а точнее говоря халха-монголов – 990 тыс., казахов – 65 тыс., а бурят – 42 тыс. Однако утверждают, что на самом деле множество казахов, бурят, даже уйгур и татар, а также и лиц других национальностей „записано" на монголов. Буряты из Забайкалья, бывавшие в Монголии, утверждают, что больше 600 тыс. монголов там никак быть не должно, а попросту говоря – их не больше половины нынешнего населения страны. С непривычки даже сообразительному человеку трудно казаха, или к примеру бурята, отличить от монгола, а какого-нибудь американца или француза привезут „счастливую жизнь монгольских трудящихся" показать, – так они ему все вообще на одно лицо покажутся.

Несомненно, что в Монголии постоянно проживает много выходцев из СССР, представителей самых различных национальностей. Они начали переселяться туда еще в тридцатые годы, а сейчас этот процесс усиливается. Очень поощряются браки лиц различных национальностей в высшем руководстве страны. Некоторые имеют даже жен русских (при-

чем настоящих русских) по национальности. Очевидно, здесь вопрос для советских руководителей решен. Идет ассимиляционный процесс, только осторожный, медленный.

Монгольский вопрос, конечно, приобретает огромный вес во взаимоотношениях СССР и Китая и может стать решающим. Сотрудничество двух держав в Монголии не кончилось, как полагает Солсбери. Оно и не начиналось. Китаю необходима Монголия, как часть его территории, а советским лидерам – чтобы держать „на мушке" весь остальной континент и, в конечной своей цели, достигнуть мирового господства. Поэтому обе стороны рассматривали свое „сотрудничество" лишь как средство к достижению своих целей. Вот именно поэтому взаимоотношения и ухудшились столь катастрофически быстро. Мы остановились на монгольском вопросе, ибо считаем, что это камень преткновения на историческом пути России, один из труднейших вопросов в отношениях между нашими двумя странами.

СИНЬЦЗЯН, ТИБЕТ, МАНЬЧЖУРИЯ

Синьцзян-Уйгурский автономный район, расположенный на севере-востоке, занимает площадь в 1 млн. 700 тыс. кв. км, что составляет 1/6 часть всей территории Китая. Покончить с Китаем, как противником советской империи вряд ли возможно, не отделив от него этот колоссальный кусок земли. Административный центр – г. Урумчи. О населении этого района автор точных сведений не имеет, поскольку многочисленные статистические справочники дают цифры, которые другими справочниками опровергаются. По китайским данным, общая численность населения составляет 8 млн. чел., из них 5 млн. – уйгуры, древний народ тюрков (Агентство Синьхуа 6. IX. 68, цит. по сб. „Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР". – М., 1975, с. 45). Помимо уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) проживает много казахов (550 тыс.), а также киргизы (70 тыс.) и узбеки (10 тыс.) (там же, с. 46). Многие жители из вышеназванных национальностей в приказном порядке отправлены были в этот район в разные периоды советской истории, и имеют родственников в советских республиках Средней Азии. Очевидно в СУАР пытались создать такую же ситуацию, как и в Монголии, но здесь это оказалось значительно труднее.

Вспомним кратко историю взаимоотношений этого района с нашей державой.

Джунгарское ханство – независимое государство – вошло в состав Китая в период маньчжурской ди-

настии. Государство это было весьма неустойчивым, постоянно раздиралось междоусобиями. В период, когда Джунгария пришла в упадок и находилась накануне потери своей государственности, у нее завязались некоторые отношения с Россией, однако мы не пришли на помощь джунгарам. Китай же готов был пойти на значительные территориальные уступки за наш отказ от союза с ханством. Вообще говоря, представляется нам, что с точки зрения долгосрочной государственной перспективы, выгодно было бы помочь Джунгарскому царству. Но императрица Елизавета и Бестужев – тогдашний кормчий иностранной политики империи – увлечены были войной в Европе и забыли о Востоке. Впрочем, возможно здесь имели место и соображения, что ханство Джунгар крайне непрочно и союзник ненадежный. Как бы там ни было, в России тогда не хотели конфронтации с Китаем и не шли ни на какие территориальные захваты в далеких азиатских степях. И в 1759 году ханство перестало существовать. В 1871 году значительная часть нынешнего СУАР оккупировалась войсками Российской империи, но без просьб со стороны тогдашнего маньчжурского правительства, боровшегося с повстанцами практически по всей стране. Через несколько лет Россия очистила территорию и отвела войска, оказав помощь маньчжурской империи в подавлении восстания.

Вторая мировая война шла к своему победоносному завершению. Союзники высадились в Нормандии, советские войска вступили на территорию Польши и продолжали наступать на других фронтах. Международное положение было далеко не таким ясным, как оно представляется современным исто-

рикам, и ялтинская конференция была еще далеко. В это время Сталин предпринял попытку организовать в Китае то, что еще только планировалось для всей Восточной Европы. Но в Азии задача была несравненно важнее – раз и навсегда покончить с Китаем как политическим соперником советской империи. Сталин решил начать окончательный раздел Китая. Маньчжурия в то время была независимым государством, а Монголия фактически была „17-й республикой". Оставались СУАР и Тибет, но к Тибету трудно было подобраться, не захватив СУАР. В официальной истории СССР не любят вспоминать об этой авантюре, а когда вспоминают, то версия такова: да, оказание помощи „народно-освободительному движению" имело место, но... происходило это исключительно в интересах китайских коммунистов, которые вели борьбу с армиями Чан Кай-ши и японцами.

На самом деле, события развивались следующим образом: начиная с мая 1944 года через границу из СССР в СУАР широкой рекой текли оружие и боеприпасы для вооружения групп националистов, руководимых советскими ставленниками. Восставшие довольно быстро захватили значительные территории СУАР, непосредственно прилегавшие к границам СССР (в ряде мест им помогали одетые в гражданское платье советские офицеры и солдаты), и немедленно провозгласили „Восточно-Туркестанскую республику" (ВТР), а уже 12 ноября 1944 года „временное революционное правительство" этой республики огласило программу, в которой одним из важнейших пунктов было „провозглашение нерушимой дружбы с Советским Союзом". Эта республика провозгласила независимость, *именно незави-*

симость от Китая. В программе стоял пункт, касающийся создания национальной армии. На карте мира появилось „новое государство". Похоже на то, что план Цыбикова начал осуществляться. Судьба Монголии была уготована, видимо, и для уйгур.

В вопросе о дальнейшей судьбе СУАР были и колебания и неуверенность со стороны советского правительства. „Государство" это было совершенно нежизненным, не говоря уже о том, что и среди самих восставших не существовало единства. Между представителями различных национальностей в Синьцзяне были настолько сложные отношения, что даже советская агентура не могла добиться хотя бы видимого объединения. В дальнейшем вопрос об отделении от Китая был снят, и для этого существовал ряд причин: позиция китайских коммунистов, нежизненность ВТР, обстановка в Европе. Кроме того, – и это важно отметить, – советское руководство уделяло много внимания Ирану: здесь также предполагалось создать „независимую и свободную республику" и присоединить ее к Азербайджану, тем более, что советские войска уже стояли на территории Ирана.

Вообще, „создание правительств" у советского руководства – налаженный и отработанный процесс. Все члены будущего правительства проживают в Москве или ближайших ее пригородах и достаточно просто позвонить им по телефону и приказать приехать.

В СУАР в 1944 году имел место точно такой же эпизод, что и, например, в Финляндии в 1939 году. Все забыли, что в Териоках (ныне Зеленогорск) после входа туда советских войск было создано „Правительство Финляндии". Все честь по чести.

И министры были. Все ждали указаний ехать в обозе советских армий в Хельсинки и занять положенные по сценарию должности и посты. Однако до Хельсинки советские войска не дошли. Ну, раз не дошли, то и исчезло это „правительство" столь же внезапно, как и появилось.

Советское руководство рвалось к нефти Персидского залива и, видимо, решило пока пустить дела в Китае по воле волн. Не совсем, конечно, нити продолжали оставаться в советских руках. Но вопрос об отделении был затушеван и „восстановление государственности уйгурского народа" должно было идти теперь в „рамках Китая".

Но против войск Чан Кай-ши „уйгурские повстанцы" действовали достаточно активно, отвлекая на себя крупные силы. Периодически представители Чан Кай-ши вели переговоры с повстанцами и представителями местного населения. В случае опасности советские ставленники улепетывали к границе СССР, как, например, было в 1947 г.: когда гоминдановцы начали репрессии, члены правительства бывшей ВТР сбежали в Кульджу, а оттуда до границы рукой подать.

Вне сомнения, в падении Чан Кай-ши события в СУАР сыграли значительную роль, и не только тем, что отвлекали силы гоминдановцев, но прежде всего и тем, что все в Китае понимали, что если Чан Кай-ши будет брать верх в борьбе, то советское руководство „организует новое свободное государство" на территории СУАР. Если же к власти придут коммунисты, то ситуация сложится иная.

В гражданской войне в Китае победили коммунисты. Сталина устраивал сильный союзник (в тот период и для тогдашних целей) и СУАР остался в

составе Китая. (Правда, утверждают, что Сталин, якобы, в победу „китайских товарищей" не верил и даже будто говорил об этом Г. Л. Гопкинсу (Солсбери. „War...", сс. 68-80)).

По мере ухудшения советско-китайских отношений с советской стороны предпринимались некоторые меры для того, чтобы обострить обстановку в Синьцзяне, но никаких особых последствий это не имело, если не считать бегства из СУАР нескольких десятков тысяч уйгуров и казахов (тех, в основном, кто имел советские паспорта, но проживать продолжал в Китае). Очевидно, в СУАР имели место столкновения, с человеческими жертвами, так как действительно многие из Синьцзяна хотели выехать в СССР. Но даже советские источники (см., например, сб. „Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР". – М., 1975, с. 64-65) признают, что китайцы сравнительно легко давали разрешение на выезд из страны, особенно в первой половине 1962 года.

В СССР все было по-другому. Автоматически каждый, кто хотя бы пытался обратиться за визой на выезд в Китай (а тех, кто хотел покинуть СССР было несравнимо больше, чем тех, кто хотел покинуть Китай), увольнялся с работы, многие были арестованы, осуждены, их семьи также подвергались репрессиям. Советские источники, да и западные тоже, умалчивают о том, что в 1961-62 гг. были многочисленные попытки осуществить прорывы в Китай. Группы составляли иногда десятки человек, их преследовали с собаками, догоняли на вертолетах. Умалчивают и о том, что имели место попытки массовых прорывов не только в Китай, но и в Афганистан.

Если руководители СССР примут решение расчленить Китай, то старый план Цыбикова вступит в действие – „лучше" все равно трудно придумать. Кстати говоря, Цыбиков указывал, что на самом деле территория „застенного" Китая значительно увеличена за счет других частей Китая, и это положение необходимо исправить („Записка..., л. 7).

После смерти Сталина китайский вопрос снова стал одним из важнейших внешнеполитических вопросов. Именно тогда, после 1953 года, Хрущев отправился в свой знаменитый „вояж" по Дальнему Востоку и произнес речь в Хабаровске, многих удивившую. О попытках китайцев вести переговоры о некоторых территориях и о категорическом отказе Хрущева обсуждать эти вопросы мы уже говорили. Из этого визита все же сделали один важнейший вывод: необходимо всячески ускорить процесс заселения территорий вдоль советско-китайской границы, причем особое внимание уделить Казахстану, где население явно было ненадежным. Началась знаменитая эпопея, официально именуемая „поднятием целины", или еще романтичнее – „покорение" целины.

В кратчайший срок (1954-56 гг.) туда, почти к самой китайской границе, были переброшены миллионы людей самых различных национальностей, а отнюдь не только русских. Необычайно высоким был процент лиц украинцев и белорусов. Гнали туда и только что освобожденных заключенных, крестьян из голодных послевоенных деревень. Гнали их с малыми детьми и нищенским скарбом, выбрасывали прямо в казахскую суровую степь, где часто не было даже палаток. Людей гнали „на целину", отнимая у них жилье там, откуда их принужда-

ли уехать. Милиция в этот период прекращала следствия практически по всем уголовным делам (до 3-х лет наказания) в том случае, если подследственный писал заявление с просьбой „добровольно поехать подымать целину". Подобным же образом создавались и комсомольские отряды. При тогдашних правилах прописки вернуться уехавшему на старое место жительства было почти невозможно. Условия жизни „на целине" представить тому, кто там не бывал, и особенно нынешнему поколению, тем, кому сегодня 25-30, трудно. Не хватало воды, а не только хлеба. Тысячи переселенцев умерли от болезней. Женские бараки и палатки превращались в бесплатные публичные дома. Девочек-комсомолок насиловали среди белого дня. Пьянство было повальным. Вот так и покоряли эту самую целину. Ныне казахи составляют менее 32% от населения Казахстана, русских, видимо, не менее 40% (Справочник „Население СССР". – М., 1975, с. 90-91).

Мы остановились на „покорении целины", чтобы сказать, что все это массовое переселение миллионов людей, отвлечение огромного числа рабочих рук из тех районов, где в тяжкие послевоенные годы они были крайне нужны, не было экономической необходимостью и на самом деле не столь уж много дало советскому сельскому хозяйству. Вся эта эпопея была необходима с учетом долгосрочной перспективы в китайском вопросе, хотя решалась она по-советски – обманом и принуждением. Нет и не может быть сравнения между насильственным переселением людей в 1954 году, сильно смахивавшим на „процесс коллективизации сельского хозяйства" (хотя и несравненно меньшим по размаху и жертвам), и колонизацией Сибири вольными рус-

скими людьми и казаками, в подавляющем большинстве своем добровольно и с охотой уходившими за Урал-камень и создавшими богатейшие, до 1917 г., сельскохозяйственные районы в Забайкалье и в долине Зеи (нынешняя Амурская область).

Что до Маньчжурии, то в этом веке она была формально независимым государством, – не без активного вмешательства России. Царское правительство в 1907 году договором с Японией поделило с ней Маньчжурию. Они сотрудничали в Маньчжурии и после того, как в Китае произошла революция 1911 года. Маньчжурия играла основную роль в столкновении с Китаем и Японией после 1917 года. Обладание Маньчжурией являлось одной из причин несчастной русско-японской войны, а затем, уже при советской власти, – советско-китайского конфликта в 1929 году. Она была причиной постоянных раздоров, и попытки захватить ее целиком или хотя бы частично, не прекращались до тех пор, пока там не укрепилась Япония и не создала „независимое государство". В 1945 году все это кончилось и на территории Маньчжурии оказались советские войска.

Маловероятно, что советское руководство отказалось от возможности создать новый вариант „Маньчжу-Го". Постоянно указывается на то, что Маньчжурия не является частью „собственно Китая". Правда, в газетах и книгах термин „застенный Китай" не употребляется, но в лекциях он ныне широко используется. Впервые о том, где проходит граница, „китайским товарищам" напомнили еще в 1964 году. „Ведь когда-то там, действительно, проходила граница Китая, свидетельством чего и является сама стена" (газета „Правда", 2. 9. 1964).

То есть вполне возможно доказать, что граница проходит по линии Великой Китайской стены, причем стена-то сама – всего в 100 км от Пекина. Однако более важным представляется в вопросе Маньчжурии возможность активных действий через ее территорию, по знакомым дорогам. Этого мы коснемся, но в связи с военной ситуацией в районе советско-китайской границы.

С Тибетом дело яснее, Цыбиков в своем плане раздела Поднебесной империи говорит совершенно четко, что до той поры, пока Китай будет обладать Тибетом, он будет силен и его не удастся одолеть. Но если отнять у Китая Тибет, то Китай перестанет быть опасным противником.

Попытки, правда неудачные, дотянуться до Тибета имели место еще до 1917 года. Собственно, миссия Цыбикова была своего рода рекогносцировкой на местности. О миссии казачьего подъесаула Уланова, посланного в Тибет по прямому ходатайству Бадмаева, мы уже говорили. Разумеется, были и другие многочисленные попытки, интриги, международные заговоры. Царское правительство очень боялось, и не без основания, английского влияния в Тибете и, по мере возможности, пыталось, вплоть до самого 1914 года, вытеснить англичан.

Англичане, воспользовавшись революцией 1911 года в Китае и внутренней смутой, значительно укрепили свои позиции в Тибете. Да еще раньше, в 1904 году, англичане посылали в Тибет свои экспедиционные корпуса до самой Лхассы, и взяли с Тибета контрибуцию в 500 тысяч фунтов стерлингов.

Советскому руководству тягаться с англичанами из-за Тибета было трудно, оно ожидало лучших времен. За неимением непосредственной границы с

Тибетом, возможность продвижения туда открывалась при захвате СУАР. Как только Синьцзян станет советским, оттуда откроется прямой путь в Тибет.

Советские источники в один голос описывают тяжкую судьбу тибетцев. Надо напомнить, что те же самые источники именовали тибетских повстанцев агентами, завербованными ЦРУ, а восстание 1959 года называли не иначе, как „фашистский мятеж, инспирированный международным империализмом"...

Теперь же, в лучших традициях советской внешней политики, события 1959 года определяются только как „часть антикитайского движения, в котором участвовали широкие слои населения Тибета" (Сб. „Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР". – М., 1975, с. 107). Мы привели лишь один пример, но подобная трактовка событий в Тибете господствует в советской прессе, в учебных программах по истории и международным отношениям.

Но самое мерзкое это – „забота" советского руководства о положении ламаистской церкви. Они плачут о положении ламаистского духовенства в Тибете, а в нашей стране были беспощадно уничтожены миллионы верующих и, в первую очередь, православных, где священников распинали над алтарями, а храмы – великие памятники мирового искусства – взрывали или превращали в конюшни.

Советские руководители лицемерно сожалеют о преследовании монахов в Тибете, а начиная с 1958 года они закрыли в СССР 42 монастыря из 56, измывались над монахами и монахинями, травили их всеми способами, организовывали показательные процессы, прибегали к услугам кино, фабрикуя с помощью негодяев от искусства мерзкие, так

называемые „атеистические", фильмы. Руководители КПСС – в наряде защитников религии и свободы! Это – предел цинизма.

Советское руководство пыталось выяснить обстановку еще в 1961-62 гг., когда внесло свою лепту в разжигание конфликта между Индией и Китаем из-за Тибета. Перед этим СССР поставил Индии много оружия, в том числе современные горные орудия. И когда сегодня западные обозреватели называют конфликт между Кампучией и Вьетнамом первой „войной СССР и Китая через уполномоченных", то они ошибаются, – именно конфликт 1962 года в Гималаях и был этим первым выяснением сил, а не отношений, ибо уже к тому времени Хрущев все понимал, точно так же, как все прекрасно понимали и китайцы.

Проблема Тибета намного сложнее сегодня: англичан сменила Индия. Несомненно, Индия не откажется от своей доли тибетского пирога в случае „наступления чрезвычайных обстоятельств". Правительство Индиры Ганди внесло посильную лепту в дело ухудшения отношений с Китаем. Оно заключило с советским руководством самый настоящий военный пакт, в известной мере развязавший индийцам руки. Сразу же после заключения этого пакта (в августе 1971 г.) Индия начала войну с Пакистаном. Были сделаны шаги по созданию атомной бомбы. И, наконец, внутри страны правительство Ганди занялось принудительной стерилизацией людей, вписав в историю своей страны одну из самых омерзительных страниц.

Взаимоотношения с Индией столь важны потому, что эта огромная страна – вторая по численности населения в мире – является, по крайней мере

в планах советских владык, единственным союзником против Китая. Других нет и не будет. Восточная Европа и марионетки по всему миру в счет не идут. Здесь нужен крайне заинтересованный союзник, такой, который имеет *свой* „интерес".

Вопрос стоит таким образом: сколько потребует Индия за участие в конфликте на стороне советского руководства? Видимо – Тибет. Руководители СССР не раз зондировали почву на предмет участия Индии в разрешении „китайского вопроса". Советско-индийский пакт 1971 года был главным детищем многолетних переговоров на сей предмет. Утверждали, что советские лидеры соглашались „уступить" большую часть Тибета Индии за полную поддержку, включая „создание общественного мнения" и положительную реакцию ООН на случай попытки организовать санкции против СССР при возникновении конфликта. Из МИДа шли слухи, что Индия соглашалась принять „тибетский дар" в обмен... на дружеский нейтралитет, не более. Одно дело принимать участие в пограничных конфликтах за приличное вознаграждение со стороны советского руководства или воевать с плохо подготовленным соседом, таким как Пакистан, но совсем другое – оказаться втянутым в войну, где может быть широко использовано термоядерное оружие, да еще с таким коварнейшим союзником, каким является советское руководство. Но Тибет – огромная территория с весьма редким населением (цифры очень колеблются, но, видимо, население не превышает 2 млн. человек) и колоссальными запасами полезных ископаемых, и никто не знает, как повернутся события, а соблазн невероятно велик.

Советские источники, особенно те, что рассчитаны на массового читателя, указывают и выделяют, что на территории Китая живет множество чуждых китайцам народов: „Некитайские народы искони населяют более двух третей современной территории КНР" (Л. С. Кюзаджян. „Пролетарский интернационализм и мелкобуржуазный национализм". – М., 1968, с. 64). Они никогда не упускают возможности подчеркнуть, что в прошлом народы, занимающие две трети территории КНР, имели свои государства (Сб. „Великодержавная политика...". – М., 1975, с. 4; Л. А. Моджорян „Геополитика на службе военных авантюр". – М., 1974, с. 169, и множество других книг и брошюр, издаваемых для внутреннего и внешнего употребления). Факт этот также всячески обыгрывается и выделяется в лекциях и беседах, проводимых на всех уровнях советского общества, от лекций на заводе в обеденный перерыв, до выступлений перед советской интеллектуальной „элитой" специальных лекторов из Москвы, „из центра". Причем, это дежурное блюдо готовится с учетом аудитории – если лектор выступает в Тбилиси, он пространно расскажет о том, что неханьские народы в Китае получают несравненно меньшую зарплату, чем великоханьцы. Но если в аудитории преобладают „интеллектуалы", то обязательно последует рассказ о „книжных аутодафе" во времена хунвейбинов (не расскажет лектор, как жгли книги на площадях Петрограда и Москвы, Казани и Киева, Иркутска и Новгорода).

Вообще, удар наносится по самому больному месту, ибо проблема национальных меньшинств – будь то тибетцы, монголы, маньчжуры или уйгуры – всегда была болезненной для Китая. Сложные

отношения с соседними народами зародились еще в те исторические эпохи, когда Китай попадал под власть то одного, то другого из них. И недаром советское руководство нащупывает слабые места: оно-то знает точно, что такое национальный вопрос. Для владык СССР национальный вопрос представляет несравненно большую опасность, и разрешение его в советских условиях абсолютно недостижимо. Так что здесь они знают, о чем говорят.

О РАСЧЛЕНЕНИИ СССР

*„Разве не видели мы вчера еще гораздо более неожиданных катастроф, чем распадение Держав, в которых племенного разнообразия достаточно, чтобы вредить единству и общей силе духа"**.

К. Леонтьев.

За последние три сотни лет Китай не вторгался в пределы России. Царское правительство, по наущению преступных чужаков и невежественных политиков, ввязалось в безответственную авантюру в Монголии и Маньчжурии. И пал царский режим не в последнюю очередь благодаря своим неудачам на Дальнем Востоке. Платили за все поражения и просчеты мы, из собственного кармана, и не принесли эти авантюры ровным счетом ничего, кроме новых страданий и жертв.

Ныне положение несравненно хуже, чем оно было до 1917 г. Советские руководители захватили Монголию. Бессмысленный захват. Колонизация Маньчжурии и Монголии находится вне наших возможностей и осуществлена быть не может.

Если раньше взаимоотношения между Россией и Китаем могли быть плохими, – они просто враждовали порой, или же имели место территориальные споры, – то сегодня обстановка коренным образом

---

* „Восток, Россия и славянство". – М.: 1885. Т. I, с. 187.

отличается от „дореволюционного прошлого". Сегодня Китай понимает – ему противостоит противник, который не просто разгромит его армии, а затем потребует контрибуции, как бывало в доброе старое время. Нет, его собираются уничтожить как государство, расчленить его территорию, отодвинуть его со сцены мировой истории.

Вот почему война между СССР и Китаем будет не только первой в истории человечества войной атомной, но и жестокой войной на уничтожение. Если один из противников понимает, что в случае поражения его ожидает неминуемое национальное уничтожение, то и он в свою очередь, коли ему выпадет судьба оказаться победителем, не упустит возможности – навсегда избавиться от своего единственного опасного врага.

Может ли советская империя, в случае неудачи, развалиться? Подобная возможность обсуждалась в ряде работ, вышедших за последние годы. Вообще планов раздела СССР существовало много и столько раз их пытались осуществить, что и перечислить трудно. Да и большинство этих планов (но не все) хорошо известно.

Началось с отделения Финляндии в 1917 г. Заметим, что „дарование" независимости этой стране было не только вынужденной мерой, но и выражением благодарности за те колоссальные услуги, которые Финляндия оказала лично Ленину и всему революционному движению в России. Долгие годы эта страна служила не только „окном" в Российскую империю для „пролезания" революционеров, но и открытыми воротами, через которые вагонами везли все, что было потребно для свержения существующего строя: динамит, оружие, литературу. Справедливо

писал немецкий журнал в 1918 г. : „Суверенитет Финляндии означает нечто большее, чем новое государство, входящее в систему государств на севере Европы. Он означает начало расчленения России. Финляндия окажет большое влияние на другие прибалтийские государства, на Украину и далее, возможно, на Кавказ". Заметим кстати, что декрет о признании независимости Финляндии был утвержден на заседании советского правительства 4 января 1918 года (22. 12. 1917 г. по ст. ст.) по докладу Сталина. Пройдет совсем немного времени и Сталин попытается „исправить свою ошибку" и покончить с независимостью этой страны.

Затем отделилась от Российской империи Украина. Произошло это в результате преступного Брестского мира. Германия потребовала и советское руководство пошло навстречу требованиям своего нового союзника. Польша обрела независимость без милости Троцкого и Ленина. Цитированный нами выше журнал был прав. Прецедент оказался роковым – в самый короткий срок все страны, входившие ранее в империю, оказались на свободе.

Кайзер Вильгельм и его правительство высказались за образование на территории бывшей Российской империи целого ряда государств: России, Украины, среднеазиатских и закавказских государств (ЦГАОР СССР Ф. 1261, 1918 г., оп. 1, д. 46, л. 31-34). Тогдашнее германское правительство стремилось отделить от России даже Сибирь. Раз уж империя разгромлена, считали немцы, то необходимо отделить и Сибирь от России. Они, видимо, помнили слова Бисмарка: подлинная сила России заключается прежде всего в коренных русских. Отделение Сибири представлялось в тот период решаю-

щим фактором для ликвидации России, как мировой державы. Не в национальных окраинах империи, а именно в Сибири и заключается то могущество, о котором почти два с половиной века назад говорил М. В. Ломоносов.

Помимо Финляндии, Польши и прибалтийских государств, самое горячее желание „покинуть состав империи" выразили белорусы – наиболее близкий русским по языку и культуре народ. Затем – Дагестан, Крым, Молдавия, Азейрбайджан, Тува. Народы спешили создать свои собственные государства.

Мы напомнили об этих общеизвестных фактах для того, чтобы сказать – напрасно кое-кто пытается выдать действия тогдашнего советского руководства за акт справедливости и национального равноправия: это наивность или сознательная ложь. Советское руководство прежде всего пыталось удержать в составе своей империи основные ее части и никогда не оставляло намерения вернуть под свое господство те государства и народы, которым оно вынуждено было предоставить независимость, или которые сами ее добились. Пройдет совсем немного времени после „светлого октября", и большинство тех, кто пытался выскочить из „светлого царства социализма", будет возвращено в его пределы. До сей поры не удается вернуть Финляндию, но зато от нее отобрали порядочный кусок.

„Счастливые народы" советской империи оказывали сопротивление вплоть до середины 30-х годов. Только в 1932-33 гг. советским войскам удалось подавить повстанческое движение в Средней Азии. На Сахалине русское население бежало к японцам. Отдельные небольшие отряды продолжали борьбу в северной части острова до начала 1927 г. В тайгу

уходили целые села. Люди предпочитали умереть с голоду, но не покориться угнетателям. О судьбе этих людей, готовых идти на все страдания, муки, вернуться вновь в каменный век, но остаться свободным, рассказал в „Архипелаге ГУЛаг" А. И. Солженицын. Одно из таких сел было обнаружено в 1950 г. при фотосъемке труднодоступного района Подкаменной Тунгуски (приток Лены). Мужественные русские люди выжили и продержались на протяжении почти 30 лет в страшных гнилых болотистых дебрях. Они не только выжили, они родили и воспитали детей, которые не знали советской тирании.

Все повторилось и во время войны 1939-45 гг. При первой же неудаче или поражении империи, населяющие ее народы пытаются „совершить побег на свободу".

Все это известно, хотя на Западе даже специалисты плохо осведомлены о той продолжительной, страшной борьбе, в которой происходило образование советской империи. Народы, в нее входящие, т. е. так называмые 15 республик, являются фактически уже давно государствами колониальными, подчиненными метрополии, и хотя их благосостояние зачастую выше, чем, например, у населения РСФСР, но тем не менее, в случае начала „смуты" в государстве, а тем более военного поражения, они немедленно создадут свои независимые государства.

Но подлинная опасность угрожает России совсем не от них. Сибирь – вот где, может, кроется наша гибель.

СИБИРСКАЯ ПРОБЛЕМА

Еще в XVIII в. Сибирь находилась в исключительном положении, и прежде всего из-за своей отдаленности. Уральские горы и реки отделяли ее от остального государства труднопроходимой естественной границей, тем более в те времена.

Это, может быть, и натолкнуло кн. М. П. Гагарина на мысль отделиться от России и создать собственное государство. В некотором смысле, по образцу колоний европейских государств, которые отделялись от своих метрополий. Но Сибирь – не Северо-Американские Штаты, а Россия – не английское королевство, и ничего из этой затеи не получилось.

Однако пытался кн. М. П. Гагарин – генерал-губернатор Сибири при Петре I – Сибирь от России отделить и самому „тама на престол сести". Пленный швед Ф. И. Страленберг описал в своей книге „Северная и восточная часть Европы и Азии" планы превращения Сибирского губернаторства в самостоятельное королевство (передается по книге Э. П. Зиннер, „Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в.". – Иркутск, 1968, с. 133). В 1719 г. Гагарин был снят с поста и после пыток казнен в 1721 г. в Петербурге. Формально обвиняли Гагарина во взятках, должностных преступлениях, разорении хозяйства, злоупотреблении властью.

Кстати сказать, и известный русский путешественник Г. Н. Потанин, исследователь Сибири и Монголии, еще в 60-х годах прошлого века „заработал" каторжные работы по обвинению в заговоре с целью отделения Сибири от остальной России.

Что же касается официальных лиц самого высокого ранга и их отношения к подобной опасности, то стоит назвать кн. Горчакова, генерал-губернатора Западной Сибири и настоящего патриота России. Он довольно резко возражал против действий графа Муравьева по продвижению границ. Он считал, что в этих действиях кроется опасность отделения Сибири от Российской империи. В то же самое время яркий представитель „банды иностранцев", Нессельроде (по словам Энгельса, уже на склоне своей карьеры, дорого стоившей России), всячески настаивал на продолжении дипломатической игры с Китаем (см. „Русский архив" 1878, кн. 3, сс. 261-62).

Отделение Сибири от остальной России произошло и совсем недавно, во время гражданской войны. Советское правительство создало в период ожесточенной борьбы со своими противниками т. н. Дальневосточную республику – ДВР. Она просуществовала очень недолго, но формально была независимым государством.

Поговаривают, что „славный сталинский маршал" Блюхер хотел в то время отделить ДВР от советской республики навсегда, на вечные времена, и самому сесть там „на стол" (как на Руси когда-то говаривали). Был он тогда военным министром ДВР, реальную силу имел, и для этой цели будто бы вступал в переговоры с японцами.

Казаки тоже предприняли робкую попытку создать свое государство, когда осознали, что их ожидает. Для большинства она прошла незамеченной. Казачество в Сибири было немногочисленным, разбросано по огромной территории и не получало никакой поддержки. К 1922 г. все было кончено.

И все же о казачестве стоит напомнить. Прежде всего, Колчак с его офицерством, всякие либеральные, социалистические партии и казачество – это разные политические течения, друг к другу отношения не имевшие, а часто и враждовавшие между собой. Но если у Колчака или политических партий шансов не было, то у малочисленного сибирского казачества и тех сил, которые к нему примыкали, шансы на спасение от советского деспотизма были. Однако не нашлось никого, кто бы помог им. Скорее всего и не хотели. А между тем, в те далекие годы это была последняя надежда демократической России.

Несомненно существовали и другие проекты создать какие-либо государственные объединения к востоку от Байкала; именно там сосредоточились последние защитники демократии, которые выступали под самыми различными знаменами.

Никто им не помог. Китайцы сами завязли в собственных междоусобиях; да и не могли они тягаться с могущественной тогда Японией. Американцы, сочувственно относившиеся к советской тирании в тот период, старались вредить казачьему движению. В. Грэвс, крупный американский военный, представитель правительства США при Колчаке, достаточно ярко описал свою борьбу... нет, не с большевиками, а с казаками, которых он люто ненавидел. Он открыто заявлял, что отказывается передавать оружие, присылаемое из-за границы, самым боеспособным частям – казакам (В. Грэвс. „Американская авантюра в Сибири". – М., 1932, с. 187).

Грэвс признавал, что вся Сибирь находилась в руках казаков, по крайней мере восточнее Байка-

ла. Он ее так и называет „казачьей территорией" (с. 185). Он, видимо, вообще не понимал характера борьбы, шедшей на сибирских просторах: то он толкует о миссии высокой, а то разражается тирадами, полными дикой ненависти, в адрес казаков. Или вдруг собирается арестовать издателя газеты и закрыть ее за критику американцев (с. 83). Он отказывается передавать винтовки, за которые уже было заплачено золотом (с. 186).

Также и японцы не поддержали атамана Семенова и тем самым не способствовали отделению Сибири от России.

И последнее, что хотелось бы сказать о той поре: не казаки убили десятки миллионов людей, не они превратили Сибирь в колоссальную лагерную зону, о которой только сейчас понемногу стало известно всему миру. Они были решительными, непримиримыми, последними противниками „самой унизительной и самой разрушительной тирании в истории" (У. Черчилль). Их убили всех, вместе с детьми и стариками. А те, кто чудом уцелел, живут где-нибудь в пригородах Лос-Анжелеса, вокруг Буэнос-Айреса, или в австралийском Южном Уэлсе.

В Сибири есть еще народы, небольшие по численности, которые могли бы при развале империи образовать собственные государства. Если это произойдет, то Россия обречена на историческое прозябание.

Наибольшую уязвимость представляют две территории – Тува, которая формально уже получала независимость, и Якутия. Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы понять, что такое эта богатейшая часть нашей Родины. И если Сибирь – „кладовая СССР", то Якутия – кладовая Сибири, причем такая кладовая, которую растащить еще не успели.

Начали, конечно, но там сокровищ – от бриллиантов до леса, – надолго хватит, даже при советских порядках.

Территория, официально относимая к Якутии, составляет более 3 млн. кв. км, население – 802 тысячи человек. Якуты составляют не более 43-44% от этого числа, но разве не существует вполне жизнеспособных стран, уступающих по численности населения якутам, например, Исландия. Поэтому, в случае наступления перемен, образование независимого якутского государства – далеко не такая уж немыслимая фантазия, тем более, что в мире найдутся могущественные силы, которые окажут этому государству, пусть марионеточному, любую поддержку, надеясь добраться до минеральных богатств Якутии. Одни запасы природного газа чего стоят! И при современном энергетическом кризисе запасы природных богатств Якутии приобретают мировое значение. Совершенно очевидно, что и Китай не упустит возможности превратить Якутию в независимое государство. По советским правилам игры Якутия и сейчас имеет свой собственный „совет министров" и формально является автономной республикой.

Якуты оказывали сопротивление советской власти до 1929 г., правда, это были небольшие по численности группы, скрывавшиеся в тайге. Имели место и организованные попытки добиться какой-то формы самостоятельности, и просто взрывы народного возмущения произволом, чинимым советскими властями. В 1921 г. Ленин посылал одного из руководящих деятелей партии – Е. Ярославского – разбираться с якутскими делами на месте.

Советские вожди, захватив власть, „нарубили" эти „автономные" республики с единственной целью – обмануть малые народы, привлечь их на свою сторону и так одержать победу над своими противниками. Затем они уничтожили своих бывших союзников в этих республиках и даже ликвидировали некоторые из этих национальных, совершенно искусственных, образований. Но проблема осталась и превратилась в грозную опасность для всей страны.

Якутия – лишь один из многочисленных примеров. Можно до бесконечности описывать положение в самых различных национальных республиках, округах и районах – суть одна: национальный вопрос обострен до предела. Его никогда и не пытались разрешить, а лишь делали вид, что решают.

XX век, возможно, окажется переломным на пути всего человечества. Именно в XX веке мы столкнулись с образованием на территории единого государства, ранее принадлежавшего одной нации, двух отдельных государств. Так случилось и в Европе и в Азии. Здесь нет возможности обсуждать это явление, но раз оно имело место даже на столь незначительных по площади территориях, то разве оно не может повториться?

Разумеется, за каждым из таких разделений единой нации стояли вполне определенные чуждые силы. В известной мере подобный процесс результат того, что вторая мировая война была одновременно, по справедливому определению английского историка Фуллера, „европейской гражданской войной" (Дж. Фуллер. „Вторая мировая война 1939-45 гг." – М., 1956, с. 350). И кто знает, какие последствия принесет с собой мировая гражданская

война. Как будут объединяться и делиться нации и государства на сей раз? Во что обратится Россия, если рухнет советская империя? Быть может, мы опять станем тем валом, за которым уютно укроется вся остальная Европа. Или, может быть, обещанный „евразийцами" исход Востоку грядет наконец? Ты, Господи, властен!..

ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

У тех, кто сегодня правит в СССР, мало времени, да оно и работает не на них. С 1980 г. Китай начнет производить межконтинентальные ракеты „на потоке". Через год-два его население достигнет миллиарда человек. Положение в стране несравненно спокойнее и устойчивее, чем 5-7 лет назад. Новым лидерам страны удалось справиться с экономическими трудностями, конечно далеко не со всеми. Налаживаются отношения с западными торговыми партнерами. И самое главное, с нашей точки зрения, – приближается час заключения с Японией договора. Последствия этого события настолько важны, что мы вынуждены будем специально остановиться на этом далее.

Не произошло никаких изменений после смерти Мао Цзэдуна и в отношениях с Советским Союзом. Некоторые специалисты предсказывали крупные изменения политики, основываясь на том, что произошло в СССР после смерти Сталина. Нет, ничего не изменилось. Напротив, если до 1975 г. Китай защищался, то ныне создается впечатление, что он переходит в наступление. Китайцы сообразили, что их враги упустили время. А время необратимо, и уже никогда не вернется к тому моменту, когда можно было... „попробовать".

Советские руководители не решились: риск был огромен и оставалось неизвестным – вмешаются ли США или нет. На самом верху советской иерархии существовала „оппозиция" руководителей, подобных Шелепину, которые категорически были против вторжения. Борьба с этим отняла много вре-

мени. Кроме того, внутри страны, медленно, очень медленно, стало нарастать движение Сопротивления, с которым, несмотря на его малочисленность, никак не удавалось справиться.

Руководство, однако, вынуждено действовать и пытаться решить все свои проблемы одним ударом – разрубить проклятый „китайский узел", ибо события могут стать неуправляемыми как в результате резкого обострения обстановки внутри страны, так и грызни между самими „руководителями партии и народа".

Как же намерены советские вожди вырваться из этого замкнутого „китайского круга"?

Сам по себе план Бадмаева вряд ли осуществим. Захват всего Китая немыслим и опасен. Совсем другое дело – „монголизация" (по аналогии со столь распространенным термином „финляндизация"). Постепенное превращение Китая в страну типа нынешней Финляндии, а затем в страну типа нынешней, скажем, Чехословакии. И затем еще одна ступень: превращение в страну типа Монголии, т. е. присоединение к советской империи. Без официального „введения в состав". Но не всего Китая, а по частям!

Как же намерены приступить к выполнению этого „плана"?

Солсбери в своей книге „Война между СССР и Китаем" говорит, что война будет неизбежно термоядерной. Он сообщает, что ему намекали на это еще в 1959 г. (Солсбери. „War between Russia and China" 1969, с. 112). Разумеется, „свалить" Китай удобнее и безопаснее всего с помощью одного всесокрушающего удара. Разрушить главные города и порты, железнодорожные узлы и промышленные

комплексы, нарушить коммуникации, высадив десанты, затем прорваться основными ударными колоннами и...

Однако, мы уже говорили о времени. Оно упущено. Агрессия с применением термоядерного оружия вызовет всеобщий ужас в мире, и последующие события могут свести на нет все возможные выгоды колоссальной акции или повести к последствиям, управлять которыми окажется невозможным. Это и заставляет искать новые пути „решения китайской проблемы". И здесь появляется „план Цыбикова", который и менять-то не нужно, а лишь приспосабливать к новым условиям – заменить конные корпуса на танковые, и пошло дело. Монголия уже стала независимой в соответствии с указанием тибетского доктора и его протеже Цыбикова. Теперь дело за Синьцзяном и Тибетом.

За эти годы советские вожди убедились в возможности успешных операций, значительных как по размаху, так и по целям, как, например, создание Бангладеша во время индо-пакистанского конфликта. Сразу же после заключения советско-индийского пакта в Индию прибыл маршал Кутахов (командующий советскими воздушными силами), человек исключительно способный и среди советских маршалов явно выделяющийся. Он и дал индусам руководящие указания, как быстро и без особых потерь перерезать коммуникации противника, какие мосты уничтожить в первую очередь и что еще необходимо делать для того, чтобы свести к минимуму способность противника передвигаться по своей территории и подвозить резервы и боеприпасы к полю боя, к линии фронта.

Индия фактически расчленила Пакистан: оторвала от него значительную часть и образовала на ней новое государство. Советские вожди со вниманием и интересом следили за этой колоссальной военно-дипломатическо-геополитической операцией и набирались опыта на будущее. Самое важное в истории возникновения Бангладеша то, что „мировое общественное мнение" промолчало. Нет, конечно, где-то там были протесты и даже газетные заявления, а США послали куда-то там, кажется в Индийский океан, военный корабль. Но никто не вмешался, да и не собирался вмешиваться.

Затем, на глазах у всего мира, советские военные самолеты и корабли перевезли в Анголу из Кубы большой экспедиционный корпус, вооруженный современным оружием, и практически захватили эту страну, утвердив у власти самую непопулярную из трех ангольских политических групп.

Затем кубинцы перебрались, на глазах у ошалевших политических деятелей западных стран, в другую страну – разваливавшуюся „карманную империю" Эфиопию и принялись за привычную работу спасать прогнивший режим, который теперь держится только на советских и кубинских штыках. И начал свою деятельность этот режим знакомым образом: с изгнания священников, закрытия церквей уничтожения всех инакомыслящих и т. д.

Весь этот опыт изучается и обобщается советским руководством, которое, видимо, пришло к твердому и правильному выводу – никто не вмешается, когда оно будет разделываться с Китаем. Тем более, если операция будет проведена без применения атомного оружия, т. е. обычными силами. И в кратчайшие сроки. А по научному говоря – путем бы-

стротечной военной операции с массовым использованием обычных видов вооружения. Захват территории не планируется, а планируется создание „независимого уйгурского государства". Достаточно оккупировать Синьцзян, не продвигаясь далее на территории Китая. Затем последует создание „нового, независимого государства ..". Кроме того, Синьцзян имеет очень значительную по протяженности границу с Тибетом, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Несмотря на полное бездействие Запада перед лицом советской агрессии в Афганистане в 1979 г., в Африке в 1976-77 гг., в Чехословакии в 1968 г. или в других районах мира, с Китаем может обстоять и по другому. Советские вожди вынуждены считаться с возможностью вмешательства США и, откровенно говоря, это единственное, что может их остановить.

Начало может быть осуществлено с помощью обычных видов вооружения, ибо советские руководители считают, что достигли полного преимущества в обычных видах вооружения. По данным китайцев, в их передачах на Казахстан, общее число танков, находящихся на среднеазиатском участке границ, оценивается в 3,5 тысяч машин.

Расчет, видимо, состоит в том, что китайское руководство, видя неотвратимое отторжение части своей территории, перед лицом неминуемого прорыва к границам Тибета может решиться применить термоядерное оружие. И тогда станет возможным использовать право на самооборону против агрессии с применением оружия массового поражения, и нанести ответный удар. Здесь есть определенный

смысл, ибо для советского руководства самое важное – реакция США Все остальное и все остальные в расчет не принимаются.

Война обычными средствами без применения оружия массового поражения против Китая и вторжение на его территорию могут рассматриваться как расширенный вариант войны во Вьетнаме. Тем более, если дело ограничится созданием двух или даже одного марионеточного государства, без уничтожения Китая и без прорыва в „застенный Китай". Известный западный военный специалист Ф. О. Микше считает, что советское руководство мо.кет пойти на ограниченную военную операцию против Китая, на „маленькую" превентивную войну.

В самом крайнем случае, при явной угрозе со стороны США, войска могут быть отведены без большого шума. Сколько раз уже так бывало именно в этом районе мира: советско-китайский конфликт 1929 г., бои на о. Хасан, бои на Халхин-Голе.

Без сомнения, в запасе есть целый набор провокаций по образцу 1939 г., как предлог для вторжения. Но наилучшим приемом было бы создание „уйгурского правительства в изгнании" заранее или уже в процессе вторжения: для обеспечения „общественного мнения" и закрепления на захваченной территории.

Советское руководство понимает, что, несмотря на кажущуюся легкость операции, оно может все же оказаться перед американским ультиматумом. В советской истории подобное имело место. Мы уже говорили о „териокском правительстве", когда Сталин собрался ввести финнов в „дружную семью советских народов", но пришлось дать задний ход. Второй подобный случай – Иран, где в 1946 году

было создано марионеточное правительство. И снова пришлось все свернуть после решительного демарша Запада. Так что отступали советские владыки, приходилось.

Но они делают все возможное, чтобы быть готовыми к любой ситуации. Западная печать сообщала об учебных лагерях для подготовки террористов в Симферополе и под Ташкентом, но не упоминала о том, что среди курсантов много уйгуров, казахов, узбеков и даже дунган. Многие из них жили в Китае. Уйгуров всего-навсего в СССР 180 тыс., а дунган и того меньше – 45 тысяч.

В самом начале 1978 г. китайское центральное руководство сместило руководителя Синьцзяна Сайфуттдина. Говорят, что среди его окружения оказался товарищ, который делал некоторым выдающимся товарищам из местного населения предложения, вроде: „Хорошо быть независимым, создать бы нам новое, свободное государство".

Итак, „правительства" нового варианта Восточно-Туркестанской республики пока не существует, хотя основа его „вооруженных сил" может быть уже и заложена. Отметим, что сильного сепаратистского движения в СУАР нет, как нет там и партизан. Но советское руководство не может сидеть и ждать, буде он – „пламень национально-освободительной борьбы" – возгорится сам по себе. Создать искру, придумать ее – „вот наша задача".

Изложенные выше планы – единственная возможность навсегда избавиться от Китая, грозного и действительно опасного в будущем противника, а затем еще раз попытаться договориться с США о разделе земного шара на две половины.

Те, кто мечтают сегодня разрезать на куски Китай для сохранения своей власти и для достижения всемогущества и еще большей власти, никогда не говорят о том, какая судьба ждет их империю при малейшей неудаче.

Все планы пожирания чужих земель, точно так же, как и социальные утопии, содержат яркие противоречия. Бадмаев утверждает, что китайцы слабы и не сумели за многие годы ассимилировать монгольские племена („За кулисами царизма", Архив тибетского врача Бадмаева..., с. 54). Но он противоречит себе, когда говорит о той легкости, с которой русские ассимилируют все население китайской империи. Почему то, что не удалось 430 миллионам китайцев, удастся 100 миллионам русских? Как легко возлагают на русских самые странные и вредные для всего нашего народа задачи.

Итак, представляется очевидным, что советское руководство ни при каких обстоятельствах не допустит сохранения единого Китая (т. е. в том объеме, в каком существует ныне КНР). В противном случае через десяток лет оно столкнется с „настоящим восточным вопросом" (по выражению китаеведа В. П. Васильева). Учитывая тайные переговоры с Индией, содержание которых известно Китаю, зондаж почвы во Вьетнаме и в Афганистане (при даудовском режиме), а также развернутую в СССР кампанию (правда не в лоб и не в центральных городах, а лекторами обкомов, райкомов и т. д.) в защиту „многострадальных народов СУАР", можно прийти к заключению, что район будущих „освободительных действий" намечен – это Синьцзян.

Конечно, кроме вариантов прямого раздела Китая, существует и тайная надежда на возникновение

какого-либо „хаоса в Поднебесной". Ныне советское руководство бросает кокетливые взгляды даже в сторону Тайваня. Уже давно туристы с Тайваня, деловые люди и еще кое-кто, свободно посещают СССР, им запросто дают визы. Тайвань рассматривается, как фигура в будущей игре, как даже своего рода противовес Китаю. Советское руководство отнюдь не против того, чтобы, скажем, в „застенном Китае" к власти пришли не коммунисты, а иные политические силы. Ибо в таком случае захват других частей страны мог бы быть даже и оправдан; хотя этот вариант маловероятен, его нельзя отбрасывать при рассмотрении сложившейся ситуации.

Весь опыт последних лет вдохновляет советских руководителей на самые решительные действия против Китая. Никто не подумал вмешаться ни в Берлине в 1953 г., ни в Венгрии в 1956 г., ни в Чехословакии в 1968 г., ни в Бангладеше в 1971 г., ни в Африке... где еще? Никто же не поверит, что Франция или Англия применят атомное оружие, если начнутся бои в Синьцзяне. Тем более, если это будет военная операция с применением обычных видов вооружения. Не будут они драться насмерть, как не стали они драться из-за Чехословакии в 1938 и 1968 гг.

Все разговоры о том, что лучше-де иметь союзником „неподвижный Китай" или „дружественную сильную державу" или „коммунистический красный Китай", не имеют никакого смысла. Советское руководство давно и хорошо знает – лучше не иметь никакого Китая. Идеология не играет никакой роли. Заявление японских коммунистов о необходимости возвращения Курильских островов достаточно разъясняет суть дела и характер межгосударст-

венных отношений в этом районе мира. Народ Японии един в этом вопросе и полностью поддерживает свое правительство. Точно так же, как подавляющее большинство китайского народа реально представляет себе все последствия вторжения и готово сражаться. Вне сомнения, что руководство в Пекине прекрасно знает об этом, иначе бы оно не раздавало населению в пограничных районах оружие. Даже непрекращающаяся борьба на верхах в Пекине не отражается на уверенности китайского руководства в способности и желании своего народа драться. У советского руководства нет никакой уверенности в действиях некоторых частей советской империи, и даже целых слоев населения. Что же до „братских стран социализма" в Восточной Европе, то тут дело обстоит несравненно проще – они постараются освободиться уже в начале конфликта.

Завершая главу, я хочу еще раз повторить очевидные исторические факты. Отношения наших двух великих стран до 1917 г. были сложными и часто совсем плохими. Здесь прежде всего вина лежит на тех силах, которые пытались вытеснить Россию с берегов Тихого океана, и тех правителях нашей Родины, которые вели неразумную, опасную и бесплодную политику на Дальнем Востоке. Однако всегда необходимо помнить, что происходящее ныне не может быть сравнено с теми взаимоотношениями, которые существовали до 1917 г. Именно советское руководство полностью захватило Монголию, стянуло войска к границе и намеревается расчленить Китай. В то время, как, например, Россия помогла Китаю сохранить свою целостность в 1895 г., когда Япония хотела отделить от него некоторые территории.

Мы хотели бы здесь привести слова знаменитого русского специалиста по Востоку и крупнейшего авторитета в области международного права: „Поддержание принципа полной неприкосновенности Срединной империи требуется высшими интересами России" (Ф. Ф. Мартенс. Россия и Китай, „Красный архив", 1927, 1/20, с. 182).

ЯПОНИЯ И СССР

Мы кратко уже говорили о несчастливой для судеб нашей Родины русско-японской войне 1904-1905 гг., в которой японцы разгромили наши армии и добились для себя весьма выгодных условий мира. До этого времени у нас не было военных столкновений с Японией, хотя японцы побаивались русских и их вторжения в Японию. Замысла вторжения, однако, не было. Страхи основывались на вымыслах.

Отношения с Японией у нас были, но не столь оживленные, как хотелось бы царскому правительству. При этом они приобрели характер действительно межгосударственных отношений только к концу XIX века. Тогда же, в 1875 г., Япония добровольно отказалась от притязаний на о. Сахалин и взамен получила Курильские острова, России не нужные. Но потом начался имперский взлет Японии, продолжавшийся полвека (с 1895 по 1946 г.).

Проникнув в Китай, Япония вошла в соприкосновение с Россией; еще до этого она захватила у Китая Пескадорские острова и о. Тайвань (тогда Формоза), причем овладели японцы островом только после ожесточенной партизанской войны. Японцы чувствовали себя в Китае так же свободно, как и европейские державы, вторгнувшиеся в страну. Разгромив в 1904-1905 гг. Россию, Япония, однако, не сумела ни вытеснить ее из Маньчжурии окончательно, ни закрыть ей доступ на берега Тихого океана. С окончания войны отношения России с Японией ста-

ли несравненно более активными, но отнюдь не улучшились. Да и не могли улучшиться, ибо и со стороны России, руководимой людьми типа графа Ламсдорфа или Извольского, и со стороны Японии, также стремившейся к экспансии, не было проявлено желание прийти к соглашению. Обстановка на Дальнем Востоке оставалась крайне тревожной.

Английский специалист по Востоку Харрисон сообщает, что в этот период Россия готовилась к реваншу за поражение в русско-японской войне (E.I.Harrisson, "Peace or War East of Baikal", с. 266). Он сообщает о проектах Японии захватить у нас Камчатку и район Уссури и передать его американцам за „приличное вознаграждение" и таким путем сделать США своим союзником и смертельным врагом России (там же, с. 217). Одним словом, существовали самые серьезные опасения возникновения войны между Россией и Японией за „китайское наследство".

В известной мере обстановка в преддверии Первой мировой войны напоминала ту, которая существовала перед Второй мировой войной в 1938-39 гг. Тогда тоже не было уверенности в том, где „оно" начнется. Советское руководство говорило о „дальневосточном очаге" и очень побаивалось вступления Японии в войну. Даже настолько, что решилось снять с дальневосточной границы отборные сибирские дивизии (и то не все) только тогда, когда немцы находились в двухстах километрах от Москвы. Предполагаемая война началась на Дальнем Востоке, но не с СССР, а с США. И ныне обстановка с пугающей точностью воспроизводит то далекое время. Одни утверждают, что ожидать „начала" следует на границах с Китаем, где и начнется первая в истории че-

ловечества атомная война. Другие, напротив, убеждены, что советское руководство, почувствовав безнаказанность, может пойти на вторжение в Европу, до того как начнет решать „восточный вопрос".

Япония приняла самое активное участие в интервенции европейских держав в Россию в период гражданской войны, но без каких-либо существенных для себя результатов. Справедливости ради необходимо сказать, что в неудаче Японии „повинны" были США, боявшиеся усиления Японии. США самым решительным образом предупредили Японию, что не потерпят нарушения территориальной целостности России. В СССР начисто „забыли", что японцы покинули северную часть о. Сахалин только в 1925 г. после самых решительных напоминаний со стороны „главной империалистической державы".

Не смогли, частично по той же самой причине, использовать они и казачье движение на Дальнем Востоке, которое с самого начала гражданской войны было силой, способной противостоять советской власти. Японцы помогали казакам, снабжали их оружием, но не пошли на создание казачьего государства, даже когда советское правительство образовало формально второе государство в России – ДВР, то есть для того, чтобы удержать свою власть, пошло на прямое расчленение России. Помощь атаману Семенову на самом деле была весьма незначительной; не стали бы казаки нападать на американские эшелоны в поисках оружия, если бы японцы или кто-либо другой действительно в избытке их им снабжали (В.С. Грэвс. „Американская авантюра в Сибири", с . 187). Специальные работы на эту тему в советской литературе автору не известны. Вообще же, американцы отнеслись к созданию каких-

либо государственных объединений на территориях, оставшихся под контролем противников советского режима, враждебно.

В 30-х годах создавалось впечатление, что войны с Японией не миновать. Столкновения на озере Хасан и на Халхин-Голе действительно напоминали войну. С обеих сторон применялись авиация и танки. Главной опасностью в СССР в те годы считалась Япония, тем более, что свежи еще были воспоминания о разгроме русских армий в начале века в войне с японцами.

Советские руководители сумели, однако, незадолго до начала конфликта с Германией, заключить важнейший для себя пакт с Японией о нейтралитете; 13 апреля 1941 года состоялось его подписание в Москве. Заключение японо-советского пакта было крупным успехом советской дипломатии. Сейчас о нем и не поминают в учебниках истории, а уж если и придется, то мимоходом назовут „коварным маневром японской дипломатии". В СССР вообще предпочли бы о нем забыть, так как советское руководство, нарушив его, напало на Японию.

Германии не удалось уговорить японское правительство принять участие в войне против СССР. Попытки делались министром иностранных дел Германии Риббентропом. А Гитлер считал, что он сам разделается с СССР. Между Германией и Японией не было каких-либо совместных планов ведения войны. Каждая проводила свою самостоятельную военную политику, иногда во вред другой стороне.

Заключив японо-советский пакт о нейтралитете, Япония вздохнула с облегчением и... двинулась на своих дредноутах и подлодках навстречу гибели своей империи.

Япония начала войну в Азии в декабре 1941 г. Она учинила американцам полный конфуз в Пирл-Харборе, потопив лучшие суда американского флота. (Правда, как утверждают злые языки, не без ведома и с молчаливого согласия со стороны президента Рузвельта, использовавшего этот акт в своих политических расчетах.)

Япония явилась агрессором, однако действовала она против колониальных держав, которые расположились в Азии как у себя дома. На первых порах народы стран Юго-Восточной Азии сочувствовали японцам, рассчитывая с их помощью избавиться от иноземных пришельцев. Так,с французским владычеством в Индокитае было покончено. Японцы содействовали провозглашению независимости Филиппин и Бирмы. Они создали „правительство свободной Индии". Японцы всячески подчеркивали, что они ведут борьбу за „Великую Восточную Азию". В 1943 г., на конференции стран ВВА в Токио, говорилось об изгнании Англии и США из Азии и построении общества взаимопомощи и процветания справедливости. (Такусиро Хаттори. „Япония в войне 1941-1945 гг.", с. 324).

Правительства, созданные с японской помощью, не имели шансов удержаться после того, как Япония пала. Однако весьма примечателен тот факт, что уже через два года после окончания войны и поражения Японии некоторые из бывших колоний стали независимыми государствами. Англии пришлось предоставить Индии независимость уже в 1947 г., тогда же появляется и новое государство – Пакистан.

Уход США из ВВА сильно затянулся. Из бывшего Индокитая американцы ушли совсем недавно, проиграв ограниченную войну, о которой так много

писалось на Западе. А в Японии они находятся и по сию пору. Но японцы сами не желают их ухода.

Сун Ят-сен в свое время призывал японские руководящие круги стать руководителями азиатского движения против Англии, США, Франции, Германии и царской России. Развивал китайский политический деятель своего рода „доктрину Монро для Азии" (см. сб. „Синьхайская революция в Китае", с. 254).

Его призыв был услышан в Японии и это одна из причин войны в Азии. В Японии существовала и существует богатая литература о Сун Ят-сене и его стремлении объединить народы Восточной Азии в борьбе против чужеземцев. Уже в тот период Сун Ят-сен, большой государственный человек, понимал, что объединенные Япония и Китай справятся с любым противником. В мире тогда не существовало сил, которые могли бы противостоять двум великим азиатским державам. Но судьба народов Азии оказалась иной.

После своего поражения в войне и потери значительной части своей территории Япония превратилась во вторую в мире промышленную державу. Совсем по русской присказке – „упал он больно, встал здорово".

Япония оказалась в совершенно уникальном положении. Удобно расположившись под защитой ядерной мощи США, она смогла значительную часть своих экономических усилий сосредоточить на развитии промышленности и улучшении жизненных условий своего населения. Расходы на военные нужды в Японии незначительны.

Япония и ее могучий сосед – Китай – не имеют друг к другу каких-либо территориальных претензий. Но зато и Япония и Китай имеют территориаль-

ные претензии к советской империи. Их интересы стали общими сразу же после 1945 г., хотя тогда никто из политических деятелей этих стран не действовал в таком направлении. Ныне, несмотря на различия в политическом строе и экономическом укладе двух держав, их интересы, направленные на возвращение земель, которые они считают своими, стали более тесными. Союз между ними является, с точки зрения дальней политики, куда более естественным, чем, скажем, между США и Китаем.

По Ялтинскому и Потсдамскому соглашениям СССР получил Курильские острова с помощью США – нынешнего друга и союзника Японии. Территория земель, перешедших к СССР, составила около 50 тысяч квадратных километров. Япония начала попытки вернуть себе эти территории вскоре после войны. Самые пагубные последствия в этом сложном споре имело вмешательство Хрущева в период „восточной дипломатии"; он обещал вернуть, видимо в 1956 г., половину Курильской гряды, по другим данным – только два острова, ближайших к Японии, то есть о. Кунашир и о. Итуруп. Японцы, видимо, вдохновленные возвратом Китаю Люйшунья (Порт-Артура) и Дальяна (Дальний), всерьез поверили в обещания Хрущева. Тем горше было их разочарование, когда они поняли, что советское руководство приняло твердое решение „никому – ничего"; ни куска земли не отдадим, а то все соседи начнут просить. Решительное „нет" было ответом на японские просьбы. Советские руководители смекнули, что в их положении даже разговор о возврате земель крайне опасен. Прежде всего для них самих, ибо враждебная группа, в борьбе за власть, использует „разбазаривание" земель.

Все это хорошо известно. Удивляет другое: почему после окончания Второй мировой войны Япония и Китай, в течение столь длительного времени, не сделали шагов к сближению друг с другом. Даже после начала индийско-китайского конфликта, за которым явно торчали „ослиные уши" советского руководства. Видимо, дело не только в тесном союзе Японии с США, но и в „грузе прошлого", который давил на Китай, где свежа была память о продолжавшемся чуть ли не полвека вторжении японцев. Ныне положение совершенно изменилось.

В 1969-73 гг. в Москве неожиданно распространились слухи о намечающемся возврате „некоторых незначительных территорий" Японии, „не имеющих никакого существенного значения для нашей Родины". На них, кажется, не обратили внимания на Западе, а между тем по времени слухи эти совпали с резким обострением положения на советско-китайской границе и взвешиванием возможности массированного удара по Китаю. Это совпадение не было случайностью. Подобный мотив повторялся в лекциях, даже в рабочей аудитории, причем не только в Москве. Партийные докладчики осторожно намекали, что „эти клочки суши никому не нужны, держать там пограничные войска дороже стоит", „мы не желаем ни с кем портить отношения из-за скал в океане". Здесь мы имеем дело с организованной „утечкой информации", то есть с дезинформацией на всякий случай; если конфликт с Китаем начнется, то будет, чем „купить" хотя бы нейтралитет Японии.

Брежнев и его группа, конечно, не собирались ничего отдавать, ибо они окружены опасными противниками в самом ЦК. Особенно справедливо это

для настоящего времени, когда приближается час смены руководства и усиливается, в связи с этим, неотвратимо приближающимся событием, борьба за наследство.

Верные своей тактике стравливания отдельных государств, советские руководители выдвинули „план мирного наступления в Азии". Но в отличие от Европы, где усилия Политбюро имели значительный успех, в Азии дело обстояло по-другому. Предложенная „система безопасности" не встретила никакой поддержки; даже страны, имеющие тесные связи с СССР, отнеслись к ней с осторожностью. Что касается Японии и Китая, то советское руководство вряд ли рассчитывало на какой-либо успех у главных азиатских держав. Никто не „купился". Наступило некоторое затишье, а в 1977 г. последовало заявление японской компартии о северных территориях, заявление решительное и бескомпромиссное. Коммунисты потребовали возвращения Курил. В СССР это произвело значительно более сильное впечатление, чем на Западе. Стало очевидным, что вне зависимости от политической принадлежности народ страны един в своем решении – вернуть северные земли.

В свое время США и Англия допустили просчет, дав свободу рук Советскому Союзу в Азии. Прежде всего, это было результатом политики США, которые надеялись, что СССР окажет им помощь в борьбе против Японии на заключительном этапе войны. Вклад Советского Союза в войну на Тихом океане мало чем отличался от участия в военном параде. Но за это участие США заплатили достаточно крупную цену.

Советское же руководство повело себя глупо в

отношении Японии: само нарушив советско-японский пакт 1941 г., оно учинило против японских должностных и административных лиц неразумный судебный процесс, который не лез ни в какие политические ворота. Из своей же победы, за которую заплачено жизнью людей, мы не извлекли никакой выгоды. Побежденная Япония живет несравненно лучше, чем мы, победители. Видимо, и по сей день остается справедливым горькое замечание русского специалиста по Дальнему Востоку, сделанное почти 80 лет назад: „Япония за 30 лет достигла таких результатов, которых Россия не получила и за 200 лет" (П. Головачев. „Россия на Дальнем Востоке", с. 15).

Сегодня крохотная Япония на территории, равной по величине Амурской области, перегоняет нас по производству важнейших промышленных товаров. Страна с крохотными посевными площадями почти обеспечивает себя продуктами питания, при населении свыше 115 миллионов человек. Япония стала второй промышленной державой мира, после США, все производит – от танкеров-гигантов до крохотных и сложнейших электронных приборов самого высокого качества.

К чему же это мы говорим? А вот к чему: Япония *не использует* свои производственные мощности для выпуска военной продукции и вооружения. Не использует, но *может* использовать.

Воевать с нами она, конечно, не собирается, но и советское руководство не может атаковать Японию и покончить с потенциально опасным противником. Япония находится под защитой „американского атомного зонтика". Японцы давно поняли выгодность ситуации, сложившейся для них с началом

ухудшения советско-китайских отношений, но ее до времени не использовали. На протяжении всего послевоенного периода японцы с азиатским упорством дожидались от Советского Союза решения о северных территориях в свою пользу. На стыке 1977/1978 гг. они расстались с последними надеждами и предприняли решительные действия для окончательного выяснения отношений. Советское руководство сделало еще одно усилие и оттолкнуло от себя Японию. Побывавший в Москве в начале 1978 г. японский премьер вернулся домой ни с чем. Брежнев его даже не принял. Японцу в Москве достаточно четко объяснили и без Брежнева: не видать вам Курильских островов. Давайте заключим мирный договор без всяких Курильских островов. Японцы ответили – нет.

Китайцы неоднократно предлагали Японии заключить договор о дружбе и внести туда страшный для советского руководства пункт, направленный против „гегемонии в Азии какой-либо державы" (само собою, держава эта – СССР). Заключение подобного договора между Японией и Китаем нежелательно для СССР со всех точек зрения. Но борьба за власть заставляет Брежнева и Андропова быть „архистрогими" и „архиосторожными" в любых переговорах, показать себя „несгибаемыми патриотами". И во имя сохранения своей личной власти они отказываются вести разумные переговоры с Японией, вынуждают японцев искать союза с Китаем, который давно этого ждет. Нынешние руководители СССР с немыслимой непоследовательностью действуют против интересов империи, которой управляют, и в конечном итоге, против себя самих.

Союз Китая и Японии, о котором когда-то мечтал

Сун Ят-сен, становится ныне, впервые, реальностью. Все остальные политические комбинации на Дальнем Востоке по сравнению с этим союзом – вздор. Союз этот очевиден, разумен и не столь уж важно, в какой форме он юридически закреплен. Японии ничто не угрожает, даже если она дойдет до грани военной конфронтации с СССР. Никто, даже США, не в состоянии запретить Японии продавать Китаю ракеты типа „Мю" или управляемые снаряды с инфракрасной головкой самонаведения. Япония ведет работы по созданию отличных летающих лодок. Она может поставить Китаю практически все виды вооружения и быстро его вооружить. В то же самое время Япония практически ничем не рискует. И вне сомнения, для достижения своих жизненных целей она окажет любую помощь Китаю, если тот об этом попросит.

Политика СССР весь послевоенный период совсем не учитывала этой возможности, была близорукой и непоследовательной.

Япония и Китай долго воздерживались от подписания подобного договора, от тесного союза, но теперь насущные потребности исторического существования толкнули их навстречу друг другу. Логика самосохранения заставляет их соединиться, та логика, которая начисто отсутствует у советских правителей. Они руководствуются иным принципом – после нас хоть потоп.

Две великие азиатские державы еще не подали друг другу руки, но уже подошли вплотную и стоят, ожидая последнего решения.

И если в результате действий нынешнего руководства КПСС все же будет заключен „договор о дружбе и сотрудничестве", то совсем безразлично,

какое впечатление подобный дипломатический шаг произведет в Юго-Восточной Азии и приведет ли он действительно к росту недоверия по отношению к политике Китая и Японии. Иное дело, что американцы могут отрицательно отнестись к блокировке между двумя державами.

Советские руководители с чудовищной и иногда загадочной последовательностью сделали все возможное, чтобы добиться такого союза. Они шли здесь тем же самым путем, что и в своих взаимоотношениях с Китаем. Шли и пришли.

Ответ японцев на отказ в Москве последовал очень быстро. Уже 16 февраля 1978 г., после неудачи переговоров, они подписали крупное торговое соглашение с Китаем. Началась новая эра в японо-китайских отношениях.

В Политбюро зашевелились. Японии было сделано формальное предложение заключить договор о мире и дружбе, но 22 февраля Япония отклонила предложение СССР. Уже 24 февраля посол в Японии, бывший член Политбюро Полянский, передал японскому правительству письмо Брежнева с предложением, почти просьбой – заключить договор о дружбе, мире и т.д. Ответ Фукуды был четок: „Нет, до разрешения вопроса о северных территориях". Курильские острова для японцев были важнее дружбы с Китаем, но когда они поняли, что им не получить острова, тогда...

Многие ли люди в мире обратили внимание на события, происходившие в Москве, Токио и Пекине в январе-феврале холодной, снежной зимы 1978 г.? Но, полагаем, события эти окажут огромное влияние на будущность народов Азии и СССР. Не прошли ли мы именно в феврале того года ту

точку, о которой говорил Бисмарк, то событие в политической и дипломатической истории народов, ими часто даже и не замечаемое, но именно от которого бесповоротно начинается путь к войне, к катастрофе, а может быть и к гибели целых народов? Судьбоносная точка исторического шествия народа, от которой начинается путь к чему-то новому, неясному, далекому или уже близкому, а говоря языком XX века, начинается отсчет времени к войне, к старту ракет.

Что ж дальше?

В истории Родины нашей были мыслители и государственные деятели, по-разному относившиеся к „настоящему восточному вопросу" (как определил китайскую проблему академик В. Н. Васильев). Но все они в равной мере опасались и предупреждали об одном – о союзе Японии и Китая, как крайне нежелательном для интересов Отечества нашего (см., например, Д. И. Менделеев, „Дополнения к познанию России", с. 74, или В. С. Соловьев, Собр. соч. т. VII, сс. 193-198). Мы сознательно взяли лишь двух великих людей России, державшихся на китайскую проблему совершенно противоположных точек зрения. Можно привести здесь мысли Данилевского и Васильева, Столыпина и Георгиевского.

И вот именно то, чего столь опасались мудрецы наши и патриоты России, свершилось на наших глазах, и мы – очевидцы. И только те, кто правит сегодня нашей страной, повинны в этом. Они своей двуличной, флюгерной политикой, своей постоянной грызней за власть добились того, что Япония и Китай стали рядом.

И Япония даст Китаю все, что ему не хватает, если успеет.

США И СССР

Отношения между Россией и США на протяжении всего XIX века были хорошие. Россия – самая монархическая страна – всегда благожелательно относилась к самой республиканской стране – США. Дипломатические отношения между ними установились еще в 1808 г. Тогдашний президент США написал удивительные слова: „Россия наш самый сердечный друг среди всех государств на земле и дальше всех пойдет в поддержке нас" (B. Rauch. History of New Deal.1933-38, – с. 152).

Что правда, то правда! Россия так далеко пошла, что даже подарила США Аляску. „Цена делала Аляску, фактически, подарком" (Chevigny, History Russ. – Amer., с. 241). И надо сказать, что не без помощи все того же Нессельроде. Его свояк, Эдуард де Штокель, был главным персонажем при продаже Аляски. Одним словом, отношения были самые сердечные между пламенными республиканцами и ярыми русскими монархистами. До самого крушения Российской империи, до 1917 года.

США участвовали в интервенции в Россию и некоторое время помогали генералам, сражавшимся против советского правительства. А казакам, т.е. тем, кто действительно представлял реальную силу, они оружия не давали. Надо отметить, что и с Колчаком и его штабом у американцев отношения были далеко не простые. Но к казакам американцы с самого начала относились с ненавистью. В отличие от верховного правителя Сибири – Колчака, которого

сдерживали дипломатические условности, казаки открыто выражали свои подлинные чувства к „американским друзьям". Американцев откровенно обвиняли в помощи советскому правительству (В. Грэвс. „Американская авантюра в Сибири", сс. 145, 179, 186, 193). Грэвс – американский военный представитель, откровенно признает, что они, во-первых, тормозили передачу Колчаку оружия, за которое уже было заплачено, а во-вторых, жалуется на казаков, которые замышляют напасть на американцев, а не на большевиков.

И недаром казаки не любили американцев. У Красной армии было много нового американского оружия, в частности, очень хорошие, по тому времени, ручные пулеметы кольт.

И еще одна немаловажная деталь, касающаяся интервенции, – американцы убрались из Владивостока уже в 1920 г., а японцы с северной части о. Сахалин – только в 1925. Японцы многое могли учинить с Россией в тот период, но не учинили. Они оглядывались на США.

Американские рабочие и их организация АФТ не хотели признавать первое в мире „государство рабочих и крестьян". Руководители американских рабочих С. Гомперс и У. Грин уже тогда говорили, что в СССР – принудительный труд и полное отсутствие человеческих прав.

Предоставим слово американскому историку: „Соединенные Штаты снова заняли сторону России в 1929 г., когда национальный Китай решил вытеснить Россию с КВЖД. ...США отказались от признания советского правительства, но они выступили, чтобы защитить интересы русского народа" (Pratt, T. History of U.S. Foreign Pol., c. 667).

Если автор полагает, что интересы русского народа лежат в Маньчжурии, то он вряд ли ясно представляет себе, кто такие русские. Но что правда, то правда: помогли тогда США советскому руководству. Очень помогли, хотя и не существовало дипломатических отношений.

Но признавать СССР американцы не хотели до самого прихода Рузвельта на пост главы США. Признала Америка Советский Союз лишь после того, как в Германии наступил 1933 г., т.е. с приходом к власти Гитлера.

Активное продвижение Японии в Китае, затрагивавшее интересы и США, и СССР, также способствовало установлению дипломатических отношений между двумя державами.

Нарком иностранных дел М. М. Литвинов был инициатором установления тесных связей с США. Даже после того, как он был заменен на этом посту, он продолжал играть видную роль в советско-американских отношениях и представлял СССР в Вашингтоне в период Второй мировой войны. Назначен на пост посла он был благодаря своим тесным связям со многими тогдашними американскими политическими деятелями.

Нужно заметить, что Литвинов был не первым сторонником близкого союза с США. Традиция эта старая. В советское время наиболее видным сторонником этого союза был и Троцкий. Во время Первой мировой войны он ездил по США с лекциями, завязал там важные связи, которые использовали позднее, в самые трудные для советской власти годы. Высшие руководители партии и советского государства встречались с руководителями США. Ре-

зультатом таких встреч оказывались весьма выгодные для СССР торговые соглашения.

Что касается концессий, которых домогались империалисты, то тут дело обстояло сложнее. Много получить им не удалось. Однако кое-что выкачали из советского государства. Прежде всего произведения искусства, золото, антикварные изделия. За доллары уплыли из страны бесценные рукописи и полотна всемирно известных художников. За сыр, колбасу и сливочное масло скупали западные дельцы, туристы, дипломаты в магазинах так называемого „Торгсина" русский фарфор (кузнецовский), золото, платину. Все несли им изголодавшиеся люди в те тридцатые годы.

Период Второй мировой войны хорошо известен и мало можно добавить нового. Рузвельт был верным и деловым партнером. Советское руководство получило огромную помощь, сыгравшую значительную роль в победе. Когда Черчилль, встревоженный быстрым продвижением советских армий в Германии, попытался остановить их с помощью дипломатического маневра или даже прямой угрозы, президент США Рузвельт выступил против этого. Он оказал значительную помощь советскому правительству в захвате Европы, возможно и сам того не желая. Что же касается войны с японцами, то тут он грубо ошибся, считая участие Советского Союза в ней необходимым. Это странно, так как он уже имел в руках атомный козырь. Советское руководство тем не менее получило обещанную плату – Курилы и признание советских прав на Монголию.

В тридцатые годы у СССР с США были хорошие отношения. Советское руководство стремилось извлечь экономические и дипломатические преиму-

щества из этих отношений с „главной империалистической державой". Кроме того, США представляли меньшую угрозу для СССР, чем, скажем, Великобритания или Япония.

После войны и оккупации Германии армии СССР и США стали на земле этой страны друг против друга. Из мировой политической игры вышли бывшие великие державы – Германия, Япония, Италия. По ряду причин Англия, Франция и Китай длительное время после войны не в состоянии были проводить активную внешнюю политику. В мире осталось лишь две великих державы – США и СССР, являющиеся антиподами по своему социальному и экономическому строю. Замаячила соблазнительная идея мирового господства. Раз сегодня две, может быть завтра окажется всего одна. СССР стал устанавливать свою систему в странах Восточной Европы, где находились его войска. Здесь-то и началось резкое ухудшение отношений между двумя гигантами. Период 1947-53 гг. можно считать самым опасным периодом советско-американских отношений со времени революции. Существовала реальная угроза военного конфликта, тем более, если подтвердятся сообщения о наличии в тот период у советского руководства плана вторжения в Западную Европу.

Вот когда США должны были пожалеть, что в свое время оттолкнули от себя Японию с ее предложением союза против СССР. Даже американские историки считали подобную политику накануне Второй мировой войны ошибочной (Tansill C. Back Door to War, 1933-41, с. 130).

Отношения между США и Советским Союзом продолжали ухудшаться вплоть до самой смерти Сталина. Более того, антиамериканская пропаганда,

а не только „антиимпериалистическая", достигла высшей точки именно зимой 1952-53 гг., после XIX съезда КПСС, на котором присутствовали все наиболее значительные руководители западных коммунистических партий. С момента смерти Сталина не прекращаются упорные слухи о том, что он был отравлен. И отравлен теми, кто хотел улучшить отношения с США и боялся авантюрного вторжения в Западную Европу, справедливо считая, что подобное вторжение могло бы вызвать атомный удар по советским городам. Разумеется, существовали разные версии убийства Сталина, но все сходились в одном – его убили. Некоторые работы, опубликованные в последнее время на Западе, как будто проливают новый свет на это событие. Однако можно утверждать, что после смерти Сталина новое руководство страны немедленно взяло курс на улучшение отношений с США. Это позволило достичь определенных результатов: уже в 1955 г. была объединена Австрия и снова стала суверенным, свободным государством.

Отношения продолжали улучшаться, несмотря на инцидент с разведывательным самолетом, сбитым над территорией СССР. Попытка прощупать США, поместив ракеты ближнего радиуса действия на Кубу в 1962 г., вызвала кубинский кризис. Хрущеву и тем, кто толкал его на подобные, совершенно безрассудные, действия, пришлось дать задний ход. Считают, что некоторые военные, и прочно забытый ныне Егоров, требовали установки ракет еще до 1962 г. „Раз США имеют базы в Турции, то почему мы не имеем права разместить наши ракеты в 90 милях от американского побережья?" Нервы у американцев оказались неплохими. Ракеты были

убраны. Это было очень серьезным поражением советского руководства.

После этого советское руководство (в том числе и Брежнев) поняло, что провоцировать США пока не стоит, а необходимо постараться получить максимальную выгоду от улучшения и нормализации экономических отношений и торговли. Отставание от США и основных стран западного мира к тому времени было совершенно очевидным.

Летом и весной 1963 г., во время ожесточенных споров в самом руководстве и отчаянного продовольственного положения страны, некоторые советские деятели советовали улучшить отношения с Китаем.

Широко известное „Заявление представителя китайского правительства" (от 22.8.1963), в котором действия советского руководства подвергались самой резкой критике, было опубликовано в советской прессе, что случай из ряда вон выходящий. Но затем Хрущев пошел на соглашение с США о запрещении ядерных испытаний. Договор был заключен, хотя против него решительно выступал Китай.

Тогда же, до лета 1963 г., стало совершенно ясно, что развивается массовое недовольство в национальных республиках, а тем более в РСФСР. Недовольство усилилось после 1961 г., когда о конфликте с Китаем заговорили в советских газетах. Скрывать конфликт было бы просто глупо. Именно в 1962-63 гг. в ряде городов имели место кровавые стычки с милицией, в ряде случаев надо было вызывать войска. От конфронтации с США пришлось временно отказаться.

„Если не можешь убить врага своего, обними его!" В известной мере сия древняя мудрость пере-

дает характер взаимоотношений советского руководства с США. Считалось, что можно достичь своих целей постепенно, опираясь на пятые колонны внутри ряда стран Европы. О еврокоммунизме тогда и не слыхать было. По тогдашним понятиям, все компартии обязаны были поддерживать любые акции советского руководства. Приводимое обычно соображение, что, мол, ядерное оружие оказалось столь ужасным и разрушительным, что даже советское руководство пришло к мнению о невозможности ведения атомной войны, – ошибочно. Еще Хрущев заявлял, что СССР способен пережить ядерную войну, а густонаселенные страны Западной Европы – нет.

Как бы то ни было, начало успешно развиваться „мирное сосуществование". Это было тогда (повторяю, тогда) разумнее, чем воевать с США. Дела как будто шли на лад, нарастало движение в бывших колониях некоторых западных стран. Были шансы на приход к власти угодных СССР режимов в Латинской Америке и других частях света.

Хрущев выполнил определенную часть работы и пал в результате заговора осенью 1964 г. Его обвиняли не только в „вождизме", но и в том, что „распустил людишек".

И вот тут опять придется вернуться к „проамериканским и антиамериканским группам" в советском руководстве.

Считалось, что Хрущева свергли „ярые сталинисты". Сразу же после его удаления были проведены показательные процессы. Например, наиболее известный на Западе, – над писателями Синявским и Даниэлем. Разумеется, о сотне других подобных же судов над тысячами безвестных противников совет-

ского режима никто и не знает. Начались активные преследования Солженицына и других писателей, которых печатали при Хрущеве. Резко возросли сроки заключения за малейшие выступления против существующего режима.

Все это, однако, происходило во внутренней жизни страны. В своей же внешней политике советские руководители и не помышляли пока о конфронтации с США по типу той, что имела место до 1953 г. Более того, они всячески увеличивали товарооборот с Западом и в первую очередь с США. Брежнев был главным проводником такой политики. Он – и в первую очередь также его ближайший соратник Андропов – прекрасно представлял всю степень отставания от США и стремился как-то сократить разрыв. Особенно интересовало их получение продовольствия, ибо руководство очень боялось голодных бунтов; а также современные технологические процессы, автоматические линии, целые заводы. Все это они получили. Особенно много зерна. Это смягчило постоянные кризисы в советском сельском хозяйстве и колоссальные потери урожаев, вызванные бесхозяйственностью или погодными условиями.

Правда, отношения с Западной Европой в результате вторжения с Чехословакию в 1968 г. несколько охладели, но это не помешало в срок закончить сооружение всех объектов, строящихся в СССР по западным проектам, и даже приступить к проектированию Камского автозавода тяжелых грузовиков. Исправно продолжали поступать, в том числе и из США, приборы и станки, столь нужные советской промышленности.

А тем временем Брежневу и его группе, куда

входил и маршал Гречко, удалось уже в 1968 г. протянуть на пост главы КГБ Андропова. Пожалуй, это была самая большая удача Брежнева и его единомышленников во внутриполитической борьбе. Разве только изгнание Шелепина было более важным событием в борьбе за власть. Разрешение на выезд из страны значительного числа евреев, на которое пошли Брежнев и его группа, а также принятие конгрессом США неудачного законопроекта о торговле с иностранными государствами и попытки связать этот законопроект с разрешением на выезд из СССР определенного числа евреев в 1974 г., были для Шелепина тем самым „великим случаем" для прорыва к власти и смещения Брежнева. Он был ближе к успеху, чем мы полагаем сегодня, так как мог использовать неудачи в „проамериканской политике" Брежнева. Но законопроект был единственной неудачей – в остальном США всегда уступали.

Но вспомним прошлое.

Как пал Маленков? Приводится много причин, сгубивших наследника Сталина, но часто забывают о том, что на заседании Президиума ЦК Хрущев обвинил Маленкова в „капитулянтстве". Что же имело место в действительности? Маленков несколько раз в своих публичных выступлениях заявлял о том, что в век атомной бомбы войны становятся немыслимыми, и именно этим воспользовался сам Хрущев, который через какие-нибудь год-полтора сделал лозунг мирного сосуществования основополагающим в советской внешней политике.

Как пал Хрущев? Среди прочих обвинений самым важным и пугающим было то, что Хрущев либеральничал с противниками режима, уступая американцам, завоевывая их расположение.

Но Брежнев и его группа пошли навстречу США столь далеко, как не ходил даже товарищ Троцкий. Они практически разрешили выезд из СССР противникам режима и евреям, что сняло одно из важнейших препятствий на пути улучшения отношений с США. Об этом Хрущев и подумать не мог. А мыслил ли кто-либо в период правления Хрущева, что писатели и художники будут давать в Москве, в двух-трех кварталах от штаб-квартиры КГБ, пространные интервью и критиковать деятельность этих самых органов, или что академик Сахаров будет устраивать пресс-конференции, где осмелится подвергать самой резкой критике советский режим. Дело дошло до того, что в СССР издаются нелегальные журналы и книги, причем не только в виде „самиздата", но в форме регулярных периодических выпусков (причем в различных национальных республиках, а не только в Москве). Десять лет назад то, что происходит в стране, было бы совершенно немыслимым. Следовательно, нынешние правители пошли куда дальше, чем Хрущев. И все это вместе взятое, а помимо того и из рук вон плохое положение с сельским хозяйством, несмотря на колоссальные капиталовложения, создает основу для недовольства.

В ЦК и среди военных возник вопрос об американской нейтронной бомбе. Именно этот вопрос, наряду с переговорами о „Хельсинкских соглашениях", являлся своего рода испытанием для советско-американских отношений, той „подножкой", которую можно было подставить Брежневу. Не случайно советские представители столь яростно начали возражать против принятия нейтронной бомбы на вооружение в США, угрожая срывом перего-

воров вообще. К этой же категории относится и политика прав человека, где упорство советских представителей будет только возрастать. Все это – звенья одной цепи, и тянется цепочка эта в ЦК и к „маршалам", не в Политбюро.

Нейтронная бомба – камень, который припасли противники Брежнева и Андропова, стремясь сместить генсека или на худой конец несколько ограничить его власть. Сосредоточение всей власти в одних руках опять начинает беспокоить многих в советском руководстве. Поэтому борьба против нынешних правителей становится (еще не стала) для многих борьбой за личную безопасность, тем более, что нет и признака ослабления группы или намерения кого-либо из высшего руководства удалиться на покой. Впрочем последнее по советским условиям невозможно.

В Политбюро сильно побаиваются военных, которые недовольны положением в отношении Китая, а также тем, что их совершенно оттерли от руководства и поставили во главе Министерства обороны Устинова, которого кроме маршальской формы с армией ничего не связывает. А над всей этой грызней и интригами нависает, непрерывно увеличиваясь в размерах, „китайская проблема". И здесь руководителям страны нечем похвастаться. Она только еще более осложнилась.

Конечно, проблема эта существовала в ослабленном варианте и в 1955-56 гг., когда Хрущев начал улучшать свои отношения с США. Видимо, советское руководство надеялось разделить власть над миром с американцами. Китай тогда еще не принимался в расчет недальновидными политическими деятелями США. Кроме того, в США и других стра-

нах Запада имелись политические силы, опасавшиеся атомной войны и гибели всего человечества. Война атомная представлялась и представляется немыслимой, и именно страх перед нею послужил причиной быстрого сближения двух сверхдержав. На основе общих интересов.

Насильственные попытки запретить производство атомного оружия всем другим странам, подчинить их воле двух сверхдержав имели в своей основе стремление любой ценой предотвратить войну с применением оружия массового поражения, в которую могли бы втянуться против своей воли и сверхдержавы. Эта теория казалась очевидной и привлекательной многим, и приобрела сторонника в лице, например, крупного современного мыслителя К. Ясперса (ныне покойного), серьезно рассматривавшего подобную возможность. Хотя его и клеймили в СССР как реакционера, книгу его сразу же перевели (К. Ясперс. „Куда движется ФРГ", с. 105).

Как не вспомнить знаменитый немецкий стишок: „А если ты не хочешь быть моим братом, то я тебе проломлю череп". Все сводится именно к этой схеме: заставить весь мир делать то, что сверхдержавы хотят и считают правильным и необходимым. Таким образом все остальное человечество будет облагодетельствовано и спасено от катастрофы. Неблагодарное человечество не захотело, чтоб его спасали. Здесь вполне уместно напомнить о нравственной стороне всей этой грандиозной затеи. Свободы лишали не один народ или несколько народов, а все народы. А именно свобода является величайшим даром Господа. Политические деятели хотели превратить все человечество в этакое „панургово стадо", которому будут давать жвачку и держать его (чело-

вещество) в тепле и холе, если оно будет умненьким, благоразумненьким и станет слушаться старших, то бишь США и советских руководителей.

Независимо от морали, из подобной затеи ничего не могло получиться потому, что сами сверхдержавы не собирались играть честно. И США и советское руководство нарушили „правила игры", прежде всего, сами. США передали некоторое количество обогащенного урана, необходимого для изготовления бомбы, в Израиль (или израильтяне похитили его, воспользовавшись благоприятной обстановкой, или им разрешили „похитить" этот уран). Во всяком случае Израиль уже создал свою бомбу. Подобным же образом и советское руководство оказало помощь дружественной Индии в организации первого ядерного взрыва. Индия ныне в очень короткий срок может наладить производство своих небольших ядерных бомб.

Помимо того, целый ряд стран вообще не подписал заключенного между США и СССР договора о нераспространении ядерного оружия. Где гарантии, что страны, даже подписавшие договор после 1963 года под прямым давлением сверхдержав, станут его соблюдать через 10-20 лет? И какие условия будут существовать в мире тогда?

Попытки задержать распространение ядерного оружия оказались неудачными, но действия СССР и США, по крайней мере, задержали атомное вооружение многих стран. Диктовались все эти попытки не заботой о спасении людей (как утверждали политические деятели сверхдержав), а интересами сверхдержав, стремящихся навязать свою волю всему человечеству.

Что касается проекта создания надгосударствен-

ных полицейских сил, то его реализация вряд ли возможна, ибо нет гарантии, что они не обратятся в вариант ,,общемировой" преторианской гвардии, особенно если им придать атомное оружие.

Задолго до подписания договора 1963 года английский мыслитель Дж. Ф. Фуллер писал: „Только политически одинаковые могут создать жизнеспособную мировую организацию... Если бы это и было возможно, все равно мировая организация, пока она не будет построена на нравственной основе, не может быть не чем иным, как тиранией" (Дж. Ф. Фуллер. „Вторая мировая война 1939-1945 гг.", с. 542).

Он имел в виду попытки создания какой-то международной организации типа правительства и оценил их очень отрицательно. Сейчас уже очевидно, что попытки задержать распространение атомного оружия были наивными.

Наивными оказались и политические деятели США. Они требовали от Хрущева заверения, что он не передаст оборудования, необходимого для производства атомного оружия, КНР. Хрущев использовал это требование как рычаг давления на США, поскольку выполнить это требование было легко. Советское руководство не собиралось содействовать Китаю в создании атомного оружия, а если и давало противоположные обязательства Китаю, то только с одной целью – тянуть время. Хрущев старался любой ценой удержать Китай от вступления в ,,ядерный клуб", но было уже поздно.

Единственным полезным результатом договора между США и советским руководством явилось уменьшение числа ядерных испытаний и, следовательно, сокращение расходов на их проведение. Чего и хотело советское руководство.

Улучшение отношений с США советское руководство использовало полностью. Оно выжало из соглашений и договоров с „мировым империализмом" все, что возможно. Но слабость советской империи стала еще более заметна, чем раньше. Советское руководство буквально навязало американцам дорогостоящую гонку в космической области и проиграло ее на глазах у всего мира.

США приложили немалые усилия, чтобы помочь СССР улучшить свое экономическое и военное положение. Хорошо известно, какое значение имеют для СССР поставки пшеницы, да и вообще продовольствия. Не только США, но и другие страны Запада включились в торговлю с СССР. Те, кто создавал проект завода тяжелых грузовиков на Волге, знали для чего будет использоваться значительная часть продукции завода. Прекрасно понимали это и те, кто копал котлован под фундамент завода. Грузовики должны изготовляться хорошего качества, неприхотливые, с достаточно высокой проходимостью и грузоподъемностью в 8-10 тонн.

Поэтому, если сегодня представители какой-либо западной фирмы заявляют, что „бедную фирму обманули" и приборы с современной оптикой, закупленные советскими представителями для медицинских целей, используются для целей военных, не обращайте внимания, они все прекрасно знают и знали, но ради собственной выгоды готовы продать что угодно во вред собственной стране. Торговля с Западом удобна и тем, что советские представители часто имеют дело с так называемыми многонациональными корпорациями, а тем вообще на все наплевать, лишь бы прибыль схватить.

Немыслимо предполагать, что руководителям

западных стран неизвестно, куда и на что идут щедрые кредиты, предоставленные на закупку зерна или оборудования. Правда, и там, „в свободном этом мире", раздаются голоса, напоминающие о непрерывном росте военного могущества советской империи. Шлезингер уверен, что в США не представляют подлинных размеров мощи советской армии.

Здесь существует нечто такое, чего обычно люди понять не могут. Вот взять, например, 1939-41 гг., последние два предвоенных года. Германия собиралась воевать с нами, а ее руководители добивались и добились от советского руководства огромных поставок пшеницы, нефти, даже никеля, столь необходимого Германии. Каучук везли через всю страну с Дальнего Востока. Спешили поезда – для немцев приказано пропускать вне очереди. Все знали, что война неизбежна, и... шли поезда с маслом и сырьем в Германию. Еще за несколько часов до начала войны!

А сейчас все повторяется. Только в другом направлении спешат поезда и пароходы, и не только с пшеницей и маслом.

Сейчас противники улучшения советско-американских отношений сильно оттеснены на второй план. Нынешнее руководство ориентируется на „проамериканскую политику". Но советский руководитель – партнер с весьма ограниченной ответственностью. Он – партнер „исключительно на вере". Он выдал США вексель и, может, еще выдаст, но вот кто платить будет по этим брежневским векселям? Кто возмется предсказать политику послебрежневского руководства? СССР – не США и никто не посмеет предсказать, как поведет себя следующий по очереди правитель СССР.

Отношения между СССР и США в настоящий момент неплохие и будет опасным заблуждением считать, что соперничество между ними может привести к войне, как думают китайцы.

Но главное во взаимоотношениях советского руководства и США и другом: вмешаются ли США в советско-китайский конфликт? Вот что действительно влияло и будет влиять на принятие окончательного решения. Знать бы, что не станет американское оперативное командование поднимать в воздух свою авиацию и приводить в боеготовность ракеты в шахтах и на подлодках, тогда и отпали бы сомнения.

Важно знать позицию США. Почти как в 1941 г., когда в конце сентября советское руководство уже знало, что Япония не собирается вступать в войну с СССР и, следовательно, отборные сибирские дивизии могут быть переброшены на Запад навстречу наступающим немцам.

Эта проблема и мучит советское руководство ныне. Как поведут себя американцы? И если решат действовать, то какова будет степень их вмешательства? Успеют ли советские руководители отвести войска, если США по „рецептам" начала нашего столетия демонстративно проведут мобилизацию, или сообщат о принятом решении советскому руководству по каким-то каналам? Тогда только одно может решить исход кампании – быстрота. Она необходима даже в том случае, если решено будет принять американский ультиматум. Надо успеть создать „свободное и независимое государство" на той территории, которая окажется в руках, пусть даже на короткий промежуток времени. Наготове, несомненно, имеется „карманное правительство", кото-

рое можно вытащить и посадить куда угодно – в Урумчи, например.

Но раз вмешательство США столь важно, то нельзя ли договориться по главному вопросу с США и развязать себе руки, прежде чем решать дело с Китаем? Как проведено было в 1971 г. – договорились с Индией, тихо, по-хорошему, да и расчленили Пакистан под видом „освобождения Бангладеша". Все обошлось, никто не вмешался.

Но с Китаем все может обернуться по-другому. Применять или не применять атомное оружие? Может быть, свести все лишь к „поддержке национально-освободительного движения"? Ограниченные операции, возможно, США стерпит, не вмешается. Но если Китай ответит ударом оружия массового поражения? Может быть, этого и хочется советскому руководству? „На нас напали! Все видели! Мы – жертвы агрессии! Ну, теперь держись!" Такая схема вероятна. И нежелательна для советских владык.

Гораздо лучше было бы „купить" молчаливое согласие США на ограниченную акцию против Китая. Отделение от него части или даже нескольких частей. Какова цена, которую придется заплатить? Несомненно, советское руководство готово заплатить очень высокую цену за то, чтобы вывести Китай из числа опасных противников.

Два района, где возможно какое-то соглашение: Ближний Восток и Европа. Разрешение кризиса на Ближнем Востоке в желаемом для США направлении могло бы содействовать невмешательству США в разрешение конфликта на Дальнем Востоке. Но приемлемо ли это для правительства США?

Ныне известно, что в США существовали силы, поддерживавшие советский режим, охотно сотрудни-

чавшие с ним. И прежде всего президент Рузвельт. Определенные круги на Западе стремились и стремятся сохранить империю подобно тому, как когда-то Англия, Франция, а иногда и Россия, поддерживали турецкую империю. Существуют соображения экономические. Советский Союз – колоссальный рынок для сбыта западной техники и столь же колоссальный резервуар полезных ископаемых, прежде всего нефти, газа, угля. Эти соображения могут заставить правительства западных стран, и прежде всего США, проявлять „бережность" в отношении СССР даже после начала конфликта. Правительство США соблюдает интересы своей державы и своего народа. Куда качнутся США и на чью сторону встанут?

Действительно ли в США крепнут позиции изоляционистов? Возможно ли, что перед лицом советско-китайского конфликта они займут позицию стороннего наблюдателя?

В любом случае политика США, а тем более союзников в Европе, в значительной мере попахивает умиротворением. Брежнев сумел, не поступившись ничем во внутренней политике СССР, добиться для себя значительных выгод во взаимоотношениях с западными странами и значительно поднял свой престиж внутри партийного руководства.

Советское руководство очень осторожно по отношению к США и, вне всякого сомнения, на его действия оказывала и продолжает оказывать влияние позиция американцев. Справедливо подобное утверждение только для нынешнего советского руководства. Как поведут себя следующие правители СССР – предсказать невозможно.

Но надо считаться и с тем, что США дадут двум гигантам измотать себя в борьбе, а затем предъявят

ультиматум или одной, или обеим сторонам и выступят в роли верховного судьи. Помните знаменитый совет тогда, в ноябре 1941 г.: „Если будет побеждать Германия, то следует помогать России, а если Россия, то – Германии. И пусть убивают как можно больше". Эти слова сказаны в США. Необходимо о подобной возможности помнить.

Учитывая подобную возможность, советское руководство постаралось бы решить все быстро, поставить весь мир перед свершившимся фактом и затем заверить его в своем миролюбии.

И, наконец, следует остановиться на воспоминаниях одного из ближайших помощников президента Никсона, который утверждал, что в 1969 г. советское руководство осторожно предлагало правительству США организовать атомный удар по Китаю. Последовало немедленное заявление ТАСС, в котором советское руководство решительно открещивалось от подобных переговоров. Дело в том, что сей помощник отбывает наказание за участие в деле „Уотергейт", и поэтому очень многие весьма скептически отнеслись к его запискам.

Но несомненно существуют и другие источники, косвенно подтверждающие, что какая-то активность в этом вопросе между СССР и США имела место в тот период, о котором толкует помощник Никсона – в 1968-69 гг.

Хотелось бы сказать, что любая ложь, любое преувеличение в этом вопросе вопросов советской политики не идут на пользу русскому народу. Следует быть крайне осторожным в случае подобных сенсационных заявлений. Но здесь вся сенсация кроется только в утверждении, что советское руководство предлагало США действовать совместно. В осталь-

ном нет ничего нового. Мы писали об этом уже 10 лет назад. Прекрасно известно, что скрыть от спутников что-либо очень трудно, тем более советские дивизии, вооруженные атомными боеголовками и стоящие в 30-40 км от границы с Китаем. Уже в тот период подобная информация могла быть почерпнута из западных газет, только мало кто обращал внимание на подобные вещи. И ЦРУ, вне всякого сомнения, имело полную информацию о возможности удара, исходя только из данных, полученных со спутников. Чувствовалось это и по советской прессе. Приблизительно до сентября 1969 г.

Конечно, нельзя поверить, что советское руководство серьезно могло надеяться на совместный с США удар по КНР. Утверждают, впрочем, что преследовались весьма ограниченные цели – разрушение ядерных, исследовательских центров, полигонов и т.д. Советское руководство не надеялось воевать против Китая вместе с США, оно только осторожно осведомилось о реакции США. И то, что оно узнало, заставило призадуматься советских лидеров. А момент был очень подходящим. Второго такого уже более не будет никогда.

Тогда советское руководство не решилось нанести удар, но речь шла исключительно об атомном ударе. А если удар будет нанесен обычными силами с массовым применением танков и авиации, с высадкой десантов, то как тогда? Вмешаются ли США? Видимо,в советском руководстве считают, что в таком случае им могут предоставить свободу действий. А так как наращивание советских вооружений

„обычного типа" достигло колоссального уровня за последние 5 лет, то не исключена возможность попытки начать, „не спросившись у дяди Сэма".

Примечание издательства:

Книга написана до советской агрессии в Афганистане и до победы республиканцев в США. Это, разумеется, отражается на советско-американских отношениях, но не затрагивает ни одного принципиального положения автора.

КОНФЛИКТ

„Но грядущего взыскуем".
(Евр. XIII, *14)*

Дело не в том, кто правит в Китае. Вот чего не поняли многие советские руководители, считавшие, что раз Китай стал „союзником и братом (меньшим, разумеется) на века", то о прошлом следует забыть. О прошлом нельзя забыть. Политика государств и их взаимоотношения с соседями лишь частично определяются тем, что принято называть политическим строем или идеологией. Не научившись истории, а вернее представляя ее в кривом зеркале своей идеологии, советские политики проморгали „китайский вопрос".

В 20-х годах великие державы того времени несколько забеспокоились – „красный колосс и желтый гигант подают друг другу руки". Но опасения оказались напрасными, последовал жестокий и достаточно серьезный конфликт 1929 г.

О нем в СССР сейчас мало пишут, а книги того периода, посвященные конфликту, в библиотеках находятся в отделах спецхрана.

Начался конфликт с того, что китайцы попытались в июле 1929 г. захватить КВЖД. Затем, в августе, последовал разрыв дипломатических отношений, а в ноябре того же года происходили жестокие бои со значительными потерями с обеих сторон. Бои шли в основном в районах Далайнор и Хайлар (Маньчжурия). В декабре 1929 г. состоялось в Ха-

баровске подписание протокола о восстановлении прежнего состояния на КВЖД, причем прерванные во время боев советско-китайские дипломатические отношения были восстановлены лишь в декабре 1932 г. Точно как в XVIII веке, тогда тоже на 5-10 лет всякие сношения между нами прервались, но только не было столь кровавых столкновений и бесчисленных жертв.

Советские вожди самым активным образом начали помогать китайским коммунистам – оружием, советниками, финансовыми средствами. При тогдашней обстановке в Китае, когда страна фактически распалась на ряд районов, независимых один от другого и ведших между собой борьбу, это особого труда не составляло. Но уже в то время китайские коммунисты достаточно четко излагали свою позицию по вопросу возврата территорий. Сам Мао имел на сей счет вполне определенное мнение. Он в 1936 г. в беседе с ныне широко известным американским писателем Эдгаром Сноу категорически заявил: „После нашей победы Монголия автоматически станет частью Китая" („За рубежом", № 37, 1969, сс. 13-14). Видимо, взгляды руководства КПК были известны Сталину и его окружению, но тем не менее он помог формированию Красной армии в Китае, хотя и не нужно преувеличивать эту помощь, как теперь делают верноподданные советские историки.

Правда, положение в Китае было исключительно сложным и запутанным: китайские генералы-милитаристы воевали между собой, коммунисты – с режимом Чан Кай-ши. Все это еще дополнялось захватом Маньчжурии японцами и созданием там марионеточного режима, т.н. государства Маньчжоу-Го. Поэтому контролировать поступление военной по-

мощи в Северный Китай практически было невозможно, и советское руководство пользовалось этим, наивно полагая, что может противодействовать Японии в ее продвижении к границам СССР.

Политика разжигания вражды в Китае потерпела провал. Советское руководство признало это, подписав в апреле 1941 г. в Москве советско-японский пакт о нейтралитете. Стоит отметить, что, подписав этот пакт, СССР поставил в трудное положение не только режим Чан Кай-ши, но и своих „товарищей по классовой борьбе" – коммунистов, оказывавших японцам решительное сопротивление на просторах Китая. Прояпонское правительство в Нанкине во главе с Ван Цзин-вэйем выступило в поддержку пакта между Японией и СССР и даже подчеркнуло, что ныне СССР вместе с Японией и Китаем защитит континент от империалистических происков США и Великобритании. Не забудем, что Япония являлась членом антикоминтерновского пакта. Видимо, тогда и были сделаны предложения Японии о разделе Китая.

Как только Германия начала войну против СССР и положение стало опасным, последовали призывы к китайским коммунистам развернуть борьбу на просторах Китая для отвлечения японских сил. В тот период, до сентября 1941 г., советское руководство опасалось удара со стороны Квантунской армии, находившейся в Маньчжурии. Однако, как говорили автору участники боев с японцами в 1945 г., эта армия была очень слабой, оснащенной устаревшими видами боевой техники. Основными транспортными силами были лошади, которых насчитывалось в армии 140 тыс. (Т. Хаттори, „Япония в войне 1941-45 гг.", с. 45). О маньчжурских войсках и говорить не приходится, это были форми-

рования из людей типа хунхузов, способных только грабить. Стоявшие „на высоком берегу Амура", как пелось тогда в популярной советской песне, сибирские стрелковые дивизии превосходили японцев по всем статьям.

Дифирамбы китайскому коммунистическому движению в борьбе китайской Красной армии против японцев и Чан Кай-ши ныне сменились столь же огульным поношением. Впрочем, вся эта кампания продолжается уже почти полтора десятка лет и не так интересна. Новым и знаменательным фактом является то, что ныне подвергается самой резкой критике внутренняя политика руководства КПК по отношению к населению коммунистических районов Китая. Подробно рассказывается о невыносимой обстановке, созданной в районах дислокации Красной армии, „слежке всех за всеми", принудительном труде и т.д. Причем даются ссылки на „буржуазных" авторов, наблюдавших все эти явления.

Делается это не в пропагандистских брошюрках, а в специальных монографиях, особенно в последней серьезной работе, посвященной гражданской войне в Китае в период японской агрессии и Второй мировой войны, в 1931-50 гг. (Б. Г. Сапожников. „Китай в огне войны", сс. 265-267).

Тон по отношению к Чан Кай-ши и его правительству в Чунцине значительно смягчен в данной работе, как и во многих других. В ряде мест монографии делается упор на факт переговоров китайских коммунистов с американцами. Подробно сообщается об их контактах (там же, сс. 296-299).

Подобное явление не случайно и находится в связи с решением советского руководства предать самой широкой гласности в центральной советской

печати и по телевидению факты о боях между вьетнамцами и кампучийцами. Подробным образом сообщалось о массовых казнях и насилиях, совершаемых кампучийцами. Передавались рассказы очевидцев. Все это продолжалось несколько дней в феврале 1978 г. и имело характер заранее спланированной кампании. Почему пошли на такой шаг советские органы массовой информации? Ведь у власти в Кампучии находилась коммунистическая партия, не так давно получившая приветствия от своих советских товарищей. Итак, коммунисты убивают коммунистов в ожесточенной войне.

Возвращаясь к военным временам, надо сказать, что Сталин приказал передать китайцам много оружия, захваченного в качестве трофеев у японцев. „В октябре-ноябре 1945 г. советское командование передало командованию НРА Китая следующие виды вооружения и боевой техники (неполные данные): 252.877 винтовок и карабинов, 2.307 пулеметов, 5.586 орудий и минометов, 896 танков и бронемашин, 839 самолетов. Кроме того было передано 1.032 автомашины, трактора и тягача, значительное количество радиостанций, инженерно-саперного имущества и боеприпасов" (там же, с. 294).

О количестве оружия, поступавшего из СССР начиная с 20-х годов, и об общих суммах, затраченных на вооружение китайской коммунистической армии, достоверных сведений нет, а опубликованные цифры – подозрительны. Но и без цифр известно, что помощь, прежде всего военную, оказывали значительную. Особенно во весь послевоенный период, вплоть до 1961 г., когда практически экономическое сотрудничество было прекращено по решению Хрущева. Однако к тому времени Китай

уже прочно стоял на своих ногах и мог обеспечивать свои военные нужды, хотя на развитие китайской военной промышленности это все же оказало влияние, замедлило его.

Необходимо быть объективным – СССР сделал все, чтобы помочь Китаю создать современную экономику и перевооружить армию, а затем внезапно полностью прекратил свою помощь. Когда мы говорим о военной помощи Китаю, нельзя забывать, что помощь в создании самого современного оружия – ракет и атомной бомбы – не оказывалась.

Говоря о послевоенном периоде, надо напомнить и о помощи Китая экономике СССР, прежде всего сельскому хозяйству империи. Автор не имеет в распоряжении специальных справочников, а все цифры, публикуемые в СССР (а тем более касательно торговли и товарообмена с Китаем), не могут приниматься в расчет. Поэтому он использует цифры, приведенные в книге Д. Г. Далина (Sov. For. Pol. after Stalin, c. 435): „Стоимость китайских продуктов питания, экспортируемых в Россию (так Далин называет СССР), составляла 1 миллиард 057 млн. руб. – в 1954 г.; 1 миллиард 127 млн. в 1955 г.; 1 миллиард 237 млн. рублей в 1956 г." Те, кто помнит те годы в СССР, должны признать, что поставки тушенки, фруктов, риса из Китая буквально спасали некоторые области СССР от голода. Достаточно прочесть речь Хрущева на XXII съезде партии, чтобы понять тогдашнюю обстановку в стране. Более того, вплоть до самого разрыва, Китай поставлял нам и промышленные товары: одежду, белье, одеяла, посуду и т.д. очень высокого качества и по весьма низкой цене. Китайцы обували и одевали нас. И автор этих строк износил не одну пару китайских боти-

нок и помнит отличные шерстяные свитера, изготовленные в Китае. Все это – воспоминания! Пути Китая и СССР начали расходиться.

А вообще сходились ли эти пути когда-нибудь? Повторяемое утверждение, что сотрудничество СССР и Китая оборвалось в Монголии, неверно. Мы уже говорили об этом. Задолго до того, как советское руководство пришло к решению выкинуть всех китайцев из Монголии, – а тех, кто им сочувствовал в этой стране, поставить на место, – было очевидно, что сотрудничество кончилось. Главным событием, приведшим к ухудшению отношений, было крушение китайских намерений получить техническую документацию и чертежи для производства атомной бомбы. Дело в том, что советское руководство твердо обещало дать китайцам атомную бомбу. Соглашение об этом заключили после долгих проволочек только в октябре 1957 г. Все тянулось до июня 1959 г., когда Хрущев категорически отказался от его выполнения. Он и раньше не собирался его выполнять, но предлогом явились переговоры с США о прекращении испытаний ядерного оружия и недопущении его распространения в мире. Хрущев как раз собирался ехать в США к тогдашнему президенту Эйзенхауеру.

Это был сильнейший удар по „дружбе". Стало очевидно, что советское руководство ни на грош не доверяет своему „самому близкому и верному союзнику". Более того, в 1959 г. СССР принял сторону Бирмы в ее пограничном конфликте с Китаем. Об этом официально заявило советское посольство в Рангуне. Подобное действие уже было открытым вызовом. Вот тогда и начинаются инциденты на советско-китайской границе. Первый, известный авто-

ру, – у Лесозаводска на р. Уссури в декабре 1959 г., связанный с попыткой неизвестного человека бежать в Китай. Второй – на западной границе с Китаем у перевала Буз-Айгыр. В 1964 г. недалеко от Благовещенска уже имела место попытка бегства в Китай вплавь через Амур группы заключенных, но среди них были и вольные. Факт красноречив, поведение заключенных – лучший политический барометр.

В 1964 г., во время визита делегации японских социалистов в КНР, Мао поднял вопрос о территориях, которые китайцы считают своими. Впрочем, разговор о возврате Монголии Китаю шел уже в 1949 г., т.е. Мао немедленно стал требовать то, о чем он упоминал в беседе с Э. Сноу еще в 1936 г. Но и до 1964 г., до беседы Мао с делегацией японских социалистов, был год 1963, когда СССР вынужден был пойти на публикацию „Заявления китайского правительства" в „Известиях" (22.8.1963). Публикация была категорическим китайским условием для продолжения всяких переговоров с советской стороной в 1963 г. Тогда китайская делегация находилась в Москве. „Заявление..." опубликовали. Оно содержало убийственную критику в адрес советского руководства и его политики по отношению к Китаю, да и не только к Китаю. Впечатление было ужасным.

Дело в том, что, как всегда, в СССР все скрывалось. Большинство не представляло, насколько далеко зашел конфликт с Китаем и до какой степени рассержены китайцы. Для руководства уже после конфликта с Индией в Тибете не существовало иллюзий. Однако на переговоры пошли. Это была дипломатическая уловка, с помощью которой Хрущев

пытался повлиять на американцев, чтобы добиться от них более выгодных условий.

Ведь одновременно шли переговоры по поводу заключения „договора о прекращении всех испытаний атомного оружия и недопущении распространения атомного оружия". И как раз 25 июля 1963 г. советские руководители приняли проект американо-английской стороны. Причем китайцы особенно возмутились тем, что еще 15 июня, за 40 дней, Хрущев отверг предложения американцев. Думается, что „отверг" – это преувеличение, и советская сторона решила подписать соглашение и только играла с американцами.

Но возникает вопрос: почему они пошли навстречу китайцам и на публикацию в „Известиях" такого рода материала, единственного за все 60 лет их власти? Заявление позорило советское руководство, и публикация его до сей поры не ясна. Впрочем, имелась сильная оппозиция (и Шелепин играл в ней роль не последнюю) против заключения соглашения с американцами. Одним словом, все вылилось наружу, и сразу стала очевидна глубина конфликта.

Вообще необходимо отметить, что сам по себе 1963 г. был важным, поворотным годом. Слишком поворотным оказалось решение пойти на подписание этого договора. В мире имелись силы, которые не могли понять, как можно подписать подобное соглашение, и так было с обеих сторон. В США существовали силы, которые потрясены были шагами президента навстречу СССР. И американский президент пал жертвой этого соглашения. А среди советских руководителей решили, что конфликт с Китаем зашел слишком далеко, Хрущев ведет себя со-

вершенно неверно. Затем последовала встреча Мао Цзэ-дуна и японских социалистов, и Хрущев пал. „Голова Хрущева была на блюде поднесена китайцам", – написал один американский журналист. Это уж, конечно, слишком, но одной из главных причин свержения Хрущева явились события лета 1963 г. Хрущев, разумеется, обострил конфликт, но ведь конфликт существовал и до него, как существовали и существуют причины, породившие спор с Китаем.

Само же соглашение с США, к которому так рвался Хрущев, мало что дало для СССР. Остановить распространение атомного оружия не удалось. Все страны, которые по каким-либо причинам решили добиться, пусть в далеком будущем, самого разрушительного оружия, не пошли на подписание этого соглашения. Не пошли ни под давлением США, ни по приказу советских руководителей. Но распространение оружия массового уничтожения все же затормозилось. Точнее, все страны оказались в большей или меньшей зависимости от сверхдержав при создании своего атомного оружия.

Вся эта кампания, столь широко разрекламированная в те годы, по-видимому, ничего не дала человечеству. И главное – диктовалась она лишь интересами сверхдержав, их имперскими интересами, а отнюдь не заботами о благе рода людского.

Правда, удалось сократить число ядерных испытаний. Это – единственный положительный результат всех этих длительных и трудных переговоров и соглашений.

Тем временем и без советской технической документации китайцы создали свое атомное оружие, свои ракеты, свою военную промышленность. Гово-

рят, что сильно помогли им в этом китайские ученые из США. Американцы разрешили им выехать в Китай. Некоторая задержка развития китайской военной промышленности произошла по вине некоторых просоветских группировок, препятствовавших осуществлению планов перевооружения Китая современным оружием. Судя по всему, ныне принят курс на самое быстрое создание внутри Китая заводов по производству вооружения, даже китайского электронного оборудования. Предполагается также широкая закупка всего необходимого за рубежом. В общем для нас-то все это безразлично. Хуже чем есть, уже быть не может.

Когда мы сегодня говорим о войне, о тех ужасах, которые она принесла, и о том, что она принесет человечеству в будущем, мы думаем о ней лишь как о чем-то бесконечно страшном, что мы хотели бы предотвратить, избежать. Но в мире даже сегодня существуют и те, кто надеется на войну. Да, на самую ужасную и самую разрушительную войну, надеясь в ней найти, обрести для себя нечто более важное — освобождение. И если в мире есть силы, желающие и могущие предотвратить атомную войну, то несомненно существуют и те, кто сделает для того, чтобы приблизить ее, все возможное.

История Первой мировой войны бесспорно свидетельствует об этом. Пали великие империи, но на их развалинах возникли новые независимые государства. Исчезла Австро-Венгерская монархия, но появились на карте мира Венгрия, Чехословакия, Югославия. Даже советская империя вынуждена была предоставить некоторую независимость Латвии, Литве, Эстонии, Финляндии.

Несомненно, что сейчас существуют круги, гото-

вые на все, лишь бы столкнуть нас с Китаем, как хотела когда-то Франция в 1914 г., чтобы Россия дралась за ее интересы! И пошел русский царь на поводу у французов. Втянулись мы в ненужную, не нашу войну, которую мы, русские, могли легко избежать. Теперь мы знаем, что и внутри России существовали группы заговорщиков, стремившихся столкнуть Россию с Германией для своих личных целей – для захвата власти, для наживы и, может, для того, чтобы развалить Российскую империю.

Так и сегодня, внутри СССР и вне его, существуют сильные группировки власть имущих (назовем их так), готовые на все, лишь бы стравить двух гигантов. Достаточно вспомнить, что перед Второй мировой войной немцам подсунули документ, в котором говорилось, что СССР немедленно нападет на Германию, как только она начнет крупные операции (М. Хайд. „Комната 3603", сс. 98-99). Дезинформация о намерениях напасть друг на друга подсовывалась и СССР и Германии, ибо были те, кому хотелось, чтобы они воевали. Обстановка не изменилась и сегодня. Более того, соблазн стал еще больше. Достаточно посмотреть на карту Европы, чтобы все понять. Не столь уж важно, с какой именно стороны будет предпринята подобная акция, но она может иметь место. Однако необходимо помнить, что на сей раз у провокаторов войны возможности куда более ограничены. Китай не окажет дружеской услуги руководству СССР, он не сделает ни малейшего шага в сторону военного конфликта. Он будет ждать, ибо время явно работает на него.

В своем интервью зарубежным корреспондентам замминистра иностранных дел КНР 21 сентября 1977 г. утверждал, что СССР сосредоточил на совет-

ско-китайской границе только 1 миллион солдат, в то время как остальные 3 миллиона находятся в Европе. Следовательно, делает он вывод, возможен удар сначала в Европе и оккупация одной или нескольких стран.

Не следует ожидать, что советское руководство сосредоточит на Востоке всю свою армию. Спутники американцев немедленно засекут резкое наращивание сил. Аппаратура, установленная на спутниках, позволяет различать даже ядерные боеголовки, уложенные в штабеля. Не замаскируешь все в наш век технического прогресса. Кстати, американцы прекрасно осведомлены о передвижениях вдоль советско-китайской границы, даже если судить по передачам зарубежного радио. А ведь какой бы вариант ни был принят: общее вторжение или „небольшая" превентивная акция, внезапность и быстрота – вот два главных условия успеха. А если в газетах да по радио начнут трубить, как слон на водопое, то неизвестно, как обернутся дела.

Еще необходимо помнить, что, несмотря на вытеснение маршалов из Политбюро, влияние военных всегда сильно чувствовалось. Например, во время борьбы за власть в 1953 г., или поддержка маршалом Жуковым Хрущева в 1957 г., и, наконец, действия в Чехословакии, когда военные настояли на введении армии. Да военные пытались подавать голос и после 1968 г., особенно в конце 1972 и начале 1973 г., когда принимались исключительно важные решения в связи с намечавшимся тогда Хельсинкским соглашением. Одним словом, маршалы, если увидят, что в Политбюро окончательно перегрызлись, могут вступить в действие.

Среди высшего руководства безусловно знают о

росте и размерах западной военной помощи Китаю и понимают ее значение, особенно после стабилизации внутреннего положения Китая. Смотреть безучастно на непрерывное усиление китайской армии маршалам трудно, и они могут при известных обстоятельствах сыграть сигнал „в атаку".

Кроме тех групп, о которых мы уже кратко упомянули, есть еще одно течение, правда не слишком влиятельное, но имеющее будущее, хотя, вероятно, ни один его представитель не входит в Политбюро. Но в ЦК они, видимо, есть. Проф. Агурский, на которого мы уже ссылались, называет это течение не совсем удачно „национал-большевизмом". Он даже указывает на двух-трех представителей этого направления. Несомненно, что даже на вершине советской пирамиды власти есть силы, отрицательно относящиеся к непрекращающейся экспансии. Кроме того, они выразители массового недовольства состоянием славянских народов – и прежде всего русского народа, – их низким жизненным уровнем, падением рождаемости, пьянством. Представители этой группы стремятся направить все усилия на решение внутренних проблем страны. В политике нынешнего руководства они видят прямую угрозу существованию русского народа. Они постараются нейтрализовать действия крайних империалистов в руководстве, но их силы не очень значительны. И самое важное – у них нет союзников среди других групп „наверху".

Возвращаясь к концентрации советских войск на различных участках имперских границ, необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство. Макиавелли говорил, что любая тирания создает две армии: одну – для борьбы с внешними врагами, дру-

гую – для того, чтобы держать в повиновении собственный народ. Но советскому руководству приходится держать не две, а три армии. Третья армия стоит в Восточной Европе, „в братских странах социализма", и ее оттуда никогда не выведут, что бы ни произошло на Дальнем Востоке. Конечно, на советско-китайскую границу могут быть посланы дивизии из ГДР, Чехословакии или Болгарии. Но боеспособность этих соединений вряд ли окажется высокой, да и последствия их посылки предусмотреть невозможно. Как поведут себя эти формирования перед лицом перспективы быть перемолотыми в атомной войне в бескрайних степях Азии?

Причем, если конфликт окажется затяжным, партизанские действия будут неизбежны и не только на просторах Поднебесной.

С военным конфликтом связана и другая проблема, которую можно назвать условно мировой гражданской войной.

Впервые с понятием „европейская гражданская война" мы сталкиваемся у Дж. Фуллера, который определил Вторую мировую войну, как войну гражданскую (Дж. Фуллер. „Вторая мировая война...", с. 530). Нам кажется, что это совершенно правильно. Против советских армий воевали добровольцы не только из союзных с Германией стран, но и граждане тех стран, которые были оккупированы немецкой армией. Например, четыре французские дивизии участвовали в операциях немецкой армии. Было много добровольцев из Голландии, Бельгии и даже Дании. Мы уже не говорим о том, что к противнику примкнуло много граждан СССР и, надо сказать, что дрались они не за страх, а за совесть.

Ныне ситуация складывается подобным же обра-

зом. Чрезвычайно сильны разногласия или, если хотите, „противоречия" внутри различных, прежде всего национальных групп населения во многих странах, и несомненно будут сделаны попытки при благоприятной обстановке изменить статус-кво в той или иной стране.

Кроме того, в самом СССР сформировался правящий класс, „новый класс" (по определению М. Джиласа), который очень цепко держится за власть, за свои колоссальные преимущества, эксплуатирует все остальное население империи и обладает привилегиями, в ряде случаев большими, чем помещики в царской России в XVIII в. Принадлежность к этому классу строго определяется пресловутой номенклатурой, и достаточно кому-нибудь однажды оказаться в этой номенклатуре, как он сразу чувствует, что поднялся на голову над остальной массой советских граждан.

Видимо, новое китайское руководство учло изменившуюся обстановку и невозможность использовать старые догмы сегодня, в век ЭВМ и спутников связи. В Китае была разработана и выдвинута теория зон. Ныне она развита и получила новое истолкование.

Основные положения новых концепций, принятых в Китае, в самом общем виде могут быть сведены к следующему: раньше враждовали классы внутри страны, ныне враждуют целые страны. Классовая борьба как бы поднимается на новую ступень, качественно меняется.

Важным представляется и то положение, выдвинутое китайскими теоретиками, что ныне более не существует социалистического и капиталистического лагеря, а расстановка сил в мире несравненно бо-

лее сложна. Главным представляется противоречие между народами мира и советской империей. В то время как советское руководство с тупым упорством держится старых теорий, обосновывая свое господство, китайцы ищут теории более совершенные, более соответствующие современному мировому кризису.

Очаги возможных будущих гражданских войн есть и в Африке, и на Евразийском материке, и даже в Америке.

Ситуация в известной мере усугубляется тем, что ни одна страна не может чувствовать себя в безопасности. Советская империя располагает огромными транспортными средствами и в состоянии перевезти не то что армии, а все вооруженные силы какого-либо государства из одного конца мира в другой, как это уже было продемонстрировано. По приказу своего патрона, но и не без собственного тщеславия, маленькая и бедная Куба посылает свою армию в Африку, но ее можно послать и на Филиппины или в Индонезию. Они приплывут куда угодно. Они могут туда даже прилететь. Нынешние руководители СССР полностью поменялись ролями с „владычицей морей" – Великобританией.

Но, говоря о войне, нельзя обвинять только одну сторону и снимать полностью ответственность с другой. Дж. Фуллер пишет о том, что, вступая во Вторую мировую войну, Великобритания прежде всего защищала свои интересы, интересы великой державы тогдашнего мира. Вместо того, чтобы честно признать это, английские политики провозгласили „войну со злом" и придали войне характер моральной акции (сс. 26-27).

Нам хотелось бы добавить, что подобное всегда

имеет место в истории. Проявилось это и в истории Второй мировой войны. Взять, например, Польшу. Она подверглась агрессии с двух сторон, мужественно сражалась и пала. Все верно! Но многие ли знают и помнят, что эта самая Польша, за год до начала войны, воспользовавшись мюнхенским соглашением, вторглась 2 октября 1938 г. на территорию независимого государства Чехословакии, оккупировала Тешинскую область, захватила территорию с населением в 227 тыс. человек, из которых поляки составляли всего 33,5%, а может быть даже и меньше? Стоит вспомнить, не правда ли? Хороший урок истории. Не разрушай дом чужой, ибо сам можешь погибнуть под обломками. Если ты посеял насилие и смерть, то не жди других исходов и для себя. Повторение прописных истин перед началом...

О характере военных действий судить трудно. Но что касается района будущего конфликта, – или, проще говоря, старого вопроса, „где начнут", – то несомненно может иметь место и сознательная дезинформация, ибо половина успеха в войне, той, на которую рассчитывает руководство СССР, заключается во внезапности.

Все были уверены, что „либо мы по японцу вдарим, либо он по нас", и тогда все начнется. Но японцы „вдарили" по американцам. Да и вообще война часто напоминает карточную игру, по крайней мере, так считал Клаузевиц. Однако от обстановки перед Второй мировой войной нынешняя обстановка отличается тем, что сомнений, где „вдарят", нет.

Многие годы военные специалисты и обозреватели склонялись к тому, что любой будущий конфликт (между великими державами) скорее всего будет конфликтом с применением атомного ору-

жия, „молниеносным", „не будет ни победителя, ни побежденных", и т.д. И вообще, в результате будущей войны все погибнем. Однако были и те, кто отрицал возможность гибели человечества в результате термоядерной войны, не отрицая гибели сотен миллионов людей и тех невероятных страданий, которые она принесет. Другое дело, каким станет мир после первой в истории атомной войны.

Одним из тех, кто отрицал возможность гибели всего человечества в результате войны, был и крупнейший физик Дж. Томпсон, лауреат Нобелевской премии и автор книги „Предвидимое будущее" (в русском издании, пер. Н. Макаровой, М., 1958). Кроме того были и военные специалисты, критически относившиеся к пророчествам о гибели всего живого на нашей планете. Среди них и П. Галлуа – бывший начальник французского генерального штаба. Он написал отличную книгу „Стратегия и ядерный век"; в ней он указывает, что размеры советского подводного флота явно свидетельствуют о том, что советские вожди готовятся к длительной, а не кратковременной войне. Да и непрерывное наращивание вооружений обычного типа, на которое давно уже обратили внимание на Западе, тоже не последний довод в пользу подобного заключения. Что касается советских руководителей, то у них и тени сомнения нет по данному вопросу. Они уверены, что переживут атомную войну.

В целом, решение о принятии того или иного варианта войны зависит не только от стратегической целесообразности данного решения. Прежде всего решение о „включении рубильника войны" зависит от расстановки сил в Политбюро. Зависит от того, какая фракция возьмет верх, или просто от

воли того или иного, следующего, „вождя советского народа". И, конечно же, от поведения США.

Следует обратить внимание и на публикации по военным вопросам в СССР. Их много и они самые различные, от брошюрок типа „Военная политика маоистов", которые не имеет смысла и рассматривать, до специальных монографий типа уже цитировавшейся нами книги Б. Г. Сапожникова „Китай в огне войны". Она интересна и несомненно рассчитана на военных. Однако среди всех книг по вопросам, связанным с возможностью будущего конфликта, особый интерес представляет книга, на первый взгляд как будто не имеющая прямого отношения к Китаю. Она написана коллективом авторов под ред. А. А. Иванова: „Начальный период войны" (М., 1977).

Она повествует о днях минувших, о первом, самом страшном для нас периоде Второй мировой войны. А на самом деле говорит о будущем. Большая глава посвящена военной кампании на Дальнем Востоке в 1945 г. Подробно описывается действие десантов, ход операции, может быть, более тщательно, чем наши неудачи в 1941 г. на Западном фронте (с. 300). Целая глава уделена ПВО. Подвергается рассмотрению организация ПВО и результаты ее действия. Даются разумные рекомендации. Работа выполнена на высоком уровне, специалистами, со знанием дела.

Особое внимание обращает на себя глава, посвященная эффективности мер по дезинформации войск противника перед началом внезапного нападения. Есть места, где говорится о состоянии дорог в Маньчжурии. Сообщается, что на военный бюджет перед войной официально тратилось 43,4%, а на са-

мом деле – 56-58% (с. 199). Одним словом, работа военная, серьезная, высокого качества, без риторики и производит впечатление делового отчета. К сожалению, как обычно, очень многое из начального периода войны тщательно обходится молчанием, а то и просто фальсифицируется. Нет настоящих данных о пленных, о настроениях населения, об отношении к противнику в занятых им районах в первые месяцы войны, о снабжении населения и отступающих войск. Но эту книгу стоит отметить. Она написана военными, а не профессиональными пропагандистами, и с прицелом на будущее.

Как мы уже говорили, в 1944 г. война явно близилась к завершению. В июне союзники высадились в Европе. Советское руководство решило, что пора подумать об „освобождении" народов Азии. Тогда советское руководство значило – Сталин. Была предпринята попытка создания на территории Синьцзяна „независимого государства"; казалось – расчленения Китая избежать не удастся. Тем более, что китайским коммунистам, видимо, не слишком доверяли. Расчленение Китая наверное было возможно, если бы советское руководство не разбрасывалось, а действовало более целеустремленно. Но, как потом выяснилось, советское руководство стремилось проникнуть в район Персидского залива, а заодно прибрать к рукам Иран или, на худой конец, разделить его на сферы влияния. С этой целью в Иранском Азербайджане создано было „независимое" правительство, но после демарша союзников Сталин отступил. Кроме того, много внимания сосредоточено было и на Восточной Европе, которую оккупировали советские войска.

В декабре 1945 г. в Москве состоялось совеща-

ние министров иностранных дел СССР, Великобритании и США о невмешательстве во внутренние дела Китая. И все вмешивались и продолжали вмешиваться и после конференции. На этом-то совещании Молотов и повторил уже ранее сделанное (видимо, через фельдмаршала Монтгомери) правительству Великобритании предложение о заключении военного союза с СССР. Предложение было сделано сугубо неофициально, с глазу на глаз, как личное предложение главы СССР. Сталин, видимо, опасался Китая, несмотря на полный разгром Японии и отсутствие у китайцев каких-либо настоящих союзников.

План состоял в общих чертах в следующем: между СССР и Великобританией заключался военный союз, Синьцзян становился независимым государством (разумеется, под советским протекторатом), Тибет также становился независимым государством и СССР готов был признать особые интересы Великобритании в Тибете. План содействовал укреплению британского владычества в Индии. Более того, открывалась возможность присоединения к Великобритании новых территорий. СССР и его руководитель заботились о сохранении колониальных владений Англии. Кроме того, предполагалось присоединение китайской части Монголии к советской.

Сталин не отличался особой политической проницательностью и, видимо, не понимал, что дни колониального правления в Индии сочтены, а следовательно англичанам придется убираться из этого района. Правительство Бевина отказалось от союза. Через два года Индия получила независимость.

Здесь мы видим точное воспроизведение „плана Цыбикова". Ничего нового: в первую очередь пла-

нируется отделение от Китая Синьцзяна и Тибета. Цель – резкое ослабление его могущества.

Сталин и раньше предлагал заключить подобное соглашение Японии, еще до апреля 1941 г. Но и там не пошли на заключение такого договора. Мы уже приводили слова Солсбери. Он считает, что советское руководство сосредоточило огромные силы в Сибири, держало там мощную армию, даже после разгрома Японии, единственно потому, что панически боялось Китая (Солсбери..., сс. 99, 160).

Безусловно, в тот период Китай стоял перед угрозой отделения от него Синьцзяна. Существовала возможность отрыва и других территорий. Несомненно, прав Солсбери и другие специалисты, указывавшие на колебания и зигзаги в советской дипломатии по отношению к Китаю в тот решающий для победы китайских коммунистов период 1947-49 гг.

Советское руководство могло в тот период ввести свои войска на территорию Китая, но не ввело, и, видимо, не угроза со стороны западных союзников помешала это осуществить. В тот период главным для Сталина был прорыв в оставшуюся часть Европы – западную, тем более что в Греции уже шла гражданская война, положение в Италии явно благоприятствовало вторжению, а в других странах Европы также не существовало единства. Сталин решил, что для осуществления его европейских планов лучше иметь объединенный дружественный Китай с неистощимыми запасами пушечного мяса. Не следует забывать, что советское-то руководство знало, что потери СССР в войне составили, видимо, 20-22 млн. человек.

Очевидно, колебания продолжались до самого конца, даже при посещении СССР Мао и его встречах

с советскими руководителями уже после победы в гражданской войне в октябре 1949 г. Шла очень сложная политическая и дипломатическая борьба, и не Микояну и Молотову тягаться было с Чжоу Эньлаем, публично насмехавшимся на банкетах и раутах над их невежеством.

И советское руководство просчиталось. Одержимые своей идеологией, они наивно верили, что раз Япония разгромлена, а Китай стал „младшим братом" на века, то можно указать ему его место на сцене и положенную роль. Но актер не явился на сцену. Предвоенные просчеты, казалось бы, должны были их отрезвить, но одержимые жаждой власти, власти всемирной, без границы и дна, той власти, которой они упивались, над несчастными народами своей империи, они просмотрели „главное звено, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь". И народам СССР и, прежде всего, русским предстоит расплачиваться за их преступную политику. Отметим, когда Хрущев явился в 1958 г. в Китай дать руководящие указания „младшему брату", ему указали его настоящее место на этой самой сцене.

КИТАЙСКИЙ ВОПРОС

Существование Китая не зависит от воли и желания советского руководства. Но кроме Китая существует еще и „китайский вопрос", а он больше и сложнее, чем даже колоссальная держава за рекой Амуром. Мы уже говорили, что с „китайским вопросом" связаны самые глубокие и жизненные процессы и явления в нашей стране.

Китайский вопрос должен быть решен или он станет причиной гибели нашего народа. Не будет преувеличением сказать, что вопрос этот стал величайшей трагедией нашего Отечества. И после 1917 г. в стране уже не существовало сил, хотя бы пытавшихся разрешить китайскую проблему, исходя из обоюдных интересов двух наших великих держав.

Китай не исчезнет ни завтра, ни через столетие. Он будет существовать тогда, когда монументы нынешних владык СССР превратятся в прах. Нам жить с Китаем бок о бок до скончания века. И нам всегда стоит помнить о том, что китайцы старше нас на 25-28 столетий. Китай существовал как большое и сильное государство задолго до прихода в мир Спасителя. Канули в историческую безвестность великие империи и большие народы. Исчезли целые цивилизации, а Китай стоит незыблемо... Не должно быть ни малейшей идеализации, но должно помнить, что не невежественным, ограниченным, одержимым жаждой власти советским вождишкам тягаться с древней, но все еще могучей цивилизацией. Даже если тем, кто правит СССР,

опять несказанно повезет и они раздавят противника за рекой Черного Дракона и сумеют его даже расколоть, то они лишь принесут нам гибель и неслыханные страдания. А если не сумеют?

У нас не будет истории без решения китайского вопроса, не будет и будущего. История не кончается даже с самой блестящей победой.

У нас много спорных вопросов, возникших по вине тех, кто правил нашей бедной страной, по вине тех, кого метко окрестили „бандой иностранных авантюристов". Но на самом деле китайский вопрос возник сто лет назад. А это совсем немного, и мы смогли бы спокойно, без спешки, перенять все подлинно хорошее и приемлемое для нас и условий, существующих в нашей стране, оставаясь при этом свободными людьми на свободной земле.

И несмотря на неуверенность, взаимную вражду и плохое управление государством, Китай сегодня нам кажется несравненно более сильным, чем десять лет назад. И здесь дело не только в его вооруженных силах. А. Тойнби и один из самых известных ныне специалистов по Китаю Дж. Фейрбэнк считают китайских руководителей весьма осторожными и прагматичными политиками, твердо знающими, чего они хотят и что они могут. Тойнби считает китайцев ведущей нацией, несмотря на исключительно плохое экономическое положение страны. Он указывает на огромный двухтысячелетний опыт сосуществования многих наций в одной стране.

Фейрбэнк также полагает, что взгляды китайцев на международные проблемы намного дальновиднее, чем у современных политических деятелей во многих западных странах. Китай обладает большими природными ресурсами для обеспечения своего

населения. Он-де понимает опасность чрезмерного распространения своих владений за определенную черту и никогда не пойдет на это. Китай, мол, никогда не пошлет войск за границу, если он сумеет этого избежать. Он-де всегда стоял на двух принципах – „стены" и „признания". „Стена" означает неприкосновенность границ Поднебесной. „Признание" – признание ее прав и достоинства. Китайское руководство лишь хочет играть определенную роль в мире. Однако, видимо, эти понятия много сложнее и отнюдь не сводятся к тем кратким формулировкам, которые мы привели выше.

Но кто знает, что произойдет в будущем? Никто не знает. Одно нам представляется несомненным. Китай вряд ли упустит возможность раз и навсегда избавиться от своего настоящего и единственно опасного соперника. Мы уже сказали, какие возможности откроются для этого на истерзанной, пораженной радиацией евразийской земле.

Действительно ли правы А. Тойнби и Дж. Фейрбэнк, утверждающие, что Китай – наиболее приспособленная к выживанию нация?

Как пример крайне осторожного поведения Китая на международной арене и даже во время крупных конфликтов, обычно приводят Северную Корею. Во время корейской войны и после нее страна была наводнена сотнями тысяч китайских солдат. Затем, в 1958 г., без всякого давления китайцы вывели войска из Северной Кореи.

Необходимо отметить, что сравнивать строй в Китае и в СССР вряд ли возможно. Разница принципиальная, и, как сказал бы „диалектик", – качественная. С самого начала китайская революция осуществлялась людьми, опиравшимися на крестьян, и

сами они в большинстве случаев являлись выходцами из толщи народа, в то время как руководство революцией в России осуществляли люди, которые даже формально не принадлежали к коренному населению страны, а многие были платными агентами других держав. Они не понимали народ, были чужими, и им платили враждой. В Китае все без исключения руководители движения принадлежали к коренному населению и в полном смысле слова являлись сынами своего народа. Они прежде всего боролись за освобождение древней и гордой цивилизации от иностранного владычества – будь это японцы или англичане, французы и т.д. Они не организовывали „революции" в других странах, не вмешивались в чужие дела, не тратили миллиарды своих денег на бесполезные авантюры за пределами своей страны.

„Китайская революция" – это совсем не борьба нового со старым, что, как многие считают, происходило, скажем, во Франции, когда против Людовика выступали французские революционеры; тем более она не похожа на организацию „стран социализма" в Восточной Европе после 1945 г. События последних 30-40 лет в Китае – совершенно особое явление.

Китайцы сумели избежать ряда крайностей, погубивших Россию. Они не истребляли поголовно один класс или, точнее, какую-либо группу населения. Они даже сохраняли длительное время „целые слои". Например, т.н. „народных капиталистов", которые не только не были изгнаны, но даже приумножили свое состояние, принося своей стране большую пользу. Китайцы не убили своего последнего императора, кажется, он даже стал полноправным членом собрания народных представителей.

Китайцы не рассматривают проживающих за границей китайцев как врагов своего отечества и не преследуют их с безумной ненавистью, как преследует советская власть своих бывших граждан на протяжении 60 лет. Напротив, они пользуются правом возвращаться на свою Родину, пересылать туда свои сбережения. Их не травят, не обвиняют в предательстве своей страны, как это происходит в нашем бедном Отечестве. Более того, нынешнее правительство Китая опирается на живущих в других странах китайцев, в случае нужды используя их влияние или капиталы.

Утверждают, что Китай „держит ключи от будущего". Может быть это и так, но владение ключами не означает, что будущее принадлежит обладателю ключей. Это как в той детской сказке, нужно знать, где находится дверь, которую предстоит открыть этим золотым ключиком. И самое важное – нужно удержать ключи в руке...

Все сказанное не означает, что Китай выживет, а советский режим исчезнет, сгорит. Никто не знает, что будет, а кто скажет „я знаю" – солжет. Но существуют планы, вполне определенные планы, как существуют армии, подтянутые к границам и готовые действовать при первом благоприятном моменте. Заметим, что он пока так и не наступил.

В известной мере до 1975 г. китайцы лишь защищались. У них ни на что другое не оставалось возможностей. Однако все обозреватели отмечают, что с 1975 года успехи Китая стали явными и он сумел перейти в наступление на международной арене. Советское руководство заволновалось и начало яростно отвечать. Именно после смерти Мао Китай и пере-

хватил инициативу, загоняя советских руководителей в угол.

Китайцы призвали к созданию объединенного фронта в борьбе против советского руководства („Женьминьжибао", 1.11.1977), а Президиум Верховного совета СССР обратился 24 февраля 1978 г. к КНР с письмом (фактически заявлением на высшем уровне) с предложением улучшить взаимоотношения между двумя странами. После того, как была утрачена последняя надежда на заключение договора с Японией.

К концу 60-х годов до советских лидеров дошло, что они проиграли идеологическую войну-борьбу, о которой столько трубили советские средства массовой информации. И выстрелы у Кремля в Москве в январе 1969 г.* ознаменовали начало нового этапа советской истории и, как многое, действительно поворотное, решающее в истории, они прошли совсем незаметно.

Затем медленно, но неотвратимо ухудшалось экономическое положение страны и в особенности положение в области сельского хозяйства. Стало совершенно очевидно, что никогда США догнать не удастся, как не удастся достигнуть уровня Японии. Советское руководство уже не в состоянии существовать и править без иностранных кредитов или технической помощи. О необходимости ввоза зерна из-за рубежа и говорить не приходится.

На международной арене обстановка также не радовала. Коммунистические партии не только в Европе, но и в других частях мира проявляли все боль-

---

*Покушение лейтенанта Ильина на Брежнева. – Р е д.

шую самостоятельность и не хотели слушать „ценных указаний советских товарищей".

В стране появилась оппозиция. Пока маленькая, но горластая и хорошо организованная. В основном московская или „центровая оппозиция". И, наконец, советское руководство осознало, что в стране действуют группы сопротивления, пусть незначительные, пусть плохо связанные между собой, но действительно опасные своей решимостью и мужеством. Все это выяснилось через полвека после того, как, казалось бы, все противники должны были исчезнуть навсегда. Казалось бы, они уже давно в братских могилах. Теперь же, напротив, их численность стала возрастать.

„Восстановление идеологической гегемонии" особого успеха не имело. Тиски внутри страны утратили былую силу, особенно после того, как появилась маленькая лазейка для выезда из страны. Поголовное сопротивление евреев и решительные действия их организаций в Европе и США еще более ухудшили обстановку.

Пока советское руководство упивалось своей мощью и мнимыми космическими достижениями, все попутчики, как на международной арене, так и внутри, исчезли.

Однако в военном отношении мощь СССР резко возросла. Причем значительные усилия прилагались к увеличению так называемых обычных видов вооружения и улучшению их качества. Свою усиливавшуюся изоляцию советское руководство стремилось компенсировать наращиванием своей военной мощи.

Советские руководители осознают, что полагаться во внешней политике они могут только на свою

неописуемо страшную ядерную мощь и на поставки всего необходимого, включая и целые заводы, из капиталистического мира. Во внутренней только на одно – прекрасно организованный, колоссальный, всепроникающий полицейский аппарат.

И на фоне всего этого появляется, встает, словно из далекого прошлого, гигантская, ужасающая фигура – призрак террора. Террор становится в повестку дня. Поджоги и взрывы в Москве – подтверждение этого. Однако все происходящее в Москве хорошо известно на Западе, а сколько таких случаев в провинции, „в глубинке", о которых и понятия не имеют не только западные корреспонденты, но и даже участники групп сопротивления. Безгласность – вот, что действительно страшно.

Так и остался СССР и его вожди один на один с Китаем. Оглянулись вокруг – и нет более никого: ни „мощного арсенала демократических держав" (так в советской прессе времен войны именовались США), ни „могучей демократической державы" (это Англия). Никого, лишь уныло стоящие под дулами советских орудий „братские страны социализма", точно как зэки на плацу. Случись что, они покажут...

Любопытно, что, проклиная, где только возможно, Троцкого и троцкизм, советские руководители в известной мере следуют его советам. Поддержка всех движений во всех частях и уголках планеты, если их можно поставить под свой контроль, экспансия при прямом военном участии мощных „революционных соединений" – экспедиционных корпусов, с целью подталкивания революции. Все прямо по Троцкому.

Все дальние и близкие соседи СССР, даже самые

„преданные братья", живут в страхе. Но и сами руководители советской империи напоминают людей, хотя и вооруженных до зубов, но чрезвычайно напуганных. Они прекрасно понимают, что их ненавидит весь мир, их вчерашние союзники, которых они вооружали, а затем с легкостью предавали. Их ненавидят партизаны, которым они поставляют оружие и своих советников-инструкторов. Более того, их ненавидят даже коммунисты в самых различных странах мира, которых еще до недавнего времени они считали своей пятой колонной.

Советское руководство готово сражаться, но не готово произвести серьезные перемены внутри страны. И это понятно. Они – да, собственно говоря, никто – не знают последствий любых перемен в империи, они непредсказуемы. И самое главное – им не удалось покончить с открытым сопротивлением внутри страны. Советское руководство прекрасно знало уже 10 лет назад, что покончить с нарастающим движением сопротивления не удастся „обычными методами", „нужен революционный террор". Когда говорят, что советское руководство „не запускает машину террора из боязни, что она начнет уничтожать и своих создателей", это не совсем верно. В период 1918-22 гг. уничтожались именно те, кто являлся – или считалось, что является – противником режима; самих владык „топор" не коснулся, они начали уничтожать друг друга много позже. Сейчас же на глазах у всего мира начать уничтожать миллионы людей невозможно. Для этого необходимо наступление чрезвычайных условий, а тогда, в обстановке войны и неразберихи, они рассчитывают покончить раз и навсегда с любым движением сопротивления, уничтожить „носителей враждеб-

ной идеологии" полностью и окончательно. Они считают, что могут одновременно разрешить сразу две проблемы: укрепить свое положение и вернуться на какой-либо новой основе к позиции – „две сверхдержавы диктуют свои условия".

Китайский вопрос существовал до того, как возникла советская империя. Но те, кто управлял ею, с непостижимым упорством делали все возможное, чтобы ухудшить взаимоотношения с Китаем. Те, кто командовали в нашем бедном Отечестве, занимались чем угодно, только не разрешением этой главной внешнеполитической проблемы России, а когда это обнаружилось, то оказалось, что уже поздно.

Они, и только они, привели страну к полному одиночеству и изоляции. И именно потому, что в своем конфликте с Китаем они полностью одиноки, они стали чрезвычайно опасны. Политические акции советского руководства на международной арене прежде всего недальновидны, тем более, что внутри советского руководства, не считая середины 20-х годов, никогда еще не было столь острых разногласий и такой ожесточенной грызни.

И в нынешнем конфликте с Китаем никто не виноват: ни царская Россия, ни „мировой империализм", ни экономические трудности. Они, и только они, виноваты в том, что мы – на краю бездны атомной войны...

Китайцы оказывают им известную помощь в деле возбуждения неприязни к „желтым". Выпускаются всякого рода книжки с картинками, возбуждающие неприязнь к русским, проводится широкая кампания через средства массовой информации. Вот в Шанхае в 1975 г. выпущена большим тиражом книжка-картинка „Сокрушительный отпор старым ца-

рям". Книгу распространяли по всем крупным городам Китая. Книга неумная, открыто русофобская. Или чего стоит китайский боевик „След медведя"! Описания сцен из этого фильма гуляют по страницам советской периодической печати и даже используются в теоретических работах. Подобная „пропаганда" очень „к месту" в современной обстановке.

Китайцы, недопонимая крайнюю обоюдоострость своей антирусской пропаганды, дают в руки советского руководства сильное оружие. Постоянно ставится знак равенства между понятиями „русский" и „советский". Всячески подчеркивается „русская угроза", которой вот уже скоро 60 лет и существовать-то не может. А понимания этого у китайцев нет, как нет и на Западе.

Для „старичков" это прямо находка. Вот, мол, где подлинная опасность нашему народу. „Будем бдительны, товарищи"! „Нам угрожает опаснейший враг".

Все это используется с вполне ясной целью и имеет известное воздействие. Опять, как в 1941 г., „За Родину!", – а также за наши виллы на берегу Черного моря, за наши коллекции картин и автомобилей, за наших шлюх, за наши подмосковные дачи – „вперед!"... Одним словом, не за Политбюро, но „за Русь!" И опять прикроют телами, миллионами трупов, гибелью всего народа нашего... Защитим их власть над нами.

Но вопрос сейчас не стоит, что, мол, люди ищут одного, а находят другое, то есть результат прямо противоположен намерениям. Ныне вопрос стоит только так: как нам уцелеть? Как продолжать свое историческое существование?

Вне зависимости от того, кто и как будет править в СССР через 3 года или 30 лет (если империя еще будет существовать), придется решать „китайский вопрос". И решение может быть и должно быть мирным и справедливым.

МИР НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

> „На основании древних дружественных отношений к Китаю, Россия может с бо́льшим, чем какая иная держава, основанием вступить в союз с Китаем. Но тут надо не опоздать, а опоздаем, – худо может быть с разных сторон и нам и всем" (Д. И. Менделеев. „Дополн. к познанию России...", с. 65).

Совершенно очевидно, что как бы ни пошли дальше дела наши, да и не только наши, но „китайский вопрос", спор с Китаем, становится главной проблемой нашей истории. От разрешения спора с Китаем зависит наша судьба, судьба русского народа и других народов, живущих с ним на одной земле.

Что бы ни случилось – внезапные осложнения в Европе или внутреннее восстание в империи – безразлично: „китайский вопрос" останется главным, даже если и не произойдет прямого военного конфликта. Печать спора лежит на всей политике СССР и даже больше, на всей жизни в стране, пусть это сегодня далеко не все понимают.

И если суждено нам избавление от тирании, то и тогда, не разрешив „китайского вопроса", мы не станем свободными, и над нами снова нависнет опасность. Каким бы ни оказалось будущее правительство государства российского, первой его задачей явится решение этого вопроса.

В известной степени нынешнее советское руко-

водство следует наивному совету Герцена, предлагавшего сблизиться с США на берегах Великого океана, подать друг другу руки, а затем повернуться спиной к Европе.

Подать друг другу руки, это хорошо, но зачем же поворачиваться спиной к Европе или к Китаю? Во-первых, это невежливо, а во-вторых, – неосторожно. Ракету в спину легко всадить. Нет смысла поворачиваться спиной к кому бы то ни было – ни к маленькой Финляндии, ни к большому Китаю. Да и не учел Герцен, что превратятся Япония и Китай в могучие державы. Прав, видно, был К. Н. Леонтьев, писавший: „У Герцена почти все, что касается политики – бредни; но зато все, что касается *жизни – прекрасно*" (К. Н. Леонтьев. „Национальная политика, как орудие всемирной революции", с. 15).

Центр мировой политики перемещается на берега Тихого океана. И наше будущее уже началось там, где восходит солнце, где завтра или через столетие будет решена судьба наша, судьба России.

И пока мы не покончим с „китайским вопросом", мы никогда не сможем обрести мир и покой. И предстоит нам решить эту, может быть, величайшую проблему на нашем историческом пути, осознавая величие возложенной на нас миссии. Только справедливое соглашение всех сторон приведет нас к миру с нашими соседями – Японией и Китаем. И обрести его можно лишь созданием союза трех держав, союза равноправного, не затрагивающего интересы и отношения договаривающихся сторон с другими странами, но разрешающего главные споры между ними – споры территориальные. Вместо болтовни, фальшивого мира и подготовки новой вой-

ны, дать нашим народам мир истинный, основанный на справедливости и человеческой солидарности.

Безусловно необходимо соблюдать международные договоры, как бы они ни были неприятны для тебя. И мы должны спросить себя – что мы можем и чего мы не можем? Мы не поступимся своей землей, но мы не желаем создавать новые марионеточные государства и затем кормить их и, самое главное, – вооружать за счет нашего бедного народа. Интересы русского народа не находятся в Синьцзяне или Монголии точно так же, как они не находятся в Эфиопии или какой-нибудь Гвинее-Биссау, которую на большой карте и не найдешь; интересы русского народа в его стране и только там. Нас же хотят послать умирать в монгольские степи, дикие и пустые, которые не являются территорией России. И пока вопрос о Монголии не будет разрешен, мира с Китаем не будет, какое бы правительство ни существовало в стране.

Часто высказывается мнение, что во взаимоотношениях „двух коммунистических гигантов могут произойти коренные изменения" и тогда весь мир окажется перед лицом колоссальной угрозы. Опасность станет неизмеримо большей, чем она была в начале 50-х годов, когда СССР и КНР были „союзниками не на жизнь, а на смерть" и казалось, что не будет конца их союзу. За несколько лет союз этот превратился во вражду, а ныне мы находимся буквально на грани войны, войны атомной.

Несколько лет назад (в 1977 году) американский политический деятель Мансфильд говорил о подобном развитии. Он подчеркнул, что возможность сближения СССР и КНР существует, по крайней мере теоретически, и если это произойдет, Запад

окажется в ужасном положении. Некоторые политические деятели полагают, что США должны осуществлять свое присутствие в Азии более широко, чем когда-либо раньше. Тем более, что отношение Китая к американскому присутствию в Азии изменилось.

Отношения между СССР и Китаем могут улучшиться, однако это представляется маловероятным на обозримый исторический промежуток времени. Можно, разумеется, сослаться на военный конфликт 1929 г. и длительный разрыв дипломатических отношений, а затем переход к „вечной дружбе". Причины конфликта, однако, очень глубоки, и он всегда будет тлеть под пеплом словопрений и заверений в любви. Затем чем-то или кем-то раздутая искра вспыхнет, и из нее возгорится пламя. И все сгорит, и мы, грешные, вместе со всем.

Конечно, китайский вопрос не в том состоит, что нам, русским, якобы „не привыкать ненавидеть китайцев", как с удовольствием пишут некоторые специалисты по советско-китайским отношениям. И не в том, что-де в России питают предубеждения к людям желтой кожи. Это вздор. На территории России, а не только империи, живут миллионы людей с желтой кожей, и естественный процесс смешения всегда имел место. Отношение к китайцам уж наверно лучше, чем, например, к немцам, с которыми за один век было две жесточайших войны. Все это определенным образом направленная пропаганда, наподобие рассуждений в книге Солсбери, что-де сражаться китайцев заставляет растущее население. „Они хотят и должны сражаться" (Солсбери..., с. 148). Они „должны" сражаться, может быть, за чьи-то интересы!?

Советские лидеры, конечно, обострили конф-

ликт с Китаем. Он, этот конфликт, был весьма нужен им и они его ускорили, довели до грани военного столкновения и манипулируют им, ожидая подходящего момента. Им, владыкам империи, он необходим, чтобы под страхом угрозы извне возбудить национальные чувства и объединить раздираемое жесточайшими противоречиями советское тоталитарное общество. Они прекрасно знают обстановку внутри страны. Они видят, что в стране медленно, очень медленно, но неуклонно, нарастает то, что одни называют „борьбой за гражданские права", другие – „национальными движениями", а третьи, – как нам кажется более точно, – борьбой против тирании. И в самой дальней перспективе их это пугает может быть не меньше, чем конфликт с Китаем.

Ничему не научившись, ничего не поняв, они ищут разрешения всех созданных ими самими проблем там же, „на сопках Маньчжурии".

Все, кто правили нашим бедным отечеством последние 60 лет, недопонимали важность взаимоотношений с Китаем для существования державы вообще. Но ведь это же было совершенно очевидным, бросалось в глаза любому, кто давал себе труд задуматься над судьбой своей Родины!

Русский ученый, специалист по Востоку В. Г. Богораз-Тан писал еще в 1922 г., когда Китай бился в конвульсиях междоусобиц и иностранного вмешательства: „И не надо быть пророком для того, чтобы предсказать, что уже во второй половине XX века, объединенный Китай явится, вероятно, едва ли не главным фактором всемирной политики, самой тяжелой гирей на весах международного равновесия" (статья „Переселение народов в социологической

перспективе", из рукописей ученого). Здесь же он предупреждает: „Исполинский Китай довершает войну за свое объединение и технически-культурное возрождение".

Еще за полвека до него, лучший знаток Китая в России, а может быть и в Европе, горячий патриот С. М. Георгиевский написал книгу „Принципы жизни Китая", которая является глубочайшим философским произведением, а не только трактатом об основах жизни китайского общества, и, по нашему мнению, ничуть не потеряла важности и по сию пору. В ней проф. Георгиевский подчеркивал: „Вопрос о будущности Китая имеет громадную, мировую важность, так как тот или другой исход столкновения Востока с Западом существенным образом повлияет на дальнейший прогресс всего человечества" (С. М. Георгиевский. „Принципы жизни Китая", с. XIII). И это справедливо сегодня точно так же, как было справедливо много лет назад. Но ныне от разрешения китайского вопроса зависит жизнь русского народа или его смерть.

Существует лишь один путь – путь урегулирования и мирного разрешения нашего конфликта с Китаем. Но без участия третьей великой тихоокеанской державы урегулирование отношений с Китаем не будет окончательным, и мы вскоре опять можем оказаться на грани столкновения с одной или обеими державами Востока. Все три державы должны вместе решить их жизненные проблемы – мирно, последовательно, разумно урегулировать: Китай, Япония, Россия.

Три великие мировые силы, три державы, имеющие колоссальные интересы в районе Тихого океана, где сходятся их границы. Здесь лежит центр тя-

жести нашей будущей политики. Менделеев и В. С. Соловьев, Георгиевский и Богораз-Тан, Данилевский и много других, мудрых, честных и преданных России людей предупреждали нас об этом.

Здесь, на берегах Великого океана, определится судьба наша. И Россия, Китай, Япония должны разрешить свои споры и принести мир не только себе, но и человечеству. Без чужого давления, без постороннего вмешательства в наши дела. Три державы должны заключить Тихоокеанский пакт трех.

Вспомним прошлое. В 1896 г. был заключен Московский договор о военном союзе с Китаем, причем ранее правительство Китая никогда не заключало подобного договора с другими державами. В известном смысле, это был первый союз подобного рода, первый опыт. Разумеется, мы далеки от мысли в какой-либо степени пытаться вернуться к заключению договоров, направленных против любой другой страны. Здесь важен прецедент. И не взятками, которые Витте рассовывал китайским чиновникам, нужно добиваться союза и мира, а учетом взаимных интересов и государственной честностью.

И если справедливо, что Китай готов был подписать договор, поддерживающий статус-кво на его северных границах, то это исключительно важно, и здесь открывался бы путь к первоначальным переговорам.

В качестве основ для соглашения можно выдвинуть такие кардинальные положения: 1) твердое и решительное признание границ России (подчеркиваю, России); 2) немедленное избавление от монгольского ярма на нашей шее; 3) урегулирование

наших отношений с Японией на приемлемой для обеих сторон основе; 4) заключение самых широких и охватывающих все области хозяйства экономических соглашений; наши три страны имеют необозримые возможности для взаимовыгодной торговли и сотрудничества при выполнении ряда самых грандиозных проектов, что поведет к миру и взаимному процветанию.

Но без разрешения территориальных споров, отравляющих наши отношения, никакое мирное и успешное развитие ни в какой области – экономической, политической, социальной – не возможно. Соглашение, подобное „Пакту трех держав", и мирное сосуществование России, Китая, Японии необходимы. Наши отношения начались совсем недавно, и у наших трех держав все еще впереди...

Обладая колоссальными ресурсами и мощными экономическими потенциалами, урегулировав существующие между нами разногласия, три наши великие державы создадут прочный порядок и сослужат великую службу не только своим народам, но и народам мира.

Результатом такой исторической встречи трех великих стран на берегах Великого океана (как называли его в старину предки наши) мог быть какой-либо юридически закрепленный союз. Весь мир стал бы считаться с этим союзом. Хотя и существуют силы, которые будут препятствовать такому соглашению (по различным причинам) или попытаются ослабить его силу. Но если мы не сумеем заключить такой союз, то останется одна возможность разрешения наших споров – силой оружия; не через пять, так через десять, не через десять, так через пятьдесят лет спор будет решен (независимо от того, ка-

кие силы будут управлять нашими странами) невероятно разрушительной войной, взаимным уничтожением.

Велики противоречия и жизненно важно то, из-за чего идет спор, как для нас, так и для Китая. Китай будет ждать. Ему некуда торопиться. Время работает на него.

Решение китайского вопроса – а он шире, чем только взаимоотношения с Китаем – должно стать одной из важнейших задач любого национального правительства. И может быть мир, который возникнет тогда, и то общество, в котором будут жить наши народы, окажется лучше. В нем воцарится дух человеческой солидарности и взаимопомощи.

Если же этого не случится, то нам останется лишь одно – драться насмерть, и здесь нет ни малейшего преувеличения, ибо под вопрос будет поставлено наше национальное существование.

БАМ

Байкало-амурская железная дорога. По официальным данным, ее строят 80 тыс. рабочих и она должна быть окончена к 1983 г. Заметим попутно, что не 80 тыс., а 200 тыс., но это мелочь. Здесь не учтены те, кто фактически принудительно или под сильным нажимом обязан отработать на строительстве некоторое время. Скажем, так называемые студенческие строительные отряды. Правда, их трудовая повинность, называемая в СССР „трудовым семестром", длится не столь уж и долго, иногда 2-3 месяца.

Эта железнодорожная магистраль проходит севернее транссибирской железной дороги, строившейся еще при Бадмаеве. Начинается эта железная дорога в поселке Усть-Кут, который ныне известен каждому жителю СССР. Идет она параллельно Амуру и выходит к нему в г. Комсомольск-на-Амуре.

Строить ее начинали еще в 1939 г. ввиду неизбежности столкновения с Японией, которого советское руководство в ту пору опасалось весьма сильно и к которому готовилось. Строилась дорога под руководством Вознесенского. Впоследствии он был ликвидирован Сталиным (в 1950 г., по ленинградскому делу), но в те годы Вознесенский власть имел и руководил большими проектами. БАМ строился и с целью, как это ни странно, „догнать и перегнать империалистический Запад". Не знаю, известно ли на Западе, что дороженьку эту дотянули далеко за Усть-Кут, к реке Витим, что как раз на се-

вере от Байкала. Строили только заключенные. Строили быстро. Тогда за невыполнение нормы был расстрел. Строили, правда, не очень хорошо, но и напрасно – во время войны построенный участок был разобран, а рельсы пошли на противотанковые ежи под Сталинградом.

Строить ее снова начали тогда, когда в 50-х годах строили ж.д. Абакан-Тайшет. Тянули ее от Братска до Усть-Кута, но строить было крайне тяжело, а заключенных к тому времени использовали лишь на отдельных участках, да и темпы у „зэков" не те были, что в сталинскую эпоху. Поэтому строили медленно.

Все это – история, но именно по этой железнодорожной ветке теперь собираются вывозить колоссальные богатства сибирских недр, начиная с леса и кончая железными рудами из района Нижней Тунгуски. Вывозить на этот самый „загнивающий Запад", где энергетический кризис оказывает значительное влияние на экономическое положение развитых стран. Такие поставки весьма важны будут для укрепления экономики этих стран. Отсюда восторги некоторых западных газетчиков, которых возили по району строительства: стройте скорее, у нас кончается топливо и ископаемые нынче так дороги. Выручайте, „смертельные враги", капиталистический мир.

И строят советские руководители, стараются – построят „могучую транспортную артерию", а затем отворят ее и выпустят наружу – газ, нефть, все наши богатства. Утечет наша сила, наша кровушка.

Но, безусловно, главное значение этой дороги – стратегическое. Нынешняя транссибирская ж.д., построенная на рубеже веков, проходит вплотную к

советско-китайской границе и может быть легко выведена из строя простым артиллерийским обстрелом.

Но имеется и третья, скрытая зачастую от стороннего наблюдателя, да и даже от тех, кто строит саму магистраль, причина, по которой предпринята колоссальная стройка – „стройка века", как любят называть ее в газете „Правда".

Верное своей постоянной политике смешения всех национальностей, которую они столь упорно проводят в больших городах России, в Казахстане, на Украине, советское руководство рассматривает „создание новой исторической общности людей – советского народа", не как просто лозунг, а как важнейший инструмент своей политики внутри советской империи. Оно стремится во всех вновь строящихся промышленных районах и городах создать предельно смешанное население.

Таким полем деятельности творцов „новой исторической общности" является Сибирь. Если мы посмотрим на карту, то станет ясным, что БАМ тяготеет к Якутии и одновременно к Бурятии. Об якутах мало известно даже в СССР, а между тем, несмотря на свою малочисленность, они настроены весьма национально и занимают колоссальную территорию – 3 млн. кв. км. Общее население района БАМа предполагается довести до 1 млн. человек и обязательно смешанное, чтобы ускорить процесс ассимиляции всех тех народов, которые окажутся в зоне прохождения ж.д. Прежде всего это касается малых народов Сибири, независимо от их нежелания вариться в котле „новой исторической..." без своего языка, своей культуры, веры. То, что якуты плохо поддаются асси-

миляции, прекрасно известно тем, кто планировал создание новых районов в Сибири со столь значительным для этих мест населением.

Кроме того, в том районе, где пройдет БАМ, имеется хоть и весьма незначительное, но все же твердо сидящее на земле русское население. Это последний крупный район в Сибири, а возможно и в СССР, который избежал массовой смены и наплыва чуждого по национальному составу населения со стороны. Произошло это прежде всего потому, что не существовало удобных путей сообщения с этим районом. Он остался в стороне от многих процессов. И советскому руководству прекрасно известно, что именно здесь, особенно на севере Читинской и Амурской областей и Хабаровского края, необычайно высок процент верующих среди местного русского населения. Пришельцы должны принести с собой иные обычаи, иной уклад жизни, быть людьми другой национальности. И возрастает напряжение во взаимоотношениях людей, как это было, скажем, в Казахстане, или происходит в Эстонии. Вот еще один аспект „стройки века", ускользающий от „пытливого" взора заезжих корреспондентов.

Планомерно, продуманно, направляются „посланцы всех союзных республик" на строительство БАМа, где создают все условия (даже квартиры дают) для того, чтобы приехавшие остались навсегда.

Впрочем то, что БАМ есть не только стройка, а нечто гораздо большее — своего рода испытание политической и социальной модели будущего советского общества, — говорится в советской печати открыто и достаточно ясно (см., например, „Проблемы Дальнего Востока", № 2, 1977, с. 25).

Важно и желание увеличить редкое население в этом районе, примыкающем к Китаю, то есть продолжается процесс, подобный тому, который имел место в Казахстане.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агурский М. С. Передача радиостанции „Немецкая волна", 20.1.76.

Бадмаев П. А. Россия и Китай. – СПб., 1900.

Богданович А. Е. Дневник. – М.–Л., 1926.

Богораз-Тан В. Г. Переселение народов в социологической перспективе (из рукописей ученого). 1922.

Болобан А. П. Колонизационные проблемы Китая, Маньчжурии и Монголии. – Харбин, 1910.

„Большевик" № 9, 1941.

Галлуа П. Стратегия в ядерный век . – М., 1963.

Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. СПб., 1881.

Головачев П. М. Россия на Дальнем Востоке. – СПб., 1904.

Грановский, ред. Пролог русско-японской войны. (Материалы из архива гр. Витте). – М., 1916.

Грошев И. И. Борьба против национализма. – М., 1974.

Грэвс В. С. Американская авантюра в Сибири. – М., 1932.

Гуревич. „Вопросы истории" № 9, 1974.

Далин Д. Г. Sov. For. Pol. after Stalin. – L., 1962.

„Женьминьжибао", 1.11.77.

Залаткин И. Я. История джунгарского ханства. – М., 1964.

„За рубежом" № 37, 1969.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых 18 в. – Иркутск, 1968.

„Известия", 20.2.1974.
Кеннан Г. Ф. Rus. For. Pol. – L., 1962.
„Коммунист Украины" № 4, 1973.
„Красный архив" № 6. – М., 1929.
Кюзаджян Л. С. Пролетарский интернационализм и мелкобуржуазный национализм. – М., 1968.
Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство, т. 1. – М., 1885.
Леонтьев К. Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. – М., 1889.
Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 7, ч. 2. – М., 1930.
Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. „Красный архив". 1927, 1-20.
Менделеев Д. Дополнение к познанию России. – СПб., 1907.
Миллард Т. The New Far East. – London, 1907.
„Млада фронт" № 337-7474. – Прага, 1968.
Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX в. – М., 1924.
„Правда", 2.9.1964.
Пратт Т. Hist. of US For. Pol. – NY, 1955.
„Проблемы Дальнего Востока" № 2, 1977.
Раух Б. Hist. of New Deal. 1933-38. – NY, 1944.
Родзянко. Воспоминания. – Л., 1926.
Ростунов И. И., ред. История русско-японской войны. – М., 1977.
„Русский архив", кн. 3, 1878.
Саввин В. П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. – М.-Л., 1930.
Садовский А. И. Наши землепроходцы. – М., 1874.
Сапожников Б. Г. Китай в огне войны. – М., 1977.
Сборник „1905 г." т. I. – М., 1928.
Сборник „Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР". – М., 1975.

Сборник, под ред. А. А. Иванова. „Начальный период войны". – М., 1977.
Сборник „Синьхайская революция в Китае". – М., 1962.
Семенников В. П., ред. За кулисами царизма. Архив тибетского врача П. А. Бадмаева. – Л., 1925.
Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг. – Париж, 1973-1975.
Соловьев В. С. Собр. соч., т. 7. – СПб., 1912.
Соловьев. Воспоминания дипломата. – М., 1960.
Солсбери. War between Russia and China. 1969.
Справочник „Население СССР". – М., 1974.
Справочник „Население СССР". – М., 1975.
Справочник „Народы Азии". – М., 1924.
Справочник „Народонаселение стран мира". – М., 1974.
Страленберг Ф. И. Северная и восточная часть Европы и Азии
„США" № 4, 1975.
Танзилл К. Back Door to War. 1933-41. – Chicago, 1952.
Ткачев П. Н. Собр. соч., т. 3. – М., 1934.
Томпсон Д. Непредвидимое будущее. – М., 1958.
Торгашев П. И. Авантюры на Дальнем Востоке. – М., 1907.
Трусевич Х. Посольские и торговые отношения с Китаем до XIX в. – М., 1882.
„Учебник истории СССР". – М., 1950.
Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939-45. – М., 1956.
Хайд М. Комната 3603. – М., 1967.
Харрисон Е. Peace or War East of Baikal. – L., 1910.
Хаттори, Такусиро. Япония в войне 1941-45. – М., 1973.

ЦГАОР, СССР, ф. 1261, 1918, оп 1 д 46.
Цыбиков Г. Ц. „Записка" Центр. гос. военно-исторический архив, Лен. отд., ф. 421, ед. хран 166.
Шевиньи. Hist. Russ.-Amer. – NY, 1960.
Эренбург И. Люди, годы, жизнь.
Яковлев. 1-е августа 1914 г.
Ясперс К. Куда движется ФРГ. – М., 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Отношения с Китаем до 1917 года	9
Советская империя	26
Национальная ситуация в СССР	32
План Бадмаева	43
План Цыбикова	56
Монгольский вопрос	62
Синьцзян, Тибет, Маньчжурия	70
О расчленении СССР	85
Сибирская проблема	90
Варианты решения китайской проблемы	97
Япония и СССР	108
США и СССР	122
Конфликт	145
Китайский вопрос	169
Мир на Тихом океане	181
Приложение: БАМ	190
Библиография	195

Ведущие западные газеты, американская „Вашингтон пост" и английская „Дейли телеграф" оценили статьи Андрея Самохина как „прогнозы советской внешней политики". И в самом деле в напечатанных в этих газетах статьях Самохина „Разрядка" и „Зачем нужна война с Китаем?" автор дает глубокий анализ внешней политики советского правительства, неизменно направленной на экспансию коммунизма, на захват и подчинение коммунистической власти все новых и новых регионов.

Свою книгу „Китайский круг России" Самохин посвятил уже не советскому империализму в его целом, но лишь отношениям Россия — Китай, в которых он видит, однако, „вопрос дальнейшего существования России, вопрос ее жизни и смерти". В ней автор раскрывается, прежде всего как горячий русский патриот, убежденный, вместе с Солженицыным, что сегодняшняя вражда между китайцами и русскими — следствие агрессивности коммунистических правителей и что на самом деле „нет неизбежности ни в войне, ни в мире", что вооруженного столкновения можно и должно избежать.

В обстановке, когда партийная пропаганда даже советское вторжение в Афганистан пытается оправдать заявлением, будто туда собирались войти китайцы, книга Самохина действует отрезвляюще. И даже не соглашаясь с ним в тех или иных деталях, мыслящий читатель наверное согласится с ним в главном: России нужна не бессмысленная вражда и соперничество с Китаем, а осторожная миролюбивая политика, построенная на понимании того, что нам суждено навек „жить с Китаем бок о бок на одной планете". Такая политика — поскольку советская власть заведомо к ней неспособна — должна стать, по мысли Самохина, „одной из важнейших задач любого национального правительства".